

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ LI.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1810.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 9. М А Й 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Письма Е. В. Фукса о послѣдней
войнѣ Французовъ съ Прусаками.*

I.

Вы желаете, любезнѣйшій другъ, имѣть отъ меня подробныя свѣденія о прошедшей войнѣ Пруссіи съ Франціею. Къ крайнему прискорбію моему не могу я въ полной мѣрѣ удовлетворить сему желанію вашему. Я прибылъ въ армію почти уже въ концу войны: ибо черезъ три недѣли моего въ Тилзитѣ пребыванія начались мирныя переговоры. Но для любопытства вашего могу сообщить вамъ нѣкоторыя замѣчанія мои о прошедшихъ дѣйствіяхъ опривками. Не могу объ нихъ говорить какъ самовидецъ; но буду пересказывать

слышанное. Находясь въ Мемелѣ, гдѣ пребываніе свое имѣетъ теперь и Прусскій Королевскій Дворъ, имѣлъ я случай познакомиться какъ со многими Прусскими Офицерами, которые на театрѣ войны были дѣйствующими лицами, такъ и съ вѣкомскими ко Двору принадлежащими особами, и вы увидите въ письмахъ сихъ свѣденія, отъ нихъ заимствованныя. А такъ какъ я пишу къ другу, котораго особенно почишаю, то и не имѣю нужды скрывать истинну; напропавъ того намѣренъ обнажить все чувства и мысли свои съ должнымъ чистосердечіемъ. Отъ васъ же ожидаю снисхожденія, если въ письмахъ моихъ не будетъ сохраненъ порядокъ: я пишу не испортию, а что мнѣ въ голову придетъ. Вы мнѣ просшите, и такъ къ дѣлу.

Паденіе, столь скоро свершившееся, Прусской Монархіи, есть конечно произшествіе, которое должно привестъ въ изумленіе вселенную. Кто бы за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ могъ повѣрить, что Государство сіе — вознесенное Геніемъ Фридриха Великаго на чреду первосепенныхъ Европейскихъ Державъ, прославившееся героическими дѣяніями въ семилѣтнюю войну, спяжавшее Государственными доходами столь значную казну — что сіе огромное зданіе разрушится, такъ сказать, мгновенно? — Кто бы

могъ повѣрить, что непріятель такъ бы-
спро нанесетъ повсюду столь смер-
тельные удары? 10 го Октября прошлаго
1806 года передовыя войска изъ 6000 чело-
вѣвъ подъ начальствомъ Принца Людовика
разбиты и онъ самъ убитъ. 14 го Обв арміи
между Іеною и Ауерштепомъ погребли свою
славу, 20,000 Прусаковъ погибли. 24го Октя-
бря Наполеонъ уже въ Берлинъ; 1 го
Ноября Полковникъ Ингерслебенъ сдаетъ
Маршалу Даву крѣпость Киспринъ, 4000
опдающихся въ плѣнъ, 90 пушекъ достают-
ся въ добычу непріятелю. Колонна 4000
подъ начальствомъ Генерала Била послѣ
сраженія 31 го Октября опдаешь свое ору-
жіе Генералу Бекеру; 27го Октября Принцъ
Тогенлоге съ корпусомъ 60,000 заключаетъ
капитуляцію у Пренцлау, послѣдствиемъ
которой была сдача Шпешина. Такая же
капитуляція была въ Ерфуртѣ, гдѣ Гене-
ралъ - Фельдмаршалъ Меллендорфъ, 14,000
войска и 120 пушекъ достались Францу-
замъ. Герцогъ Виршембергскій разбитъ при
Галле. Въ такомъ жалостномъ положеніи
находилась уже Пруссія, когда Россійское
воинство вступило въ ея предѣлы. Тогда
уже въ Прусской арміи разпроспранился
страхъ, воинство было безъ на-
чальниковъ, и шѣ, которые оставались,
посрамили себя постыдными поступками.
Гласъ народа изрекъ имъ уже свой приго-

воръ, и въ позоръ имъ прйдутъ имена ихъ до позднѣйшаго попомства. Но не всѣ были шакovy. Были и доспойные мужи, которые въ опаснѣйшемъ положеніи показали величїе духа, и шѣмъ заслужили признательность опечества.

Событія шоль непоспимыя ошпанавливають умъ каждаго наблюдателя, и раждають въ немъ весьма ешественное желаніе узнать, какъ все сіе могло прійзойти? Исслѣдованіе сихъ причинъ будетъ предметомъ моихъ писемъ. Я постараюсь, сколько могу, свѣсиль ихъ безприсрасшно, и руководствоваться мнѣніями людей, общешвеннаго уваженія и довѣрія достойныхъ.

Начну въ слѣдующемъ письмѣ; шеперь прощайте на время.

II.

Прежде нежели, по общанію своему, возмусь я за сію споль длинную цѣпь различныхъ, опдаленныхъ, ближайшихъ и олучайныхъ причинъ, приключившихъ разрушеніе Прусской Монархіи, нужно намъ непременно пресидиться мысленно въ вѣкъ Фридриха. Чшо онъ былъ великъ, сіе намъ извѣшно. Дванія его, яво философа, полководца и тонкаго полашика, прославляемы попомствомъ. Каж-

дый Прусакъ съ благоговѣнїемъ произносишь имя его. И шакъ послушаемъ, что говорятъ здѣшнїе патриоты о полишии сего ими богошворимаго Государя. Ось, на которой она тогда вершблась, была *равно-вѣсіе Европы*. Ничто не могло опвлечь его отъ сей системы. Отсюда произошелъ Германскій его союзъ, оплотъ, противупоставленный Австріи, непрерывно спремившейся къ разпроспраненію своихъ предѣловъ и своего надъ Германскимъ корпусомъ владычества. Недремлющій спражъ сихъ вѣсовъ, никогда не преклонялъ онъ слуха своего ни къ какимъ обольстительнымъ внушеніямъ о совершенномъ уничтоженіи Королевства Польскаго. Онъ довольствовался шокмо первымъ пріобрѣтеніемъ доставнагося ему удѣла, которое дало границамъ его нѣкоторую прочную круглосъ; Польша же сама сдѣлалась для Силезійскихъ его фабрикъ колонією, изъ которой чрезъ Вислу получалъ онъ дешевыми цѣнами всѣ ея произведенія и сѣбстныя припасы для своихъ армейскихъ магазиновъ. Едва наслѣдникъ его на пресполъ, какъ вдругъ уклонился. онъ отъ правилъ сей полишики — но какія же выгоды получилъ онъ отъ сего приращенія? Силезія лишилась дошолъ обильно получаемыхъ изъ Польскихъ провинцій своихъ продуктовъ; Пруссея сдѣлалась непосредственно сосѣдственной держа-

вою Россіи; получила подданныхъ, на вѣрность которыхъ положиться никогда не могла; да и въ нужномъ случаѣ едва ли была бы она въ состояннн защищать новые сіи столь обширные предѣлы. Но всего хуже то, что 1800 году, какъ по спашиспическимъ таблицама извѣстно, были отъ шѣхъ провинцій доходы 2,582,541 шалеровъ, а расходы на содержаніе войскъ 2903553 шалеровъ.

Съ самой эпохи раздѣла Польши ходъ Прусской политики сдѣлался совершенно превращеннымъ. Министръ Графъ Герцбергъ, воспитанный въ правилахъ Фридриха, ошважился предсавить покойному Королю съ швердосшію, досшойною напрѣоша, всѣ опасности, которыя Пруссію отъ переменны системы неминуемо постигнути и которыя всѣ послѣдовали. Но предсавленіе было опвергнуто. Съ удовольствіемъ читалъ я его при письма къ Королю; но съ сожалѣніемъ ошвѣтивъ Короля. И пакъ можно сказать, что съ Фридрихомъ великимъ изчезло и благо Пруссіи. Каждый Прусакъ сіе чувствуетъ, и въ бесѣдахъ всѣхъ здѣшнихъ состояннн повторяются непрерывно со вздохами слова сіи: *Ja, wenn der alte Fritz noch lebte! Ахъ! когда бы старый Фрицъ былъ живъ!*

Недавно разговаривалъ я съ однимъ почтеннымъ, сбдиами украшеннымъ Прусскимъ Полковникомъ, имбвшимъ щастіе служишь подб знаменами сего Прусскаго Героя. Со слезами и сб вошоргомб говорилъ онб обб немб: Одного однако не могб онб ему простишь, и имянно, его невбрїя, и шого, что онб Вольперу позволялб писатб ругательныя на щетб Религїи сочиненїя, и даже самб вб помб участвовалб. По мнїнїю его, сїе имбло вредное влїянїе на образб мыслей и на развращб ныбшихб Офицеровб. Грустно мнб спало слышатб, что и великїе люди плашили данб человбчеству.

Нбшб ничего совершеннаго вб подсолнечной.

И солнце и луна шембюшб.

Прощайте.

III.

Доколб воинство сохраняетб прїобрбженное мнбнїе о своей непоббдимости, оживляется и подвизается великимб духомб Полководца, дошолб поббда конечно всегда бываетб на шпоронб онаго несомббною. Но когда общее сїе мнбнїе начинаешб упадешб, шогда и духб войска начинаешб колебашся недовбрчивостїю кб своимб силамб, а со временемб и все ослаббваетб. — Для обняшїя сей истинны нужно проббжашь

хотя поверхностно Испорию Пруссаго войска съ начала существованія онаго по наше время, и мы увидимъ, сколь многимъ измѣненіямъ оно подвергалось; а это одна изъ главнѣйшихъ причинъ шѣхъ гибельныхъ неудачъ, вопоря недавно послѣдовали.

Въ первый разъ появились чепыре тысячи Прусскихъ войскъ въ тридцати-лѣтнюю войну подъ начальствомъ Государя ихъ, Курфирска Георга Вилгельма, вопорый умѣлъ вдохнуть въ нихъ героическій духъ, сражался съ успѣхомъ съ славными въ тогдашнее время Шведскими войсками, и даже опважился противуспать Тюреню. При Фридрихъ I возшедшая сѣя заря померкла. Восхищенный пріобрѣшеніемъ Королевскаго шипла, занимался онъ блистательною пышностію Двора своего, и смотрѣлъ равнодушно на исполинскіе шаги Карла XII. Тогда долженъ былъ Генералъ-Фельдмаршалъ уступать первенство Каммергеру. Наслѣдникъ его, Фридрихъ Вилгельмъ, принялъ систему, совсемъ противную. Исчезли всѣ придворныя цершества; ихъ мѣсто заступили такъ называемыя табашныя коллегіи (*Tabats Collegium*), бесѣды и сходбища военныхъ, гдѣ курились шрубки; тогда уже всякой Фендрихъ (*) смотрѣлъ презрительно съ плеча на жал-

(*) Прапорщикъ.

наго Каммергера, и Боже упаси обидѣть Пошдамскаго гренадира въ 12 вершковъ! это почтислалось наравнѣ съ оскорбленіемъ Величества. Но къ щастію сего войска, вождемъ его былъ Леопольдъ Дессаускій. Что Король цѣнилъ токмо въ одной формѣ, то сей направлялъ къ лучшимъ намбрѣніямъ; и самъ Герой начавшагося тогда спольшія, Карлъ XII, долженъ былъ въ Спральзундѣ усщупишь храбрости Прусскаго войска.

Наконецъ сія, наилучшимъ образомъ составленная машина досталась въ руки Фридриху единственному. Не форма ея ему была нужна; нѣтъ! онъ лучше своихъ предшественниковъ умѣлъ ее завести и дать ей движеніе гораздо полезнѣшее. Какое перерожденіе явилось въ арміи! какіе блистательные подвиги вознесли ее на верхъ славы! въ какомъ совершенствѣ передалъ онъ сію армію своему наслѣднику! Здѣсь повпоренія о прошедшемъ ненужны. Со времени окончанія семилѣтней войны извѣстно, какое ощущеніе собственнаго достоинства оживляло каждаго Прусскаго Офицера; онъ поставлялъ себя выше всѣхъ состояній, и Фридрихъ умѣлъ поддерживать сіе возвышенное чувство, такъ что всякой богашѣйшій дворянинъ, и самый Принцъ крови за честь себѣ вмѣнялъ служить въ его арміи. Вездѣ Офицеръ бралъ преимущество надъ первѣйшимъ

шпашскимъ чиновникомъ: вообще гражданское чиновначаліе было въ нѣкопоромъ униженіи и упадкѣ. Система воинскаго правительсва по предписывала. Воинское сословіе было единою опорю Прусскаго престола; шокмо въ семъ сословіи дворянство сохраняло духъ древняго рыцарства. Безъ сего все бы изчезло. Въ продолженіи мирнаго времени таковое предпочтеніе одного сословія предъ другимъ порождало безпрерывныя несогласія и раздоры между воинскими и гражданскими сословіями. Наконецъ революція Французская, истребившая дворянство, и одержанныя тогда національною гвардіею надъ регулярными войсками побѣды произвели на здѣшнее среднее сословіе впечатлѣніе, которое сильно потрясло всю воинскую машину. Война на Рейнѣ нѣсколько поддержала ее; но безпрерывныя неудачи въ Польшѣ, позорное сраженіе блокады Варшавской и таковыя истребительныя начали уже въ полной мѣрѣ открывать безсиліе Прусскаго оружія. *Finitis Tunc!* — Офицеры, не смотря на то, не преставили и силились играть съ дерзкою самонадежносшію прежнюю блистательную свою роль, и шѣмъ подвергали себя шокмо общему посмѣянію. Но, Ауерштепъ! . . . Тамъ гробъ славы вашей, несчастные Пруссаки; тамъ погребаепъ и васъ и себя Герцогъ Брауншвейгскій. —

Въ будущемъ письмѣ получите вы крапкую біографію сего замѣчательнаго человѣка.

IV.

Нѣшѣ соспоянїя , которе бы подвергалось споль многимъ , иногда справедливымъ , иногда кривымъ полкамъ общесства , какъ соспоянїе начальника арміи. Мы видѣли примѣры въ древней и новѣйшей Исторіи , чпо и самыя побѣды Полководцевъ не избѣгали нелѣпыхъ сужденій ; кольми же паче безъ всякой пощады дѣлается предметомъ всѣхъ поношеній и ругательствъ поперявшій всю армію , лишившійся и послѣдняго гореспнаго права сказать: все потеряно , кромѣ чести! Въ такомъ опчаянномъ и для смертнаго злополучнѣйшемъ соспоянїи находился Герцогъ Брауншвейгскій. Онъ на сраженїи лишился своего зрѣнїя , какъ будпо бы для того , чпобы не видѣть своего позора. Тотчасъ послѣ сего нещаснаго дѣла явились ругательныя сочиненїя. Во всѣхъ журналахъ напечатано письмо одного Берлинскаго гражданина , въ которомъ сей упрекаетъ его или въ измѣнѣ , или въ невѣжествѣ. Тутъ приведенъ былъ на память и прежнїй его манифестъ , въ которомъ угрожалъ онъ и камень на камени въ Парижѣ не оставитъ. Правда , чпо такое погдашнее обнародованїе было весьма необдуманно и съ погдашнимъ умовоспаленїемъ Фран-

цузовъ несообразно. Оно въ одно мгновеніе поставило въ ружье двадцать миліоновъ людей, пресѣкло всѣ ихъ междоусобія, соединило всѣ умы и вліяло въ душу народа, за вольность ополчавшагося, новую силу, новую отвагу. Да и послѣдній его манифестъ касался самой нѣжной струны — честолюбія побѣдами возвеличившихся Французовъ. Такія пашна пера производятъ поношеніе неизгладимое, которое переживаетъ многіе вѣки. — Жаль, что сей семидесятидвухъ-лѣтній спарецъ не положилъ предѣла своему честолюбію и не опрелся опѣтшила военачальника заблаговременно. Вотъ исторія его жизни :

Карлъ Вильгельмъ Фердинандъ, Герцогъ Брауншвейгъ - Волфенбишпельскій, родился 9 Октября 1735 года; былъ сынъ владѣтельнаго Герцога Брауншвейгскаго и сеспры Фридриха II, Короля Прусскаго. Въ 1764 году сочешался онъ бракомъ съ сеспрою нынѣ владѣющаго Короля Англійскаго, Августсю. Старшій наслѣдный его Принцъ скончался въ прошедшемъ году, а дочь въ замужствѣ за Принцомъ Валлійскимъ.

Тщательно спарался дядя его, Принцъ Фердинандъ Прусскій, дать ему воспитаніе, нужное для военнаго поприща. Подъ предводительствомъ его командовалъ онъ въ семи-

дѣшнюю войну при союзной арміи Брауншвейгскими войсками; съ похвалою отличился при Гаспенберѣ и Берзенѣ, гдѣ союзники Французами были разбиты; и при Крефельдѣ и Минденѣ, гдѣ они опять одержали побѣду. Въ 1760 году командовалъ онѣ передовыми войсками союзной арміи, и всунувъ слишкомъ опважно съ Французами въ дѣло, былъ ими разбитъ; но опсшупленіе его доставило ему великую честь. Онѣ при семъ случаѣ, и два мѣсяца спустя, при Клошернампфѣ былъ дважды раненъ. Въ 1761 находился онѣ въ сраженіяхъ при Виллѣнгаузенѣ и Варбургѣ, гдѣ Французы, и при Иоганнисбергѣ, гдѣ союзные были разбиты. При послѣднемъ дѣлѣ получилъ онѣ тяжелую рану въ животѣ.

По окончаніи сей войны возвратился онѣ въ Брауншвейгѣ, и въ 1780 году по смерти опца сѣвлался владѣтельными Герцогомъ; но оставался въ Прусской службѣ. Царствованіе его было крошкое и всѣми подданными прославляемое. Когда въ 1787 году Фридрихъ Вильгельмъ II вознамѣрился напасть на Голландію, то ввѣрилъ ему начальство надъ назначенною туда арміею. Онѣ славился въ Европѣ дѣятельностію и храбростію, которыя показалъ въ семилѣтнюю войну; а болѣе всего ознаменовалъ онѣ

себя въ 1778 году въ войнѣ съ Баваріею, гдѣ на шрудномъ поствѣ при Тропау въ Австрійской Силезіи умѣлъ удержаться прошиву всей большой арміи Императора безъ малѣйшей потери.

Бывъ назначенъ въ 1792 году Главноначальствующимъ всѣхъ соединенныхъ войскъ прошиву Франціи, издалъ онъ извѣстный манифестъ, копорому Дюмурье въ письмѣ къ другу своему, Генералу Бирону, приписываетъ единственню погдашніе успѣхи Французскаго оружія. Какъ позорно кончилась та кампанія, всѣмъ извѣстно. Теперь винятъ его здѣсь за Ауершпетское дѣло въ томъ, что онъ не имѣлъ даже резервной арміи; что не зналъ на Салъ мѣстѣ, чрезъ копорыя непріятель переправлялся; не умѣлъ его весьма удобно удержашъ, и назначилъ сраженію неприличные и невыгодные пункты, якобы умышленно, въ опдаленности отъ своихъ владѣній. — Время обнаружитъ все и болѣе.

Прощайте.

V.

Ничто такъ не раздираетъ душу каждаго Пруссака, какъ то, что непротипительная оплошность въ Берлинѣ доставила въ руки побѣдителей шпагу Фридриха.

Великаго. Эпопѣ мечь былъ нѣвѣй священный памятникъ, въ которому каждый подходилъ съ благоговѣнїемъ, и сіе безмолвное орудіе, сильнѣе всякаго пера Исторїи, напоминало Пруссїи о прежнихъ ея побѣдахъ и славахъ. — Сей мечь нынѣ въ Парижѣ. — По истиннѣ не можно не сочувствовать велико-сти сей скорби; но смертнымъ оспается въ утѣшеніе шокмо то, что все на земномъ шарѣ подлежитъ превращеніямъ и разрушенію; что оспалось намъ отъ Аевнѣ, Спарпы, Карагены и Рима? Однѣ печальныя развалины. Что получилъ Темиснохъ въ награду за спасеніе своего опечесства? Изгнаніе. Какую пользу спяжалъ Александръ отъ завоеванія древняго мїра? Смерть его все разрушила. Щасливо и блистательно началось военное поприще Помпея: какъ злодѣй, преслѣдуемый законами, долженъ онъ былъ послѣ Фарсальскаго сраженія скипаться по пустынямъ, пока мечь врага не преслѣдъ его мученій. Кесарь поработилъ гордый Сенатъ и вольныхъ Римлянъ; вознесенный на вышнюю степень своего величїя, прїемлетъ онъ насильственную смерть отъ руки перваго свѣта друга. Марій побѣждаетъ опаснѣйшихъ враговъ Римской Имперїи Тевтонцовъ съ успѣхомъ, каковому еще и примбра не бывало; онъ погибаетъ отъ честолюбїя соперника своего Силлы, а сей дѣлается жертвою поноснаго и порочнаго жи-

пїя своего. И ты, бессмертный Суворовъ! благодѣтель мой! и шебя уязвило жало зависимости! Простише, я забываюсь. —

VI.

Пора мнѣ шеперь приступить къ важнѣйшему предмету, и сообщить вамъ нѣкоторыя примѣчанїя о различїи между войсками Прусскимъ и Французскимъ. Я долженъ буду нѣсколько распространиться, пошому что сія столь великая разница между ними была главнѣйшею причиною побѣды послѣдняго надъ первымъ.

Нынѣ уже не существуетъ болѣе общей идеи, которая бы народы другъ противъ друга ополчала. Побѣды выигрываются шеперь ни изъ рвенїя къ религїи, ни для защиты вольности, ниже духомъ древняго рыцарства; мысль о поддержанїи равновѣсія между Государствами уничтожена послѣдними войнами; вольность, столь сильно Франціею обуявшая, не можетъ явиться въ Пруссїи. Чѣмъ же выигрывается нынѣ побѣда? Искусствомъ въ предводительствованїи войскъ, національною силою долго выдерживать войну, Географическимъ положенїемъ сражающихся Державъ, ихъ естественными или искусственными укрѣпленїями и сосредоточиванїемъ начальнической власти. Личная храбрость войскъ, ихъ охота къ сра-

женіямъ, ихъ неупомимосшь въ походахъ сушь причины случайныя; но означенныя выше оспаюшся всегда главными какъ выигрыша, такъ и проигрыша въ сраженіяхъ. Умственное мужество должно болве бышь въ предводителяхъ, нежели физическое въ солдатахъ; ибо нршь сомнвнїя, чпо на кулакахъ Французъ не успоишь пропиву Померанца или Прусакъ. Но въ чему годна шблесная сїя сила при огнѣ артиллерїи?

Вспи войну ешь искусство, копорому учишься надобно на войнѣ. Посмотримъ, сколько успѣли въ томъ Прусаки со времени сраженїя при Торгау.

Шестидесятъ шесть лѣтъ назадъ при Молвицѣ выиграла Прусская армія у храбрыхъ, въ войнѣ прїобыкшихъ Австрійцовъ сраженіе попому токмо, что употребила желѣзные шомполы и сравнила свой шагъ. Эшо извѣстно изъ Исторїи. Навѣрно потеряла бы она то сраженіе, ешьли бы Австрійская армія употребила съ помощію кавалерїи артиллерїю и прорвала сїи шбсно сомннущыя шоннїя Прусскїя линїи. Но тогда сїе было еще неизвѣстно. Фридрихъ II возвелъ на вышнюю степенъ то искусство, чшобы армію, яко машину изъ многочисленныхъ частей соспавленную, двигашь, развертывашь, соединять, подавать впередъ и назадъ; и доволъ соперники его занима-

лись сими его дѣйствіями и почишали оныя величайшимъ мастерствомъ, доколь побѣда была нераздѣльною соупницею Прусскихъ войскъ; но когда въ бурѣ Французской революціи вся нація слилась какъ сказашь во едино, и сія масса полпами, не по правиламъ разположенными, но разсѣянными сперва разбила и испребила регулярно ранжированныя арміи, а потомъ, подобно стаду пчелъ, непрерывно умножаясь, ни гдѣ не могла бытъ оспановлена: тогда изъ сего новаго образа войны родилась и новая система, которую въ совершенствѣ обнялъ еще и прежде духъ Генералиссимуса, Князя Ипалійскаго, и онъ слѣдовалъ ей въ Ипаліи. Вотъ что онъ называлъ напшскомъ (impulsion).

Съ 1795го года, по заключеніи мира, непроспительную сдѣлала Пруссія ошибку, что оспалась при старинной военной своей системѣ. Закоренѣлыя предрассудки стариковъ Генераловъ не позволяли вводить ни малѣйшей ошмѣны въ теорію и практику сей науки.

Новая сія Французами принятая военная система пребуешь непремѣнно ошъ солдатъ познаній и неослабной дѣятельности въ мирное и военное время. Во Французскихъ арміяхъ, гдѣ нѣшъ никакихъ

извѣстнѣй и привилегій, гдѣ солдатѣ, знающій сію науку, повышается чинами, тамъ уже она пятнадцатилѣтнѣ процвѣтаетъ.

Въ Прусскихъ арміяхъ имѣютъ силу наслѣдственнаго преимущества: простой солдатѣ почитается помяо часпицею машины; нравственнае образованіе и познаніе его ни къ чему не полезны и не ведутъ его также ни къ чему. Какъ машина спонтъ онѣ въ ружьѣ, какъ съ машиною съ нимѣ и поступаютъ. Онѣ не иное что, какъ неодушевленное орудіе; онѣ не можеть имѣть никакихъ видовъ къ поправленію своего состоянія повышеніемъ; въ нищенѣ прожидаетъ онѣ жизнь свою, и за малѣйшее упущеніе наказывается жестоко. Одна корысть, или чаяніе скораго мира, или палка, приуждающѣ его вдаваться въ опасность. Сверхъ того климатѣ, воспитаніе, пища, образъ жизни и пому подобныя дѣлаютъ многихъ Прусскихъ солдатѣ угрюмыми, нераспорочными и лѣнивыми.

Напрошивъ того во Французскихъ солдатахъ какія сильныя поощренія въ побѣдахъ! Тамъ всѣ препятствія къ восхожденію на вышнюю степенъ усстранены, и предъ глазами естѣ примѣры, что иной изъ низкаго состоянія быспро возлетѣвъ на высому полководца. Такимъ образомъ сла-

въ важдаго солдата, его повышенію и временному благосостоянію какое открываешся обширное поле! Одними моральными средствами подспракаешъ его Генералъ къ выполненію обязанности. Физическія, какъ-то палка, шпиль - ружьё и проч., ему совсѣмъ не нужны.

Если онъ дѣлается инвалидомъ, по Государство печешся о его содержаніи; если онъ умираешъ на полѣ сраженія, то наследники его не предаюшся произволу судьбы.

По старинной Прусской системѣ состояніе Офицерское составляло между прочіе въ мащинѣ; а такъ какъ онъ употреблялся шюмо орудіемъ, то для цѣли мало нужды было въ его познаніяхъ и нравственномъ образованіи. Если онъ зналъ регламентъ и механическую службу, то былъ въ своемъ совершенствѣ. Дабы шверже привязать его къ сему посту, умѣлъ духъ Фридриха породить общественную идею воинскаго point d'honneur. Но все сіе съ печеніемъ времени начало упадать. Были люди, которые чувствовали всю нецѣлосность такого образованія; но нишо не смѣлъ восстать противу общаго господствующаго мнѣнія. Съ такими - то предразсудками вступаетъ Прусская армія въ Ауершпешское дѣло. Въ порядкѣ баталіи выступашъ она въ маршъ, бывъ составлена изъ ин-

фантерїи и кавалерїи, и полагаясь по шинному на сомкнутые ряды длинно и шонно пропинушой своей инфантерїи, подкрѣпленной по сторонамъ кавалерїею, смѣшанною съ аршиллерїею. Наполеонъ Фолардскимъ конусомъ легкой аршиллерїи, маскированной кавалерїею, идепъ прямо въ центръ, колеблетъ и прорываетъ линїю — и Прусаци разбишы. — Инфантерїя ихъ, изуродованная павшическими движенїями, не прїучена къ изнуренїямъ послѣднихъ походовъ, бросаетъ оружіе, бѣжитъ, и шумъ начинается шакъй безпорядокъ, о копоромъ мы самовидцы пересказашъ не умѣли, и котораго я описашъ не въ состоянїи, да едва ли какое перо и способно изобразить сей хаосъ. Заключу еще свои примѣчанїя тѣмъ, что ни гдѣ шоль не нужно единство власши, какъ на войнѣ. Во Французской арміи начальствуетъ Наполеонъ одинъ; а въ Прусской цѣлый ареопагъ: Брауншвейгскїй Герцогъ, Мелендорфъ, Рихель и многіе другїе. На что мы занимаешъ васъ способами, какъ бы и сїю неудачу можно было поправитъ; они всѣ были опвергнуты. Намъ оспается шокмо сожалѣшь, если видимъ, что умѣ полководцевъ по закоренѣлости предразсудковъ не хочешъ идти на ряду съ новыми открытїями времени. Послѣдствїя всегда сошвѣпшуютъ симъ безразсуднымъ предубѣжденїямъ. Прощайте.

VII.

Изъ послѣдняго письма моего видѣли вы, какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ подверглось Прусское войско отъ того, что начальники онаго не хотѣли согласиться на нужныя отступныя въ тактическихъ своихъ правилахъ. Теперь можемъ мы заключить съ достоверностію, что для одержанія побѣды нужны: 1 е. всеобъемлющій умъ главнаго начальника; 2 е. искусные Генералы, и 3 е. общій военный духъ солдатъ.

Исторія всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и нынѣшнихъ показала намъ, что вездѣ военныя предпріятія были увѣнчаны успѣхами, гдѣ полководецъ зналъ, въ чемъ состояла истинная сила его непріятеля и недостатковъ въ собственныхъ его войскахъ. Такимъ образомъ Тивскій Пелопидъ дѣлалъ чудеса въ войнѣ противу гордыхъ Спаршанцевъ. Сперва старался онъ вдохнуть въ необычное еще въ сраженіямъ войско свой духъ и мужество. На сей конецъ избѣгалъ онъ тщательнаго генеральныхъ сраженій, дабы въ вылазкахъ и незапныхъ нападеніяхъ съ большею достоверностію одерживать побѣду. По истребленіи мало по малу въ Тивянахъ мысли о непобѣдимости Спаршанцевъ, одержана была поварищемъ его, Епаминондомъ, при Левктерѣ побѣда, гдѣ 6000 Тивянъ разбило 11,000 Спаршанцевъ; но и шло въ новый ма-

неврѣ — веденный въ косвенномъ направленіи фалангѣ — рѣшилъ успѣхъ оружія. Достоинство мудраго полководца должно также состоять и въ томъ, чтобы, руководствуясь примѣрами Исторіи, перемѣняясь образъ военныхъ своихъ движеній. Не былъ ли Фридрихъ Великій при Лейпсигѣ Епаминондомъ, при Прагѣ Александромъ, а въ Моргаузскомъ сраженіи Кесаремъ при Факсаль? Могъ ли бы онъ, при всемъ обиліи своего Генія и щастіи оружія, выдерживать безъ сего споль долговременную борьбу?

Въ новѣйшихъ военныхъ произшествіяхъ Франціи видѣли мы споль многіе подражанія примѣрамъ древности, видѣли усовершенствованія ихъ арміи по всѣмъ часямъ. Правила вольности и равенства умножили число выходцовъ между Французскими Офицерами. Отъ этого арміи лишилась большей части избѣженныхъ людей, которыхъ мѣста заступали здоровые, знающіе дѣло свое унтеръ-офицеры. Щастливое и споль скорое изгнаніе изъ предѣловъ Франціи непріятеля, одержанная побѣда при Емаппѣ воспалила духъ новыхъ Французовъ. Благоразумное и осторожное уклоненіе отъ генеральнаго сраженія послѣ нещаснаго для нихъ дѣла при Нейервинденѣ, всшупленіе въ малыя сраженія съ форпостами, въ которыхъ они почти всегда имѣли поверженіе; новая тактика Тиралье-

ровъ, изобрѣшеніе великаго воинскаго ума Карно, дабы дать большую псворопливость неопышнымъ національнымъ гвардейцамъ; столь полезное раздѣленіе войскъ на новыя бригады и дивизіи, которое онъ же основалъ; большая легкость и оборопливость, данная имъ войску чрезъ уничтоженіе излишнихъ обозовъ, такъ чптобы Офицеры, начиная съ Капишана, на ряду съ солдатами шли въ походахъ пѣшкомъ — всѣ сіи пере- мѣны во Французской арміи были не токмо съ общоюшельствами времени сообразны, но и продолжили пушь къ великимъ намѣ- реніямъ; и послѣ шаковаго поспешеннаго преобразованія при великомъ своемъ много- людствѣ начали они жадничать генераль- ныхъ сраженій. Съ того времени щастіе и случай начали такъже возводишь изъ низ- каго состоянія на спешень Генераловъ лю- дей, которые возросли въ отважныхъ иде- яхъ. Генералъ спремился на подвиги, даю- щіе безсмертіе; солдатъ порывался быть Генераломъ. Пѣшкомъ, съ сумою на спинѣ, проходилъ Французской Офицеръ съ своими солдатами ошъ десяти до двенадцати миль въ суши; а въ Прусской арміи, по пе- реходѣ шести миль, силы были уже ис- пощены, да на нѣскольکو миль останавли- вали походъ множество повозокъ. Перенося всегда театръ войны на непріательскую землю, не имѣли Французы нужды въ ма-

газейнахъ и довольствовались покомъ малымъ числомъ лошадей для тяжелыхъ своихъ орудій; Прусская же армія поглощала миліоны изъ Государственнѣйшей казны для учрежденія къ великому опяющенію поселянина магазейновъ, которые, не рѣдко обнаруживая передъ непріятелемъ ихъ намбренія, или доставались ему въ добычу, или же пожираемы были корыстолюбіемъ Прусскихъ провинціальныхъ чиновниковъ. Всѣ сіи чиновники, безъ разбору опредѣляемые, зная что по окончаніи войны останутся безъ пропитанія, почяшали обязанностію грабить казну безъ пощады. При такихъ и многихъ другихъ преимуществъ Французовъ предъ Прусаками можно ли удивляться, что на споронѣ первыхъ былъ выигрышъ? Симъ окончиваю я переписку свою о семъ предметѣ. Весьма бы хотѣлъ я васъ занять подробностями Агерштеттскаго сраженія; но такъ какъ я получилъ донынѣ свѣденія разнообразныя, однѣ другимъ противорѣчающія, то, для избѣжанія въ сужденіяхъ своихъ пристрастія, прилагаю здѣсь планъ той баталіи. Взавъ въ руки извѣстный бюллетень Французской арміи и реляцію Прусской, не безъ пользы увидите вы всѣ движенія обоюдныхъ войскъ. Теперь занимаюсь я операціонною картою, которая пояснитъ сей

планъ, и тогда можно миѣ будетъ съ большимъ удостовѣреніемъ въ истинѣ сказать что-либо общепольное, а симъ пріобрѣсть и продолженіе вашего дружества. Прощайте.

Викторина Ольмонъ ().*

Ольмонъ и Сезанъ были старинные друзья. Первой имѣлъ одну дочь, послѣдній одного сына. Молодой человекъ, находившійся въ военной службѣ, долженъ былъ ѣхать въ Америку съ Французскими войсками. Экспедиція была еще не совсѣмъ снаряжена; въ ожиданіи отбѣзда, онъ жилъ у Ольмона въ деревнѣ, гдѣ любовь къ прелестной Викторинѣ, дочери хозяина, овладѣла его сердцемъ, и Сезанъ былъ любимъ взаимно.

Викторина и Сезанъ прогуливались однажды въ окрестностяхъ монастыря, построеннаго въ лѣсу. Они услышали унылой звонъ колокола. Что такое? спросили они у приврашницы. Погребающъ молодую монахиню, отвѣчала приврашница. Они вошли въ церковь и увидѣли въ открытомъ

(*) Это происшествіе справедливо; оно почерпнуто изъ *Choix de causes célèbres*.

гробъ прекрасную дѣвушку. „Она кажется спящею, сказала Викторина; Сезанъ, я увѣрена, что голосъ любви могъ бы пробудить ее отъ эшаго сна!“

Они возвратились въ задумчивости домой. Тамъ ожидало ихъ первое несчастіе. Получено письмо отъ Сезанова отца; онъ уведомлялъ, что корабль, на которомъ надлежало отплыть сыну его въ Америку, совсемъ уже готовъ. Согласіе Ольмоново на бракъ его съ Викториною уменьшило нѣсколько горести Сезанову. Прелестныя мечты о будущемъ щастіи сопровождали юношу въ отдаленную часть міра.

Онъ писалъ два раза послѣ благополучнаго прибытія своего въ Бостонъ. Но вскорѣ потомъ получили извѣстіе, что онъ убитъ въ одномъ кровопролитномъ сраженіи на границахъ Пенсильваніи: въ спискѣ убитыхъ находилось его имя. Опчаянная Викторина отвергала всѣ утѣшенія родительской нѣжности. Желая разсѣять ее, Ольмонъ поѣхалъ съ нею въ Парижъ, гдѣ приглашалъ въ домъ свой любезнѣйшихъ молодыхъ людей, надѣясь, что какой-нибудь изъ нихъ найдетъ средство изгнать прежнюю любовь изъ ея сердца. Но все было напрасно! Она казалась покойною только для того, чтобы не огорчать отца.

Наружность обманула его, и онъ предложилъ ей руку Сентъ-Альбана, Парламентскаго Совѣтника, достойнаго и всѣми уважаемаго молодаго человѣка.

Викторина повиновалась волѣ родителей; она отдала руку Сентъ-Альбану. Сдѣлавшись матерью двухъ прекрасныхъ дочерей, она нашла нѣкоторое успокоеніе въ исполненіи своего долга, и хотя не могла любить мужа, но плашила искреннею признательностію за его попеченіе. Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ; ее почитали щасливою. Вдругъ пронесся слухъ, что Сезанъ еще живъ; что тяжело раненой онъ попался въ руки дикихъ, и что излѣчась отъ ранъ, онъ нашелъ средство избавиться отъ неволи. Эпозъ слухъ дошелъ и до Викторины; ея спокойствіе исчезло!

Она старалась окрыть отъ великодушнаго супруга спрдаванія свои, но силы ея мало по малу испощались и пайная скорбь привела ее къ гробу; она кончила дни въ самой цвѣтущей молодости. Горесть супруга ея была безпредѣльна; его оплащали безъ чувствъ отъ гроба обожаемой Викторины; въ вечеру онъ занемогъ горячкою; спѣшили предать землѣ пѣло усопшей; онъ не имѣлъ времени и проститься съ нею.

Сезанъ встрѣтился съ гробомъ Викторины. Въ это время онъ вѣзжалъ въ Парижъ и былъ ошановленъ множествомъ спекулирующаго народа. Толпа бѣдныхъ провожала Викторину къ могилѣ. Сезанъ зналъ, что она за мужемъ и что съ нѣкотораго времени она больна.

Какое - то предчувствіе заставило его спросить: кого погребаютъ? — Госпожу де Сеншъ - Альбанъ, отвѣчалъ одинъ старикъ, не переставая молиться. Съ опчаяніемъ въ сердцѣ прѣехалъ Сезанъ къ матери (отца его не было уже на свѣтѣ), которая напрасно старалась его утѣшить. „Я никогда не увижу ее!“ была единственная мысль его. „Она жила не для меня; но я зналъ, что она жива и можешь быть счастлива; одно это подкрѣпляло меня въ жизни; я любилъ ее для нее самой; теперь, я никогда не увижу ее!“ —

Такія мысли занимали его до самой полночи. Никогда не увидать ее! опзывалось въ душѣ Сезана. Почему же не увидать? Кто можешь мнѣ воспрепятствовать? — Онъ побѣжалъ на кладбище. Ночь уже давно покрывала небо. Ему встрѣтился гробокопатель, возвращавшійся домой съ лопашою на плечѣ.

„Погребена ли уже Госпожа де Сеншъ-Альбанъ?“ — Погребена. — Сезанъ подарилъ ему кошелекъ, наполненный золопомъ. На что это? — „Другъ мой, я очень любилъ ее и не простился съ нею; мнѣ хотѣлось бы только на нее взглянуть.“

Гробокопатель очень долго ошговаривался; но золопо и слезы юноши поколебали его. Пойдемъ со мною, сказалъ онъ. Нѣсколько минушъ пробирались они между могилъ. — „Вотъ гробъ ея. Помогите мнѣ; только пише.“ — Сезанъ схватилъ лапашку и принялся за работу. Молчаніе не было прерываемо ни однимъ словомъ, только слышанъ былъ глухой звукъ падающаго глыбъ земли. Онъ часъ отъ часу чувствовалъ себя ближе къ Викшоринѣ; силы начинали уже его оставлять. Ужасъ объемлелъ Сезана; гробъ, заключающій все его щасіе, показывается, его выпаскиваютъ, снимаютъ крышку. — Сезанъ падаетъ на колѣна — шрепещущею рукою поднимаетъ онъ покровъ — она лежитъ предъ нимъ, какъ спящая, подобная той монахинѣ, копорую они видѣли въ лѣсу. Онъ вспомнилъ слова Викшорины: *Сезанъ, я увѣрена, что голосъ любви пробудилъ бы ее отъ этого сна.* Онъ прижалъ лице къ бездыханной груди, обливалъ ее слезами, и рыдая восклицалъ: О! пробудись! пробудись, моя Викшорина!

Онъ схватилъ ее за руку. . . о восхищеніе! рука тепла; — ищешь пульса, чувствуешь слабое шрепетаніе — падаешь на землю. — „Боже всемогущій! она жива!“ — Ради Бога, шиче! говоришь гробокопашель. — Онъ осматриваетъ шбло. Сезанъ, стоя на колбнахъ, ожидаетъ своего приговора. — Вы не ошиблись, сказалъ наконецъ гробокопашель, она жива еще. Сезанъ съ восшоргомъ прижимаетъ его ко груди своей. „Помоги мнѣ вынести ее изъ эшаго ужаснаго мѣста!“

— Какъ это возможно! не извѣсшивъ правительство! —

„Ты вырылъ шбло, сѣдственна нарушилъ свою должностъ. Ешъли это узнаешь, ты будешь наказанъ; но умѣй шолько молчать, и я обогащу тебя!“ — Гробокопашель наконецъ согласился. Пустой гробъ опустили въ яму и засыпали землею. Сезанъ окушываетъ спанчею безчувственную Викшорину; приноситъ ее домой; будитъ мать свою и рассказываетъ ей о случившемся. Добрая спарушка любила Викшорину. Она бѣжитъ къ ней, посылаетъ за Лбкаремъ, на скромностъ коего можно было положиться, и они возвращаютъ жизнь Викшоринѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ получила она совершенное упопребленіе всѣхъ чувствъ. Гдѣ я? спросила она слабымъ голосомъ, и удивилась, когда Госпожа де Сезанъ подошла къ ея постели. Ей рассказали съ большою ошорожностію о томъ, что съ нею происходило. — Викшорина ужаснулась, и долго не могла сообразить всѣхъ обшорительствъ. — Между тѣмъ Сезанъ споялъ за занавѣсомъ и не смѣлъ дышать. — Она сложила руки, и поднимая глаза къ небу, сказала тихимъ голосомъ: „онъ спасъ меня!“

Сезанъ бросился къ ея ногамъ, цѣловалъ ея руки и восклицалъ: теперь ты опять моя, Викшорина! — Она предалась первому вшпоргу, но скоро вспомнила о свихъ обязанностяхъ и сказала: священныя узы меня удерживаютъ! — „Теперь они разорваны! Какое право имѣешь на тебя супругъ твой? Ты умерла: онъ самъ бросилъ тебя въ землю; самъ разлучился съ тобою на вѣки. Жизнь твоя ешь моя собственность!“

Любовь и сомнѣніе долго волновали душу Викшорины; наконецъ любовь побѣдила. Въ уединенной Прованской деревнѣ, въ другой разъ, передъ олшаремъ Божіимъ опдала Викшорина руку свою тому, кто прежде владелъ ея сердцемъ; она получила въ обвѣщяхъ любезнаго новую жизнь, пре-

лестную, восхищительную! Одна только мысль о дѣтяхъ возмущала ея щастіе. Желаніе ихъ видѣть безпрестанно ее мучило. Всѣ просьбы супруга, всѣ представленія матери были напрасны. Наконецъ Сезанъ рѣшился удовлетворить Викторинѣ. Онъ побѣхалъ съ нею въ Парижъ и остановился у того Лвняря, которому извѣстна была ихъ тайна. Первой вопросъ Викторины былъ о дѣтяхъ. Она узнала, что ихъ часто водятъ прогуливаться въ Тюльерійской садъ. Закупавъ лице свое въ покрывало, ходила она туда ежедневно, и всякой разъ, когда видѣла издали дѣшей, материнское сердце ея сильно препепало. Однажды случилось, что цѣлые пять дней она не могла ни разу съ ними встрѣпиться; она шосковала и плакала. Въ одинъ вечеръ, когда, возвращаясь съ обманутою надеждою домой, сидѣла она задумавшись, сказалъ ей Сезанъ: знаешь ли Викторина, что нынѣ совершилось ровно пять лѣтъ, какъ я покинулъ тебя изъ могилы. Это воспоминаніе ихъ сильно пронуло, и они условились опыскать ночью то мѣсто, гдѣ оба получили новую жизнь. Прѣвзжаятъ на кладбище; идущъ между гробовъ, полная луна ихъ освѣщаетъ. — Сезанъ узнаетъ могилу, видитъ памятникъ изъ блага мрамора; на немъ начертано золотыми буквами имя Викторины. Здѣсь! воскликнулъ Сезанъ,

обнимая прѣпещущую Викпорину. При семъ восклицаніи кто-то поднялся онѣ подножія памятника, передъ которымъ стоялъ на колѣняхъ: то былъ Сентъ-Альбанъ. Онъ всякой годъ въ этотъ самый день приходилъ на сію могилу плакать. Тѣнь ея! воскликнулъ онъ, устремивъ съ ужасомъ глаза свои на Викпорину. Она угадала все и съ робостію спрячалась за Сезана. Они побѣжали къ каретѣ. Скорбе! скорбе! закричалъ Сезанъ кучеру. Карета поскакала, но и Сентъ-Альбанъ полетѣлъ въ слѣдъ за ними. Онъ догналъ ихъ въ то самое время, когда они спускались у воротъ своего дома; они вбѣжали въ него и заперли за собою ворота. Напрасно спускалъ Сентъ-Альбанъ. Онъ видѣ себя спѣшишь увѣдомишь полицію; на разсвѣтъ домъ окруженъ; Сезанъ выходитъ и говоритъ съ твердостію: „я недавно прѣѣхалъ сюда изъ Прованса съ моею женою!“ — Это моя жена! кричитъ Сентъ-Альбанъ. Сезанъ утверждаетъ, что онъ помѣшался.

Оспрываютъ могилу и находятъ гробъ пустымъ. Сентъ-Альбанъ подаетъ прозбу въ Парламентъ. Викпорина должна предстать передъ судьей. Видя, что въ другой разъ можешь она лишиться своего любезнаго, она спѣшишь прибѣгнуть въ при-

творству, и утверждаетъ, что никогда не была женою Сентъ-Альбана, что даже не знаетъ его въ лице. Вдругъ отворяется боковая дверь — являюся ея дѣшки. — Она прижимаетъ ихъ къ сердцу. „Такъ, я ихъ мать! не могу опъ нихъ отказаться!“

Все открылось; но кому должна принадлежать Викпорина? — „Мнѣ! восклицалъ Сезанъ. Первой мужъ объявилъ ее умершею; я извлекъ ее изъ гроба!“ — Мнѣ! говорилъ Сентъ-Альбанъ, она мать моимъ дѣшямъ!

„И я также имѣю дѣшей!“ повторялъ Сезанъ, и его опчаянїе пронуло всѣхъ присутствующихъ. Сентъ-Альбанъ ссылался на законъ, въ которомъ сказано, что бракъ не можеть быть разорванъ, пока оба супруга живы. „Она жива и стоишь здѣсь предъ вами: кто можеть оспаривать мои права?“ — И дѣло рѣшилось въ его пользу. — Преговоръ жестокій, но неизбѣжный. Въ эту минушу вспала Викпорина съ своего мѣста и сказала съ твердостью: „Когда я лишена права избирать; когда я не должна принадлежать моему избавителю, то объявляю здѣсь, что намѣрена кончить мою жизнь въ уединенїи и поручить ее Богу!“ Викпорина заключила себя въ шотъ самый монастырь, гдѣ нѣкогда видѣла она

погребеніе молодой монахини. Тамъ воспишывала она своихъ дѣшей и въ пищинѣ проливала слезы. — Сезанъ напрасно искалъ смерти на войнѣ. Горестъ снѣдала сердце Септѣ-Альбана: ужасной образъ Викторицы, живой въ могилѣ, преслѣдовалъ его всюду и его спокойствіе исчезло на вѣки.

Съ Нѣмец. . . . ва.

Сравненіе Суворова съ Полководцами XVIII столѣтія.

(Изъ жизни Суворова, сочин. Лавренкова)

Карлъ XII, Евгеній, Мальборугъ, Вилларъ, де Саксъ, Шверинъ, Минихъ, Фридрихъ II и Лаудонъ были величайшіе Полководцы осьмагонадесять вѣка. Славно приближились къ нимъ; но еще славнѣе спашъ съ ними на ряду. Съ ними только можно сравнять Суворова. Кампанія 1789го года противъ Турокъ, кампаніи Польская и Италіянская и переходъ черезъ Альпы составляющъ Суворова на ряду съ Полководцами искуснѣйшими въ маршахъ, движеніяхъ и маневрахъ военныхъ. Присупы Измаильскій и Прагскій, сраженія при Римникѣ, Треби и Нови равняющъ Суворова съ цѣмъ необыкновенными смершными, кошорыхъ мы называемъ Героями, и коихъ

Провидѣніе наградило даромъ привлекать къ себѣ людей, управлять ими и воспламенять ихъ по произволу. Суворовъ равняется въ геройствѣ съ Карломъ XII; равную съ нимъ имѣетъ пылкость, смѣлость, неуспрашимость, глазомѣръ, твердость и довѣренность отъ воинства; но какъ Полководецъ, далеко превосходитъ Шведскаго Монарха. Самый искусный Полководецъ можетъ быть побѣжденъ, и потому не лѣзя винить Карла въ потерѣ Полшавскаго сраженія; но всякой знающій военное ремесло не простишь ему того, что онъ завелъ свое войско къ Полшавѣ. Евгенийъ и Мальборугъ суть великіе Полководцы, а особливо первый. Казалось, что не возможно того сдѣлать, что произвелъ Евгенийъ въ войнѣ противъ Турокъ; но Суворовъ, сражаясь съ ними и съ Поляками, сравнялся съ Евгениемъ. Не лѣзя не удивляться знаніямъ и дѣятельности Мальборуга и Евгения въ войнѣ за наслѣдство Гишпаніи; но мы видимъ въ ней только блистательныя дѣянія безъ послѣдствій и безъ предначертаннаго плана. Кампаніи сихъ двухъ Полководцевъ не могутъ сравняться съ кампаніями Суворова въ Польшѣ и Италіи, которыя предначертаны смѣло и единообразно, а произведены въ дѣйство съ искусствомъ и быстрою. Безъ всякой несправедливости можно еще сказать и о военныхъ

подвигахъ Виллара, де Сакса, Миниха, Шверина и Лаудона. Положимъ, что Минихъ имѣлъ болѣе познаній, нежели Суворовъ; положимъ, что Лаудонъ по же бы сдѣлалъ, что и Полководецъ Россійской, еспльибъ служилъ такому же какъ и онъ Государю, и имѣлъ бы такую же полную власть надъ воинствомъ. Но сказавъ, что обспояшельства не шавъ имъ благопріятствовали, не лзя не признашь, что въ ихъ подвигахъ мы не находимъ той чудесности, копорю видимъ въ подвигахъ Суворова. Суворовъ можетъ безъ стыда уступить первенство Фридриху, пошому что всѣ до сихъ временъ ему уступаютъ, и въ Исторіи одного только Юлія Кесаря найдемъ равнаго Фридриху. Монархъ Пруссіи не одни только сраженія выигрывалъ; онъ былъ наставникомъ Полководцевъ; онъ изобрѣлъ новое искусство, и самъ создалъ ту силу, копорю сдѣлался однимъ изъ величайшихъ Монарховъ міра; но Суворовъ, какъ воинъ, много имѣлъ сходства съ Фридрихомъ. Какъ онъ, Суворовъ зналъ духъ своего народа и обладалъ сердцами воиновъ. Подобно Фридриху, онъ своими побѣдами поспавилъ воиновъ Русскихъ выше всѣхъ воиновъ міра, и лишилъ самихъ Прусаконъ сей славы, копорю они пользовались только при жизни Великаго своего Монарха. Подобно Фридриху, Суворовъ былъ увѣренъ въ шомъ,

что не крепости, магазейны и деньги составляют существо войны; но устройство армии, и что успехи зависяли больше от быстроты действий, нежели от выгодных местоположений. Суворов так же как Фридрих думал, что война оборонительная должна быть ведена только по случаю, а не быть следствием обдуманных планов; подобно Фридриху, он считал нужною кавалерию и часто употреблял ее; подобно Фридриху, он был отцем своих воинов, которые ему, простому гражданину, были столько же преданы, как воины Прусские своему Монарху. Как Фридрих, Суворов имел отличный и изобретательный разум, знал людей вообще и вкв свой в особенности, и на сем — по познанию основывал многие свои действия. Фридрих предшествовал Суворову на поприще воинском; но ни один из его последователей, исключая Суворова, с ним не сравнился.

Съ Французскаго Р...евъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Посланіе къ Его Превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу, 1774 года ().*

Не шомъ еще, мой другъ, свободной человекъ,
Кто, преданъ самъ себѣ, ведетъ безпечной вѣкѣ
Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ дѣла,
Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.
Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
Подъ игомъ праздности спенящаго своей,
Напрасно въ свѣтѣ онъ разсѣянъ желаетъ:
Свѣтѣ, зримый всякой день, его не забавляетъ;
И между щѣмъ какъ все въ движенъ кругъ его,
Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.
Напрасно бы жезломъ какой всеильной Феи
Онъ видѣлъ всѣ свои исполнены зашѣи —
Онъ пысящи бы вновь желаній соплеталъ
И посреди воды былъ жажденъ, какъ Танталъ,

(*) Авторъ сего посланія и слѣдующихъ трехъ стихотворныхъ піесъ — *Болеславъ, Нещастіе, Зевесъ и грохъ* — есть покойный Михайла Никитичъ Муравьевъ. Избранныя изъ оставшихся послѣ его смерти стихотвореній будутъ и даны со временемъ въ свѣтѣ, Читатели найдутъ въ нихъ красоты всякаго рода и Философію привлекательную, изливающуюся изъ души нѣжной, чуждой всякаго притворства и созданной пишашъ одиъ добрыя чувства. *Изд.*

Того лишь, кто владишь умбешъ самъ собою,
 Зову свободнымъ я: не споритъ онъ съ судьбою,
 Но всюду слѣдуешъ призванію ея
 И знаешъ, живучи, всю цѣну житія;
 Безъ наслажденія минуть не проходяшъ,
 Раскалнѣя онъ и скуки не приводятъ;
 Любовью истинны, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечты;
 Искусства, васъ къ себѣ онъ въ помощь при-
 зываетъ;
 Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
 Безъ гордости великъ и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
 Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
 И чинитъ свободнымъ бытъ, приемлетъ легки узы;
 Вымашельный супругъ и любящій отецъ,
 Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ;
 Цдстливъ, что можетъ бытъ семейства благо-
 дѣтель:
 Что нужды, домъ тому, иль цѣлой міръ сви-
 дѣтель,
 Таковъ Емилій Павлъ, равно достоинъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при
 Каннахъ палъ.

Конечно жребій тѣхъ достоинъ удивленья,
 Кто поприще честей прошли безъ умедленья —
 Служишь ошечеству верховной душъ обѣщъ:
 Нашъ долгъ шуда сѣшшишь, куда оно зоветъ;
 Но естли въ множествѣ ревнишелей ко славѣ
 Мнѣ должно уступитъ, уже ли буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждать?
 Мнѣ только что служишь, ошчизнѣ награждать.
 Изъ прехъ сошъ праздныхъ мѣстѣ Спартан-
 скаго Совѣта
 Народъ ни на одно не избралъ Педарета.:

„Хвала богамъ, сказалъ, народа не вина,
„Есть присша человекъ достойнбе меня!“

Полезнымъ можно бышь, не бывши знаме-
нишымъ :
Срѣщаютъ щастіе и по пропинкамъ скрытымъ.
Сей спарецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близъ Таренша макъ и розы поливалъ,
И въ поздну ночь, подъ кровъ склоняся до-
машный,
Сполы обременялъ некупленными брашны :
Онъ щастье въ хижинѣ, конечно, находилъ
И пышныхъ богачей душой превосходилъ.

Ахъ! можешъ ли привестъ ко щастію бо-
гащство ?
Желанье собирать есть болѣ препящство,
Чѣмъ способъ къ щастію. „Ахъ ещелибъ къ
кучѣ шой
„Прибавишь удалось еще мѣшокъ другой!“
Вошъ собирашеля одно воображенье.
Но распочишеля не лучше положенье :
Для роскоши его опверстая душа,
Всечасно къ новому веселію спѣша,
Ошъ коей прочъ бѣжитъ, шу скуку покупаетъ,
И хладно межъ забавъ шумящихъ засыплетъ.
Богашъ, кто, знаючи своимъ досташкомъ жить,
Желаніямъ предѣлъ умѣетъ положить;
И словомъ, щастливъ шотъ и шотъ одинъ
свободенъ,
Кто щастья въ крайностяхъ всегда съ собою
сходенъ,
Въ сіяніи не гордъ, въ унакъ не унылъ,
Въ себѣ самомъ свое достойнство сокрылъ :
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ,
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.

Ты юность подвигамъ военнымъ посвятивъ,
 Въ училищѣ трудовъ дни нѣжны проводивъ,
 Пріятны спароспи гоповишь вспоминанья;
 Съ шобою почерпашъ мы прежде щцились
 зманья :
 Щасшливы опроки, въ возлюбленныхъ мѣстахъ,
 Гдѣ вѣчиси Москва въ кичливыхъ берегахъ,
 Изображаешъ Кремль въ сребрѣ своихъ кристал-
 ловъ,
 Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ,
 Шуваловъ ;
 Гдѣ Ломоносова преемля лирный звонъ,
 Поповской новой пушь открылъ на Геликонъ ;
 Гдѣ Барсовъ спашъ по немъ ревнишель Росска
 слова
 И Шаденъ истинну являешъ бевъ покова :
 Тамъ дружбы сладостной услышали мы гласъ —
 Лускай и въ сбѣдинахъ обрадуешъ онъ насъ.

Болеславъ, Король Польской.

Замолчала многихъ слава,
 И Героевъ и Царей ;
 Ты содержишь Болеслава,
 Польша, въ памяши своей.

*

Посреди верховной влаши,
 Вѣренъ дружбѣ и любви,
 Сохранялъ онъ сильны спрасши
 Въ воскипающей крови.

*

Щасшливъ, ежели бы браша
 Не имѣлъ Збигнея онъ,
 Чшо глазами солосшопа
 Болеславовъ видѣлъ шронъ.

*

Не давалъ Царь мщенью мѣста,
И гиньоваго любя;
Но Збигнеева невѣста!
Для чего онъ зрѣлъ тебя?

*

Какъ лѣсочка въ осененьѣ
Нѣжитъ лилію весна,
Такъ цвѣла въ уединеньѣ
Ты, Воллинская Княжна!

*

Зрѣшь, любишь себя Збигнею,
То мгновение одно;
Приспустишь ко Гименею
Было слово ужь дано.

*

Раздались внезапно бубны,
Въ полѣ прахъ столпомъ спойтъ;
Коней ржанье; гласы трубны;
Раши въ бой! . . . Збигней бѣжитъ.

*

Точно Ангелъ - покровитель,
Входишь въ городъ Болеславъ,
Зришь Княжну: и побѣдитель
Проситъ узъ, предъ ней упавъ.

*

Ахъ! Збигнею обрученна,
Во слезахъ гласитъ Княжна:
„Я на вѣкъ съ нимъ разлученна,
„Но на вѣкъ ему вѣрна.“

*

Два луны прошло печенья;
Полнѣ любовныя поски,
Царски Царь забылъ раченья,
Позабылъ свои полки.

*

Но межъ тѣмъ не безъ успѣховъ
Злобной духъ Збигнеевъ былъ:

Онъ съ огромной силой Чеховъ
Подъ Волмиръ-градъ подступилъ.

*

Тщешно все — онъ Болеслава
Поубжала Чеховъ пьма.
Взявъ и вождь свирѣпа нрава :
Не снимаетъ онъ шлема.

*

Что же ? Пльнника срѣшаетъ
Царь у ногъ Княжны своей ;
Онъ въ злодѣя мечъ вонзаетъ ,
Шлемъ валился — шо Збигней.

*

Гдѣ возму я выраженья ;
Скорьбъ убійцы описатьъ ?
Онъ безгласенъ , безъ движенья ;
Онъ не знаетъ , что начать.

*

Обратилъ жестокосердной
Мечъ онъ къ сердцу своему —
Приближенныхъ сонмъ усердной
Воспрошивилъ шому.

*

Свой оставилъ тронъ высокой ,
И во рубищахъ простыхъ ,
Ходилъ въ горести глубокой
По обителямъ Святымъ.

*

И предъ всѣми , ктобъ ни были ,
Исповѣдуя свой грѣхъ ,
Слезно проситъ , чтобъ молили
За него Владыку всѣхъ.

*

Должно думать , что спокойство
Наконецъ сошло съ небесъ.
Ахъ ! ни слава , ни геройство
Не спасаютъ насъ отъ слезъ.

Н е щ а с л и е .

Единымъ маниемъ вселенной управляешь,
Источникъ правды, Богъ, всеильный, всеблагой;
Но добрыхъ иногда несчастье оскорбляешь,
И злобою своей корыстствуешь злой.
Кто знаешь? Можешь бышь, въ рукахъ Тво-
ихъ, Содѣтель!
Несчастье способъ есть возвысить добродѣтель!

Зевесъ и громъ.

Зевесъ свой кинулъ взоръ на землю: развращенья
Явилася она исполненной ему.
Ударю! возгласилъ; злодѣямъ нѣтъ прощенья!
И миръ небысія низринется во тьму.
А ты, виновный родъ, споль много мной ак-
бимой,
Предѣлъ швой положень, ты въ сей погиб-
нешь разъ. —
Такъ рекъ боговъ Опець свой судъ неумолимой,
И не былъ щещенъ сей Вседвижущаго гласъ.
Приемлетъ въ мощну длань Зевесъ громовы
стрѣлы
И рдѣетъ сводъ небесъ ошъ гибельныхъ огней,
И громъ уже пошрясъ вселенныя предѣлы,
И миръ воспрепешалъ, ждя гибели своей.
Я мнилъ, что связь тогда разрушится Природы,
Что смершныя во мглу разверстныхъ безднъ
падушъ,
И горы рухнутъ въ бурны воды,
И вспяшь источники на горы пошекутъ.
Но нѣтъ: на мѣсто громъ упалъ непроходимо,
Родъ смершныхъ невредимъ, спокойство воз-
вращя,

Извѣстно, что всегда падушъ удары мимо,
Какъ вздумаешь счесть наказывать дѣшя.

~~~~~

Барсъ и Бѣлка:

Б а с н я.

По сучьямъ Бѣлочка и внизъ и ввѣрхъ скакала,
Но обступилась — и спремглавъ
На Барса спѣраго упала.
А шопѣ, съ пресытнаго обѣда задремавъ,
Едва опомнился въ просонкахъ:
Поднявшись на ноги, сквозь зубы звѣрь ворчѣшъ;
А Бѣлка передъ нимъ на заднихъ двухъ но-
жонкахъ
Трясется, и сама не видишъ, какъ сидѣшъ.
Вздрогнешь и не-хопя подъ лапою пиранской!
Подумавъ Барсъ, сказалъ: я милую тебя
По-испѣнной щедротѣ царской;
Но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты, такъ жизнь
любя,
Призналась, отъ чего тебѣ такъ жить пріятно:
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я въ лѣсахъ, гдѣ власть Природа мнѣ дала,
Скучаю и грущу: мнѣ это непонятно. —
„Великой Государь!
Смиренно ошвѣчаетъ Бѣлка,
Ты милостивъ ко мнѣ; но разсуди — ты Царь;
А правду говоришь великимъ не бездѣлка.
Смѣлѣебъ доложись о томъ тебѣ могла
Повыше съ деревца.“ — Вскочи шуда! — Взошла.
„Теперь услышишь ты языкъ души правдивой: :
Не дѣлаю я зла,
И такъ — умѣю быть несчастливой.

Я чистой совѣстью и сердце веселю ;
Не знаешь перваго пы въ мирѣ наслажденья :
Спокойно засыпашь безъ мукъ и угрызенья.
Ты бшь ягняшъ ; а я и лишъ и плодъ дблю
Съ моими Бблками сесірами ;
Ты ненавидишь ; я люблю :
Все сказано двумя словами.“

Вл. Измайловъ.

Эпиграммъ.

„Который годъ Княжнѣ ?
Давно хошбл я знашь.“
Опвѣтсшвовали мнѣ :
Ей днемъ осьмнадцать лѣшъ , а ночью сорокъ
пяшь !

*

Феклишъ ругаетъ цблый свѣшъ.
„Чесъ , совѣсть — онъ кричитъ — вы попра-
ны снопою ,
Все къ разрушенію идешъ !“
Какъ сходенъ онъ съ моей собакою дворною !
Ворамъ проходу не даетъ ,
И безъ умолку лаешъ ;
А поваръ всякой день зацишницу сѣчешъ
За то , что еб кухни дичь паскаетъ.

П. Л . . . чевъ.

Э л и т а ф і я:

На вѣки замолчалъ доскою сей накрытый,
Лука, болшаньемъ знаменишый!
Покой усопшему! хваленье Небесамъ!
И миръ ушамъ!

П. Л . . . чевъ.

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

~~~~~  
АРХЕОЛОГІЯ.
~~~~~

*О вѣкахъ золотомъ, серебряномъ,
жѣдномъ и желѣзномъ, упоминае-
мыхъ древними стихотворцами.*

Ходъ Металлургіи былъ равенъ успѣхамъ общежитія и гражданскаго порядка: и весьма замѣтно постоянное согласіе между послѣдовательнымъ открытіемъ новыхъ металловъ и главными переменами въ исторіи человѣка. Мы представимъ здѣсь сходство между пѣщическими сказаніями

о вѣкахъ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ, и между образомъ жизни дикарей, паспуховъ и земледѣльцовъ. Изъ этого надѣемся вывести: 1е, что изображенія духъ первыхъ вѣковъ суть досповѣрное описаніе дикой жизни; 2е, что въ изображеніи мѣднаго вѣка находишся весьма точное начертаніе свойствъ и нравовъ народа, упражняющагося въ скотоводствѣ; и наконецъ 3е, что въ жалобахъ на вѣкъ желѣзный очевидно открывается начало земледѣльческаго сословія. Простая выписка изъ древнихъ стихотворцевъ подтвердишь наше мнѣніе.

Начнемъ съ Овидія, которой описываетъ золотой вѣкъ слѣдующимъ образомъ:
 „Сила и законы тогда никого не принуждали (*) . . . страхъ и казни были незнаны. Еще не чтили грозныхъ законовъ на мѣдныхъ скрыжальяхъ. Дрожащіе преступники не боялись судейскаго приговора, и не бдишельность судей была виною общей безопасности. Сосны, на горахъ низложенныя, свирами, несходили еще на моря для пощенія странъ далекихъ. Люди не знали еще другихъ береговъ, кромѣ своихъ опечесвенныхъ . . . ни мѣдь, ни желѣзо не были еще орудіями пагубы; прубы, шле-

---

(*) Ovid. Met. et. l. v. 89 d. sequ.

„мы и мечи несуществовали . . . праздная
 „земля, не бывъ терзаема раломъ, все про-
 „изводила сама собою. Люди, довольству-
 „ясь пищею, копорую земля представляла
 „имъ добровольно; собирали древесные пло-
 „ды, горную клубнику, свидину, съ игли-
 „стыхъ купинъ шелковицу и желуди падаю-
 „щие съ дуба.“

Пропустивъ нѣсколько стиховъ, нахо-
 димъ описаніе вѣка серебрянаго: „тогда лю-
 „ди укрывались въ домахъ, копорые сперва
 „были не иное что какъ пещеры, или гу-
 „стые деревья, или кора гибкими прутьями
 „связанная (*).“

И такъ въ самъ первомъ вѣкѣ не
 было ни законовъ, ни судей, ни казни,
 ни мѣдныхъ трубъ, ни мечей желѣзныхъ.
 Люди питались произвольно растущими
 плодами, а жили въ пещерахъ и подъ
 древесными вѣтвями. Надобно ли шупъ ис-
 капать сокровеннаго смысла? Пора уже оспа-
 вить безумное пристрастіе къ извяснені-
 ямъ напянушымъ и нелѣпымъ. Неудаваясь
 въ излишнія догадки, мы шотчасъ нахо-
 димъ, что Овидій въ стихахъ своихъ вѣр-
 но изображаетъ человѣческую природу: ибо
 точно такава жизнь дикихъ. Однакожь стихо-

(*) Ibid. v. 121 et 122.

шворецъ, увлекаемый воображеніемъ, къ описанію своему прибавляетъ пѣшническія прикрасы и вымыслы, кошорые всегда надобно опличать отъ историческаго повѣствованія. На примѣрѣ. онъ говоритъ, что „погда каждой поступалъ сообразно законамъ правоты и честности . . . что царствовала вѣчная весна (*) . . . что поля покрывались обильною жатвою безъ помощи земледѣльца.“ Обиліе совершенно излишнее; ибо люди питались дѣскими плодами. Слѣдующее мѣсто также принадлежитъ къ числу вымысловъ: „вездѣ лились рѣки млека и нектара, и съ дубовъ текли струи меда (**).“

Съ перваго взгляду видны въ сихъ описаніяхъ пѣшническія прикрасы, подъ кошорыми однакожъ таишся историческая истина. Можеть бышь вовсе недолжно искашь ее въ слѣдующихъ стихахъ: „въ серебряномъ вѣкѣ Юпитеръ, сокративши весну, сотворилъ лѣто, осень и зиму. Тогда палящій зной, пронзительный холодъ (***)“ и проч. И здѣсь найдемъ нѣчто справедливое, ежели только разсудимъ, что люди чѣмъ болѣе дики, тѣмъ менѣе чувствуютъ невыгоды жара и спужи, и наоборотъ; извѣстно, что дикіе и въ жарѣ

(*) Ibid. v. 107.

(**) Ibid. v. 109 et sequ.

(***) Ibid. v. 116. et sequ.

номъ климатѣ Африки и въ ледяныхъ спранахъ Огненной земли ходящѣ нагѣ. „Огонь пому причиною, что шѣло болѣе чувствувешъ холодъ,“ говоритъ Лукрецій (*). Неспоримъ; думаемъ однакожь, что успѣхи общежитія и гражданскаго порядка немало пому содѣйствуюшъ.

Посмотримъ, что другіе поеты говорятъ о золотомъ вѣкѣ. Вошъ слова Виргилія: „До царства Юпитерова земля не была „разрывается пахарями (**); оспрѣ ножа „некасалося виноградной лозы, борона не „раздирала нивы (***) кошорую недозволя- „лось еще дѣлать на часпи и означать ме- „жою (****); жатву собирали вообще, и зе- „мля, небывъ никѣмъ принуждаема, щедро „удовлетворяла всѣхъ нуждамъ. Таковую „жизнь проводалъ на землѣ Сатурнъ во дни „золотаго вѣка (*****): еще неслышанъ былъ „звукъ трубы, ни провзипельный спукъ „желва, ударяемаго на наковальнѣ; ибо „первобытные люди кололи деревья посред- „ствомъ деревянныхъ же клинѣвъ (*****). „Вся пища ихъ сосстояла изъ древесныхъ

(*) De rer. nat. v. 1015.

(**) Georg. l. 1. v. 125.

(***) Ecl. 4. v. 40

(****) Georg. l. 1 v. 126 et sequ.

(*****) Ibid. l. 3. v. 338 et sequ.

(*****) Ibid. l. 1, v. 144.

„плодовѣ и извѣ пого, что получали свѣтѣ
 „ощѣ многотрудной звѣриной ловли. Са-
 „пурнѣ собралѣ сихѣ дикихѣ людей, обитав-
 „щихѣ на горахѣ вѣ разсѣянїи (*).“ То-
 чное описанїе человѣческой природы!

Лукреціѣ пишетѣ, что „люди перваго
 „вѣка нечувствовали ни холода, ни зноя, и
 „неспрадали ни ошѣ переменны пици, ни
 „ошѣ свирѣпства болѣзней (**). Небыло
 „между ними ни законовѣ, ни нравствен-
 „ныхѣ оценокѣ . . . Напура научила ихѣ
 „жить и хранишь бытїе свое только для
 „самихѣ себя . . . Наибольшее безпокойство
 „наносили имѣ дикїе звѣри, съ которыми
 „они сражались безпрестанно . . . Вѣ ноч-
 „ную пору они покоили на землѣ нагїе свои
 „члены . . . Для уцоленїя года довольствово-
 „вались шѣми произведенїями, копорыя зем-
 „ля сама собою произращала; они подкрѣп-
 „ляли силы свои посреди дубовѣ, и пила-
 „лись жолудями. Мїрѣ вѣ свѣжести своей
 „производилѣ множестве другихѣ плодовѣ
 „прїятныхѣ, . . .“

Наконецѣ Гезїодѣ, древнѣйшїй извѣ упо-
 мянутыхѣ поетовѣ, и слѣдственно ближай-
 шїй къ счастливому золотому вѣку, пи-

(*) Aeneid. l. 8, v. 318, 321.

(**) De rer. nat. l. 5, v. 928 et seq.

еще слѣдующее: „Въ царство Сатурно-
во (*) люди жили подобно богамъ, незна-
ли ни безпокойствъ, ни трудовъ, ни
ущомленія. Никогда необременяла ихъ пя-
гостная старость. Бывъ чужды всякихъ
бѣдспвй, они провождали время въ весе-
лыхъ празднованіяхъ. Ноги ихъ ходили
на руки (**). Они умирали, какъ мы пре-
даемся сладкому сну. Все было для нихъ
полезнымъ; невоздѣланная земля произво-
дила плоды въ великомъ изобиліи; люди,
безъ малѣйшей заботы, спокойно наслаж-
дались тогда всѣми сими благами . . . .
по наступленіи серебрянаго вѣка они на-
чали первѣшь многія злоключенія и вза-
мно обижать другъ друга. :“

Таковы стихотворческія повѣсти о зо-
лотомъ вѣкѣ. Въ сихъ описаніяхъ столь
очевидно открывающася исторія дикаго чело-
вѣка, пѣническими вымыслами украшен-
ная, что мы несмѣемъ обременять чита-
телей подробнымъ извѣщеніемъ. Пскажемъ
только нѣкоторыя отношенія.

Во первыхъ самое очевидное сходство
примѣчается въ описаніяхъ дикаго народа,

(*) Oper. et dies v. III et sequ.

(**) У дикихъ ноги часто служатъ вмѣсто
рукъ. Линней и Ласпедеъ думаютъ, что
человѣка въ природномъ состояніи можно
почестъ четверорукимъ.

оставленныхъ намъ древними же поешами. Всѣ испорики согласно повѣспвуютъ, что во время Троянской войны Циклопы находились въ дикомъ состоянїи. Посмотримъ, что пишетъ Гомеръ о сихъ людобдахъ: „Мы выброшены были въпрами, говоритъ „Улиссъ, на берега Циклоповъ, народа дикаго и свирѣпаго. Оставивъ богамъ попоченїе о низпосланїи имъ пици, никогда ненасаждаютъ они своими руками, никогда неуправляютъ сохою; нивы ихъ, небудучи принуждаемы никакими трудами, сами собою произращаютъ рожь, пшеницу и другїя многоразличныя произведенїя; лозы виноградныя размножаются у нихъ произвольно и испочающъ вкусное вино изъ пучныхъ гроздїй. Юпитеръ излїянемъ дождей своихъ низпосылаетъ общїе на ихъ землю. Циклопы неоставляютъ народныхъ совѣщанїй, и неимбютъ никакихъ законовъ; разсвѣявшись по вершинамъ горъ, они живутъ въ глубокихъ пещерахъ; каждой изъ нихъ, незаботясь о сосѣдѣ, господствуетъ надъ женою своею и дѣтьми (*) и проч. Циклопы неимбютъ кораблей“ и проч.

Кто невидитъ здѣсь ближайшаго сходства между Гомеровымъ о дикомъ народѣ

(*) Оду II. I. 9.

невѣствованіемъ и описаніями золопаго вѣка? Разкрывши испориковъ, и у нихъ найдемъ пакія же сказанія о первобытныхъ людяхъ, кромѣ прикрасъ пійшическихъ.

„Первые люди, пишетъ Діодоръ (*), сначала вели споль дикую жизнь, что каждой изъ сихъ особо ходилъ на поля пиянся плодами и правами, копорыя произрастали сами собою.“ — „Финны пипающа правою“, говоритъ Тацитъ. „Полигисторъ взялъ изъ Бероза свидѣльство, что до временъ *Оаннеса* въ сирахъ Вавилонской многіе люди жили подобно звѣрямъ.“ Діодоръ пишетъ, что „Египтяне сперва пипались одною правою, капусною и кореньями.“ У Геродота находимъ, что „Индійцы ничего несбюшъ, неимбюшъ домовъ и пипающа былѣемъ, и что нѣкопорые Еѣіоны насыщались молодыми древесными сучьями, плодами и кореньями.“ Дикеархъ въ сочиненіи своемъ о *Греческихъ древностяхъ* повѣствуетъ, что въ царство Сашурново всѣ люди пипались плодами и овощами, копорыя росли сами собою.“ То же самое пишуть и о Грекахъ, копорыя, по свидѣльству Павзанія, во времена Инаховы жили разсѣянно въ шалахахъ. Плутархъ говоритъ, что люди пи-

---

(*) L. 1. sect. 4.

шались тогда мохомъ, древесною корою, кореньями и жолудями. Извѣстно, что Египтяне приходили во храмъ не иначе какъ держа въ рукѣ нѣсколько правы, въ память того что предки ихъ не знали другой пищи; также что въ Афинахъ пошчивали новобратныхъ жолудями, и наконецъ что въ Римѣ новобратнымъ же припоминали о первобытныхъ людяхъ, которые пипались жолудями.

Было бы упоминательно выписывать изъ древнихъ авторовъ всѣ извѣстїя о первобытной жизни многихъ народовъ, разсѣяно обитавшихъ по горамъ и дубравамъ, лишавшихся земными плодами, незнавшихъ ни законовъ, ни правленїя, ни гражданского порядка; еще упоминательно бы приводить свидѣтельство новѣйшихъ писателей о дикихъ людяхъ, которые найдены въ разныхъ странахъ Европы, о жителяхъ Бразилїи, Канады, Зеландїи, обь островахъ Южнаго моря и проч., и наконецъ обо всѣхъ дикихъ народахъ, питающихся звѣрями, кореньями, рыбами. И такъ оставимъ дальнѣйшія сравненїя исторїи челоука со спихотворческими сказанїями о золотомъ вѣвѣ; а только изслѣдуемъ, почему думали, что люди, живщіе во времена Сатурновы, наслаждались верхнимъ блаженствомъ; и для того рассмотримъ со-

стояніе дикаго человѣка, ибо древніе сему плачевному состоянію приписывали невинность и счастье.

Извѣстно, что дикіе ведутъ жизнь совершенно безчувственную; извѣстно, что они весь день неподвижно сидятъ на землѣ, неподымая глазъ и нешевелия губами. Находясь во всегдашней оцепенѣлости, они не знаютъ ни безпокойныхъ заботъ, ни мучительной печали. Верховное счастье ихъ состоитъ въ праздности; непрерывной досугъ свой проводятъ они во снѣ и въ ошдохновеніи. Будучи неспособны къ предусмотрительности и къ размышленіямъ, они ничего не предполагаютъ для наступающаго времени; живутъ безъ законовъ, не знаютъ ни трудовъ, ни безпокойства, ни заботы. Проголосдавшись, насыщаясь листьями, древесною корою, плодами и корнями; ибо дикіе неразборчивы въ пищу. Побуждаясь единымъ инстинктомъ, они удовлетворяютъ только живою напуры своей нуждамъ. Живучи для настоящаго времени, не беспокоясь о будущемъ, не размышляя ни о чемъ, они не бояться смерти, кажутся неимѣющимъ о ней никакого понятія, и потому расстаются съ жизнью, какъ будто засыпая тихо и пріятно. Мнимое мужество ихъ и величіе духа есть въ самомъ дѣлѣ не иное что какъ совершенная нечувствительность.

Таковъ человекъ, живущій въ обществѣнаго успройства! Нравственныя потребности для него несуществующія; честолюбіе его непростирается далѣе удовлетворенія нуждъ физическихъ и бездѣйствія: въ себѣ состоиптъ его верховное блаженство. Правда, что сіе живописное состояніе человека имѣетъ въ себѣ нѣкоторыя удовольствія; ихъ - то можетъ быть имѣлъ въ виду стихопворецъ Гезіодъ, говоря, что „люди тогда жили подобно богамъ.“ Но какой мыслящій человекъ захочетъ наслаждаться подобнымъ блаженствомъ? Кто захочетъ отказаться отъ удовольствій; разумомъ доставляемыхъ?

Сіе описаніе дикаго человека, во всемъ сходное съ пѣишическими описаніями золотого вѣка, достаточнo объясняетъ, въ чемъ состояло мнимое счастье жизни человеческой въ тогдашнее время. Замѣтимъ теперь, что со временъ Сатурновыхъ начались кровопролитнѣйшія войны, ужаснѣйшія злодѣянія и убійства; вотъ опять совершенное сходство съ нравами дикихъ. Басня о Сатурнѣ, пожирающемъ дѣтей своихъ, невзята ли изъ исторіи людодства? Весьма вѣроятнo, что Греки украсили вымыслами историческую истину и потомъ сдѣлали изъ нее остроумнѣйшую и самую пріятную аллегорію. Въ позднѣйшія времена басня

Ѡ СашурнѢ превращена вѢ аллегорію; но сперва она почно соспавилась изѢ подлиннаго сббышїя и украшена вымыслами, подобно спихопворческимѢ сказанїямѢ Ѡ вѢкахѢ первобытныхѢ. Первые два вѢка сходны сб соспоянїемѢ динаго челѡвѢка; вѢ послѢдспвїи увидимѢ сходспво между прешнимѢ вѢкомѢ и паспущескимѢ соспоянїемѢ.

„ВѢ продолженїе мѢднаго вѢка, говѡришѢ Овидїй; люди, содѢлавшись болѢе „наглыми и свирѢпыми, ревностнѢе усспремилась кѢ оружію; однакѡжь еще неспредались всѢмѢ беззаконїямѢ (*).“

У Виргилїя ЕвандрѢ, первый основапелъ Рима, разспазываетѢ, что „окрестные „лѢса обипаемы были племенѢмѢ людей, „родившихся ошѢ пней древесныхѢ и ошѢ „дубѡвѢ самыхѢ крѢпкихѢ (**).“ ГезїѡдѢ говоритѢ, что „люди мѢднаго вѢка родилась ошѢ деревѢ ясеновыхѢ (***)“. Спихопворцы подѢ симѢ иносказательнымѢ выраженїемѢ разумѢли сильныхѢ и свирѢпныхѢ людей, копорые обыкновенно жили вѢ рѡщахѢ и дубравахѢ.

(*) Metam. l. 1, v. 125 et sequi.

(**) Aeneid. l. 8, v. 3:5.

(***) Op. et pies v. 144 et sequi.

„Буйные и свирѣпые люди сїи, продолжалъ Гезїодъ, „совершенно предались „безжалостному Марсу, виновнику мно- „гихъ бѣдъ свѣй. Еще не пинались они пше- „ницею; но будучи неприсупны и же- „споки, имѣли сердце швердостїю діаман- „ту подобное. Они были сильны въ чле- „нахъ своихъ и непобѣдимы. Оружіе и дома „ихъ были мѣдные; они выработывали раз- „ныя издѣлія изъ сего мешалла; ибо под- „лое желѣзо было еще незнаемо. Убивая „другъ друга“ и проч.

И такъ люди мѣднаго вѣка ошлѣча- лись буйными и свирѣпыми нравами, воин- ственнымъ духомъ, сильною склонностїю къ грабительству и нападенїямъ. Народы пастушескіе были всегдашними непрїятелями земледѣльцовъ. Не нужно доказывать примѣрами, что по всѣмъ признакамъ от- крывалась въ нихъ страсть къ военнымъ дѣйствїямъ.

Можемъ положиться на свидѣтельство Гезїода, жившаго спустя немного вѣковъ послѣ того времени. Сей стихопворецъ увѣряетъ, что люди тогда еще не пинались произведенїями Цереры. Вообще по испорїи пастуховъ намъ извѣстно, что народы сїи насыщаются мясомъ и молокомъ своей скотины. Мы должи, также и оубришь стихо-

творцу, когда онъ говоришь, что оружіе ихъ и домашніе приборы сдѣланы были изъ мѣди, и что люди сіи не знали желѣза. Свидѣтельство споль древняго писателя тѣмъ болѣе важно, что оно подтверждается испоріею и памяниками паснушескихъ народовъ. Опять замѣшимъ, что поемы не всегда уклоняюшся отъ испорической истины; о нихъ вообще здѣсь можемъ сказать то, что Платонъ говоришь о Гомерѣ: „повѣспи его покрышы корою шолько ба-»,снословія (*).

Остановимся надъ свидѣтельствомъ поешовъ, что люди мѣднаго вѣка были уже менѣе счастливы и злѣе своихъ предшеспвенниковъ. Человѣкъ, спавъ ближе къ гражданскому общежитію и порядку, началъ упошребляшь животныхъ для удовлетворенія своимъ нуждамъ; надлежало кормишь сихъ животныхъ и смопрѣшь за ними: умножились пруды, забошы, безпокойсхва. Тогда человѣкъ началъ размышляшь, умспивовашъ, предусмапривашъ; тогда необходимо вышелъ онъ изъ шого соспошня безчувспвенности, которое было счастьемъ для дикаго, и которое для паспуха служило предметомъ шщешныхъ желаній. Люди отъ природы склонны хвалишь прошед-

(*) De legib. 1. 3.

шее время, чшобѣ имѣшь причину и случай охудашь наспоющее: опѣ шого-шо зѣмледѣльцы, сожалѣя, воспоминали о счастливомъ времени своихъ опцовѣ, упражнявшихся въ скошоводствѣ, а сѣи желали возвратишь времена своихъ предковѣ, жившихъ въ первобытномъ дикомъ соспоянїи. Вообще у всѣхъ почти людей въ обычаѣ выхвалять сѣдую спарину и завидовашь учаспи опдаленнѣйшихъ прародителѣ, несмотря, что сѣи почтенные предки наши пожирали другѣ друга, или пипались правою и жолудями! Но человекѣ всегда будешь жаловашься на наспоющее и кричашь: о времена! о нравы!

И шарѣ мы знаемъ уже шо мнимое счастье, какимъ наслаждались люди въ ковѣ первобытныхъ. Чшожь касаешь до злоспи ихъ, шо едва ли можно себѣ чшоплибо предспавишь сырѣпѣ сихъ дивихъ звѣроловѣ. Въ желѣзномъ вѣкѣ небыло подобныхъ ужасѣ; однакѣ, по свидѣтельству Овидїя, „всѣ злодѣйства появились вмѣстѣ сѣ симѣ мешалломѣ.“ Спихопворецѣ исчисляешь ихъ подробно, и между прочимъ говоришь, что „корабли шогда „безспрашно по волнамъ пуспились“ (начало шорговли), что „начали дѣлать землю, копорая до шого времени всѣмѣ равно принадлежала, какъ свѣтѣ и воздухѣ.“ Сей раздѣлѣ земли еспѣ несомнительный

признакъ земледѣльческаго соспоянїя. Наконецъ „злапо и пагубное желѣзо вырываетъ, мыя изъ нѣдра земнаго.“ . . . Слѣдуютъ обыкновенныя порицанїя, которыя и Виргилій въ свою очередь выразилъ въ Енеидѣ и въ Георгикахъ. Воиъ слова его: „Въ желѣзныйъ вѣкъ времена измѣнились; невинность уступила мѣсто ужасамъ войны и ненасытной жадности. . . Тогда желѣзное племя родилось изъ земли еще невоздѣланной. . . Тогда рѣки на водахъ своихъ ощущали тяжесть выдолбленной ольхи; кормщикъ опредѣлялъ число звѣздъ и далъ имъ названїя. . . Тогда звукъ желѣза раздался отъ наковальни, послышался рѣзкій шумъ пилы, настали всѣ искусства, одно послѣ другаго: ничто неустояло противъ упорнаго труда и противъ догадливости, нуждою пѣсняемой. . . Тогда люди обнесли города окопами, и напечатали броды на земной поверхности.“

Можно ли яснѣе и съ большею точностию описать начало земледѣльческой жизни, когда человекъ изобрѣшалъ искусства, вводилъ законы, торговлю, земледѣлїе и вообще всѣ полезныя учрежденїя?

Заклучимъ словами Гезїода: „Нынѣ, въ желѣзномъ вѣкѣ, развращенные люди всегда подлежатъ трудамъ и бѣдности; боги по-

„вергающѣ ихъ въ великія скорби и пѣ-
 „госпныя заботы“ и проч. За тѣмъ слѣ-
 дующѣ хулы на желѣзной вѣкѣ, по ещѣ,
 на успѣхи гражданскаго успройства. Ге-
 зіодъ и послѣ его жившіе поемы выста-
 вляли всѣ невыгоды общежитія, на кото-
 рое указывали только съ худой стороны
 единственно для того, чтобы выхвалять
 мнимое счастье вѣковъ прежнихъ. Нельзя
 сказать, чтобы сіи описанія были со-
 всѣмъ несправедливы; признаемся, на при-
 мѣръ, что земледѣльческая жизнь дала
 понятіе о обществѣ, а сія о нача-
 лахъ правосудія. Равенство исчезло, рабо-
 та сдѣлалась необходимою, напала
 власть законовъ; тогда возникли разности
 между богатымъ и бѣднымъ, отличіе въ
 степеняхъ и званіяхъ и другія неизбѣжныя
 слѣдствія обществѣнаго порядка, а сіи
 слѣдствія заставляли человека жалѣть о
 томъ времени, когда всѣ были равны меж-
 ду собою. и не знали ни труда, ни заботы,
 ни печали. Картины минувшаго представ-
 лялись воображенію въ прелестнѣйшемъ ви-
 дѣ. Такимъ образомъ люди, завидуя сча-
 стию прежняго вѣка, составили сіи пре-
 красныя описанія о первобытномъ сословіи.

Признанія на счетъ земледѣльческой
 жизни покажутся справедливыми, когда по-
 смопримъ на общежитіе съ самой худшей

спороны его. Впрочемъ онѣ служили полезнымъ орудіемъ для законодателей, которые желали сдѣлать людей добрыми и усовершенствовать гражданское устройство. Древніе стихотворцы сами были законодателями, и припомъ весьма благоразумными; они хвалили древнее время и порицали настоящее единственно для того, чтобы успѣдить своихъ согражданъ и навести ихъ на путь добродѣтели. И такъ недолжно терять изъ вида и сего человѣколюбиваго намбрѣнїа древнихъ поетовъ.

Еслибъ паспущескіе народы оставили намъ свою исторїю, то мы конечно увидѣли бы, что Барды ихъ и Друиды такъ же поступали. Но довольно знать и то, что говорятъ наши поеты, а именно, что люди сего вѣка склонны были къ военнымъ дѣйствїямъ, и подвержены трудамъ и безпокойствамъ болѣе нежели прежде.

Изображенїе человѣка дикаго, жившаго въ золотомъ вѣкѣ, есть такъ же весьма близкое къ истинѣ, не только по способу пишанья произвольно распущимъ быліемъ, но и по счастливому соспоянїю, какое приписывается тому вѣку, а особливо если предположимъ сіе счастїе въ совершенной безчувственности, въ бездѣйствїи разума и всѣхъ умственныхъ способностей.

И такъ вѣки міра дѣйствительно означаютъ важнѣйшія эпохи исторіи человѣка. Мы видѣли, что прелестныя картины вѣка Сатурнова суть не иное что, какъ описанія однообразной, мрачной жизни дикаго человѣка. Жестокость и свирѣпство людей вѣка мѣднаго, ихъ стремленіе къ войнѣ и грабительству, совершенно изображаютъ пасхуха, сего всегдашняго гонителя общежительныхъ народовъ, сего непримиримаго врага всему тому, что противно кочевой его жизни. Наконецъ земледѣльческая жизнь описана подъ именемъ желѣзнаго вѣка съ такою точностію, что невозможно не узнать въ ней матери всѣхъ наукъ и художествъ. Изъясненіе столь простое и вѣрное служитъ исполкованіемъ также и для исторіи разума человѣческаго. Поэмы съ удивительною точностію означили ходъ и постепенныя перемѣны общежитія.

Но къ чему служатъ сіи названія вѣковъ, золотого серебрянаго, мѣднаго, желѣзнаго? Для чего разнымъ вѣкамъ стихотворцы дали названія металловъ?

Точность, наблюдаемая ими въ другихъ описаніяхъ, убѣждаетъ насъ думать, что и здѣсь поступлено не безъ намѣренія. Мы занимались изслѣдованіями о металлургическихъ познаніяхъ людей въ разные эпохи гражданскаго ихъ общежитія, и наши,

что поены спрого сохранили историческую точность. Можно равномернымъ образомъ доказать, что главныя перемѣны общешипельнаго порядка соотвѣтствуютъ открытію разныхъ металловъ. Сей постепенной ходъ металлургическихъ познаній, соразмѣрный успѣхамъ разума человеческого, заставляетъ насъ думать, что вѣки золотой, мѣдной и желѣзной должны быть разумѣемы въ подлинномъ словѣ сихъ значеніи. И такъ полагаемъ, что въ золотомъ вѣкѣ, когда люди жили въ первобытной дикости, извѣстно было одно только золото (*); равнымъ образомъ вѣкѣ мѣдный былъ эпохою паспущеской жизни и открытія мѣди; наконецъ желѣзный вѣкѣ есть некое что какъ время, въ которое люди, принявшись за земледѣіе, открыли употребленіе желѣза: собственно названіе вѣка заимствуемо было каждой разъ отъ появленія новаго металла. И такъ стихосворцы дали вѣкамъ весьма приличныя наименованія, назвавши первой періодъ золотымъ вѣкомъ, или лучше вѣкомъ золота, впорой вѣкомъ мѣди, третій вѣкомъ желѣза.

Съ Франц. М.

(*) Серебряной вѣкѣ не отдѣляю отъ золотого. Гораций также считаетъ только три вѣка. Смолр. *Prod.* т. v. 64 et 65.

III. КРИТИКА.

Мои Петербургскія сумерки (*).

Ненадобно судить о книгѣ по названію, которое иногда у господъ сочинителей принимается не въ обыкновенномъ значеніи, а иногда и совсѣмъ ничего незначитъ. Мы подумали-было по же о *Петербургскихъ сумеркахъ*; но по счастію скоро вспомнили объ Авѣ Гелліи, которая назвала книгу свою *Аллитическими ночами*, попому только, что писала ее по ночамъ въ области Аппической.

Сумерки составлены изъ отдѣленныхъ подѣ разными заглавіями спашей: сеншменшальныхъ, саширическихъ, шопографическихъ, историческихъ и моральныхъ. Не ищите въ нихъ ни взаимной между собою связи, ни плана, ни послѣдовательнаго порядка. Отъ *Надежды* незапный переходъ къ *Осени*, отъ *Осени* къ *Невской улицѣ*,

---

(*) Сочиненіе Николая Страхова, издашела Саширическаго Вѣспника, Переписки Моды, Карманной книжки и проч. 2 Части, въ Санкшпешербургѣ, 1810.

отъ Фейерверковъ къ Обелиску Румянцова, отъ Переллетчика къ Памятнику Суворова, отъ Кандилоровъ къ Полемкину, отъ Городской полночи къ Ивану Великому и шавъ дѣлѣ. Это галлерей картинъ разной величины, разныхъ родовъ, и не одинакаго достоинства.

Сапирическія спашья, безъ сомнѣнія, поправятся всѣмъ шбмъ, кои съ удовольствіемъ читали Сапирической Вѣспниѣ и Переписку Моды. Онѣ имѣютъ очевидное преимущество передъ другими спашьями, и показываютъ съ выгодной стороны дарованіе сочинителя: слова въ нихъ по большей части правильнѣе, мысли свободнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ той же книги. Вошъ описаніе шавъ называемаго *Бульвара*:

„Предки наши (*) теряли жизнь сидячи, а нынѣ наспалъ вѣкъ потери оной спюючи, ходя и внѣ дома. Прогулка *расплагаетъ всѣмъ образомъ жизни до такого стелени*, что всякому прѣвзjemu и давно здѣсь небывавшему непременно нужно прежде всѣхъ мѣстѣ идти на бульварѣ. Тамъ онѣ узнаешъ, что нынѣ просыпающся въ XI часовъ ушра, начинающъ прогуку въ II часа за полдець, продолжающъ

(*) Часть I. стр. 29.

до IV, садятся за столъ въ V, кончатъ обѣдъ въ VI часовъ; потомъ, кто черезъ два, кто черезъ три часа, но почти всѣ, бѣгутъ на бульваръ, гдѣ оспающа лѣпомъ до II, а зимою до IX часовъ. Тамъ онѣ узнаютъ, что нынѣ дошли до умѣнія не шокмо шерять ночь, но и время сна, копорой проводя въ другихъ упражненіяхъ, принуждены занимать на оной отъ каждаго ушра *жизни* по пятому часовъ и болѣе. Отъ шого происходитъ, что нынѣ въ столицахъ совсѣмъ нѣтъ ушра.

„Но посмотримъ, что дѣлается на бульварѣ? Красавицы сносятъ шуда свои личики на показъ; дурныя и старыя ищутъ шѣхъ, копорые бы ихъ увѣрили въ прошивномъ шому. Молодые мушны промѣнивають свои сердца, вмѣсто вчерашнихъ черныхъ глазъ, голубымъ; вмѣсто вчерашняго орлинаго, маленькому носику. Модные слѣпцы въ очкахъ пришедши всѣхъ шопрѣшь, спараются между лѣмъ всѣхъ увѣришь, что они ничего невидишь. Прѣвзжѣ думаютъ найши здѣсь шѣхъ, до копорыхъ имѣютъ дѣло. Праздные вѣрятъ, что набредутъ на какой шибудь шастливой случай. Среди шѣсношы и шолчковъ ученые надѣются придумать какую-нибудь важную истину. Игроки ищутъ денежныхъ поншеровъ, или богачей, копорые имѣя на рукахъ

боспонъ всегда играющъ на восемь. Спихотворецъ прибѣгаетъ вылѣчить инфламмацію произшедшую въ языкъ отъ того, что онъ никому не успѣлъ еще прочесть своихъ прекрасныхъ стиховъ. Слассполюбецъ двигается, чтобы помочь сваренію желудка; а облѣбнищійся богачъ думаетъ удивить всѣхъ знакомыхъ шѣмъ, что онъ вышелъ на воздухъ. Расповицикъ и закладчикъ навѣдываются, кто на дняхъ болѣе прочихъ проигралъ или промоталъ. Болпуны спѣшатъ все пересказать, любопытные все узнать, а безпечные все забыть.

„И такъ бульваръ для праздныхъ людей есть средство никогда не быть съ самимъ собою; женой, дѣтьми, старыми пріятелями, дѣлами и совѣстію; вѣрной способъ вмѣсто десяти добрыхъ дѣлъ и десяти полезныхъ мыслей ни одного не сдѣлать и ни одной не имѣть. Бульваръ сдѣлался сходьбищемъ, куда идутъ торговать щасіе, покупать веселіе, прицѣниваться къ найму друзей, нанимать и нанимаются любить.“

Замѣченные слова и фразы показались намъ сомнительными. Спрогѣ чинатели можетъ быть найдутъ въ предложенной выпискѣ еще что-нибудь, требующее поправки. Прибавимъ, что *правописаніе* въ Су-

меркахъ весьма *нелправое*. Прихоп'ливый наборщикъ спавилъ буквы по своему произволу; а корректоръ непоправлялъ ошибокъ; вброяшно, чшобы позабавишься надъ его просшошою. Г-ну Сочинишелю, напечатавшему *Сумерки* собспвеннымъ иждивеніемъ, надлежало бы посмопрѣшь за исправносшію. Въ прочемъ шеперь найдено, что Ореографія не есть необходимая наука. Спихопворцы наши сочиняютъ знаменишыя прагедіи, эпопеи, оды, неимѣя поняшія объ ореографіи и другихъ часпяхъ грамматикки. И шадъ оспзвимъ мѣлочи и выпишемъ изъ *Сумерекъ* еще спашью, по кошорой чипашели могутъ судишь о достоинствѣ книги.

Ч. I. стр. 59. „*Недавніе и нынѣшніе нравы и обычаи*. Въ недавнія времена Русскіе пріучались шолько къ Европейскимъ обычаямъ; а нынѣ собспвенныхъ своихъ совѣмъ не помнятъ и не знаютъ.

„Дворяне не учили дочерей своихъ даже и Русской грамашъ, опасаясь, чшобы онѣ не научились писатъ къ мущинамъ; но нынѣ и спрахъ сей миновался, и переписка сдѣлалась не нужна, пошому чшо мущины безошлучно находяшся при дочеряхъ.

„Недавно дворянскія дѣлши выучивали не далѣе букваря, а сѣ псалтыря на вѣки

разспавались со чтеніемъ книгъ: но нынѣ онѣ споль швердо выучивающѣ Французской языкѣ, что совсѣмъ забываютъ природной, а чтеніе начиная со сказокъ, продолжаютъ до непонимаемыхъ ими философическихъ системъ.

„Дарованіе и достоинство молодого человека состояло въ томъ, чтобы онъ умѣлъ бытъ въ компаніи, имѣлъ бы хорошую фигуру и чинъ для чепырехъ лошадей. Но нынѣ почишающѣ съ великими дарованіями того молодого человека, кошорой путешествовалъ въ чужихъ краяхъ, кошорой на вопросы по Русски отвѣчаетъ по Французски; за низкіе поклоны припрогиваеиъ сполько къ заду шляпы; привѣтспвующихъ не слушаеиъ; отъ подходящихъ отворачиваеиъ; не узнаеиъ сестрѣ и братьевъ; безъ очновъ ничего не видиѣ; безъ переводчика ничего не разумевѣ; рассказывая о Французскихъ обрядахъ, ко всякому слову прикладываетъ *у насъ въ Парижѣ*, а хвалимое Русское удоспнваеиъ однимъ *лфуй, лфи и лфа!* Другіе молодые дворяне ищутъ военной службы для того, чтобы скорѣе оставиѣ родительской домъ, завести *хвалтскую* коренную лошадь и къ ней на приспяжку *завивную*, имѣиъ спрашнныя *бакенъ-барты*, сыскаѣ великой кредитѣ на честное слово, великое множество

любовницѣ на пусныя увѣренія и великое множество домовѣ на рекомендацельныя письма. За это блаженство пошачливыя мащери пихонько отъ отца пересылающѣ сынкамѣ пысячныя вспоможенія, а отцы вѣ явь продающѣ знапную часть имѣнія для оплашы ихѣ долговѣ. Наконецѣ отецѣ беретѣ промошавнагося сына вѣ опсшавку, а мащъ женишѣ его на богатшой.

„Не давно во многихѣ чеспныхѣ домахѣ и самыя вѣзрослыя дѣвицы спрашивали и узнавали, какѣ должно одѣшья по модѣ; а нынѣ и па извѣ нихѣ малолѣпная, кошпорая не выучила еще Французскихѣ складовѣ, умбешѣ уже, если не себя, по по крайней мѣрѣ куклу нарядишѣ сѣ ногѣ до голосы вѣ послѣднемѣ вкусѣ. Не давно дѣвицы носили плашье, а нынѣ плашьемѣ щеголяющѣ. Недавно хвалили рукодѣлье, нынѣ моду. Недавно дѣвицы имѣли шолько два полезныя выѣзда: церковь и домѣ родствениковѣ или друзей; а нынѣ ежедневно родищели шрясущѣ ихѣ вѣ карешахѣ, знакомишѣ со множествомѣ домовѣ, развозашѣ по гостямѣ; театрамѣ, зрѣлицамѣ, маскерадамѣ, гуляньямѣ; однимѣ словомѣ, упошребляющѣ всѣ средства на шо, чшобы скорѣ отшвучишѣ ихѣ отъ куколѣ и зашавишѣ вмѣсто всѣхѣ выбрашѣ одну живую, по ешѣ мужа.“ и проч.

Во многихъ мѣстахъ попадающся мысли опышнаго писателя, коротко знакомаго съ человѣческимъ сердцемъ и съ обычаями своего времени. „Изъ числа вредныхъ знакомыхъ также и шв (Ч. I спр. 106), копорые, вкравшись въ довѣренность, дѣлающся подобны разбойникамъ и ворами, изъ коихъ первые грабятъ у насъ *добродѣтели и полезныя правила жизни*, а другіе крадутъ наше *время, занятія и утраченія* . . . Пустыя знакомства безчисленны. Одна щепотка взятаго шабаку, вымолвленное слово или пошедшій дождь, бывали единственными причинами ничтожнаго ихъ основанія. Бываютъ *пустыя связи знакомствъ* по учености, копорыя продолжающся до перваго спора. Наинесноснѣйшіе изъ *пустыхъ знакомцевъ* шв, копорые безпрещанно приходилъ единственно для того, чтобы къ себѣ звать и пѣнять за непосѣщеніе.“

Теперь читатели имѣютъ понятіе о главномъ тонѣ *Шелтербургскихъ сумерекъ*. Пускай же судятъ, можно ли было ожидать его по началу книги. Первая сцена начинается такъ: „Надежда! первородная дочь Творца и вѣчности, предобрученная невѣста души и сердца!“ а оканчивается слѣдующимъ образомъ: „Предобрученная невѣста души и сердца человѣче-

скаго, Надежда! прїиди и озари омрачен-
ной мой духъ, прїиди и даруй мнѣ перо
изъ пѣхъ крыльевъ твоихъ, копорья воз-
носящъ насъ къ славѣ и вѣчности!“ Вся-
кой совѣспный и знающій свое дѣло учи-
тель непременно долженъ остерегашъ уче-
никовъ своихъ отъ подобныхъ восклицаній,
копорья пѣмъ болѣе опасны для неопыт-
ныхъ, что подъ благовидною наружноспю
незаключающъ иногда въ себѣ никакого смы-
сла. Въ слѣдующихъ спрахахъ есть мысли,
но онѣ слишкомъ уже подслащены сенти-
ментальнымъ сиропомъ: „Иногда въ свѣш-
лую осеннюю ночь (Ч. I. стр. 17) лучи лу-
ны играющъ на капляхъ слезы груснаго,
разлученнаго любовника. Тяжко воздыхая
вспоминаешъ онѣ любезную его сердцу,
вспоминаешъ, какъ нѣкогда въ осеннія ве-
чера вмѣспѣ съ нею смашривалъ онѣ на
луну. Отъ рѣсницы слезою омоченной, мы-
сленно посылаешъ онѣ лучъ къ озрачку сво-
ей милой. Сїя свѣшлая нпшъ чрезъ дальнїя
спраны отъ глаза къ глазу спремпшя,
сближаешъ и связуешъ собою воображенїя
и сердца!“ Перекинувши пяшъ спраницѣ,
найдете: „Тамъ (рѣчь идешъ о большомъ
бульварѣ и Невской улицѣ) иногда опеча-
ленной ищешъ въ библіотекахъ опрады и
мудрости; а здѣсь (т. е. въ Невскомъ мо-
наштырѣ) сердце опдѣленное отъ жизни и

вщущенія, благоговѣно шрепеще шъ подѣ
бременемъ книги небеснаго ушѣшенія и вѣч-
ныхъ радосшей.“

Но пора вспомнишь, что такими вы-
писками легко можно вооружишь прошиву
себя полку непріятелей, и подашь случай
кому-нибудь изъ досужихъ господъ журна-
листовъ, во имя Бога, Вѣры и Ошечества,
написашъ на насъ новую Филиппику.

Къ опличительнымъ признакамъ *Пе-
тербургскихъ сумерекъ* принадлежишь еще
и то, что книга сѣя напечатана не черни-
лами, а какою-то краскою синяго цвѣща.

Г.

IV. С М Ъ С Ъ.

Письма къ Издателямъ.

I.

Вы изъ челоѡколюбиваго и соспрадательнаго вашего расположенія доспавляете, чрезъ извѣщеніе въ вашемъ Вѣспникѣ, пособія бѣдностѣ и нужду шерпящимъ. Такое расположеніе ваше даетъ мнѣ поводъ сообщить вамъ о челоѡкѣ, насущнаго хлѣба неимѣющемъ, и покорно просить васъ, милоспивые Государи! извѣстить о жалоспномъ его состояніи въ вашемъ Вѣспникѣ людей соболѣзнующихъ и чувспвишельныхъ.

Иноспранецъ, подданной Россійской, Секретарь Аншонъ Михайловъ сынъ Левенгофшъ, живущій въ Вяпской Губерніи, въ городѣ Слободскомъ, въ домѣ купца Бѣлослудцова, семидесятилѣтній спарикъ, имѣющій жену и малолѣтнихъ двухъ сыновей, и шрехъ дочерей, служилъ прежде въ оной Губерніи Уѣзднымъ Казначеемъ 4 года; по испеченіи сего срока смѣненъ другимъ, во всемъ сочпенъ, и никакого начеша и взысканія на немъ не оказалось, въ чемъ опъ шамошней Казенной Палаты дано ему и свидѣтельство; почему шамошнимъ Губернскимъ Правленіемъ опредѣлено было въ 1801, по опкрышіи ваканціи Дворянскаго Засѣдателя,

доложитъ о немъ; но по причинѣ перемѣнъ тамошнихъ начальниковъ докладывано не было, и онъ, оставаясь безъ мѣста, проживалъ малое свое и жены своей имущество, наживалъ на себя долги, и къ сему еще чрезъ случившійся пожаръ лишился всего, что имѣлъ. Въ 1804, по милости Князя Петра Васильевича Лопухина и бывшего тогда тамо Губернатора, опредѣленъ онъ на мѣсто Дворянскаго Засѣдателя въ Земской Судъ Слободскаго города, изъ коего въ 1807 за болѣзнь, дряхлостію и слѣпою уволенъ, не имѣя ничего, находящійся съ семействомъ въ самой крайней бѣдности, съ четырьмястами рублями долгу, безъ пропитанія и въ невозможности платишь за нанимаемой имъ у вышепоказаннаго купца уголь.

Сей старикъ терпитъ съ семействомъ своимъ нищету и спраждаетъ ошъ того, что онъ, довольствуясь однимъ жалованьемъ и малымъ своимъ имуществомъ, служилъ и управлялъ должность свою всегда усердно, честно и безкорыстно, никого не приѣснялъ и не лихоимствовалъ.

Возмите, милостивый Государь! на себя трудъ переслать къ сему спрадалцу при семъ приложенныя ассигнаціею двадцать пять рублей, и извѣстите о сей несчастной семьѣ въ Вѣспникъ вашемъ: безъ сомнѣнія многіе найдутся сострадашельные Благодѣтели, ощущающіе душевное удовольствіе, подавая руку помощи бѣдствующимъ.

Имѣю честь бытъ и пр.

М. . . . въ Сп. . . . дозв.

Москва, Апрѣля 9, 1810.

II.

Прошу васъ, М. Г. взять на себя трудъ изъ приложенныхъ 100 руб. доставить 50 руб. въ городъ Росшовъ, что на Дону, Его Высоко-родію Пешру Николаевичу Тешюпину, при запискѣ: для врученія вдовѣ Генераль-Маіора Ф. Д. В. по письму, напечатанному въ 17 номерѣ Вѣстника Европы 1809 года, и 50 руб. Маіоршѣ слѣпой, о кошорой вы писали въ томъ же номерѣ и того же года, освѣдомишься въ домѣ Г. Тамбовскаго Почт-Директорскаго Помощника Чулкова, за что чувствительнао будете вамъ благодарна

Неизвестная.

Орелъ, 1810, 31 Марша.

NB. Деньги: 25 руб. Господину Левенгофшу; 50 руб. въ Росшовъ на Дону, и 50 въ Тамбовъ, доставлены по адресамъ. *Изд.*

У. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Бракосочетаніе Императора Наполеона съ Принцессою Марією-Луизою совершено Апрѣля 1 (н. с.) въ галлерей С. Клудскаго дворца, и потомъ 2го Апрѣля въ Тюльерійскомъ дворцѣ, въ Парижѣ. Въ 12 часу утра собрались всѣ чиновники, долженствовавшіе участвовать въ церемоніи, во дворецъ С. Клу. Въ концѣ галлерей, приготовленной для торжества брачнаго, поставлены были двои кресла на возвышенномъ мѣстѣ для Императора и Императрицы, и близь нихъ столъ, накрытый богатымъ покровомъ, со всѣмъ нужнымъ для совершенія акта. Въ два часа по полудни начались пушечные выстрѣлы въ С. Клу, на которые отвѣщивали такіе же пушечные выстрѣлы въ Парижѣ: это возвѣстило начало церемоніи. Императоръ и Императрица, предшествуемые придворными чиновниками, Принцами и Принцессами Императорской Фамиліи, вступили въ галлерей и сѣли на прѣдѣ; всѣ прочіе расположились въ опредѣленномъ порядкѣ по правую и лѣвую сторону трона; послѣ чего Принцъ Архиканцлеръ, приближась къ трону, спросилъ Императора: *Угодноли Вашему Величеству изъяснить волю свою на вступленіе въ бракъ съ Ея Императорскимъ и Королевскимъ Высочествомъ, Эрц-Герцогиней Австрійскою, Марією-Луизою, здѣсь присутствующею?* — Императоръ отвѣщивалъ: *Объявляю, что я намеренъ вступить въ бракъ съ Ея*

Императорскимъ и Королевскимъ Высочествомъ, Эри-Герцогинею Австрійскою, Марією-Луизою, здѣсь присутствующею. Такой же вопросъ сдѣлалъ былъ и Ея Высочеству; и Она ошвѣщивовала то же; послѣ чего Принцъ Архиканцлеръ провозгласилъ: *Именемъ Императора и закона объявляю, что Его Императорское и Королевское Величество, Наполеонъ, Императоръ Французскій и Король Италіи, и Ея Императорское Высочество, Эри-Герцогиня Марія-Луиза, заключили между собою брачный союзъ.* — За симъ слѣдовало подписаніе акта. Послѣ Императора и Императрицы подписали всѣ Принцы и Принцессы Императорской Фамиліи; симъ кончилась брачная церемонія — ввечеру былъ спектакль; весь дворецъ былъ иллюминированъ; фоншаны, пущенные при огнѣ, казались огненными. — На другой день, 2 Апрѣля, Императоръ имѣлъ торжественный вѣздъ въ Парижъ. Пущечная пальба возвѣстила Парижу, что Его Величество выступилъ изъ С. Клу. Коршежъ начинался и оканчивался конною гвардіею; по обѣимъ сторонамъ дороги стояли войсва въ ружьѣ; Императорскія кареты заложены были въ восемь лошадей, а всѣ другія въ шесть; Императоръ сидѣлъ въ одной каретѣ, съ Императрицею. У вѣзда въ Елисейскія поля поставлены были триумфальныя ворота, въ кошорыхъ Губернаторы Парижа, Префектъ Севскаго Департаментна и прочіе главные чиновники города Парижа привѣщивовали Ихъ Величества. Колокола звучали, безпрестанно гремѣли пущечные выстрѣлы, и во многихъ мѣстахъ играла торжественная музыка. По прибытіи во дворецъ началось шествіе въ церковь. Шлейфъ Императрицы несли Прин-

цессы Императорской Фамиліи. Болѣе осьми тысячъ зрителей находились въ галлерей Луврской, и въ самой церкви были опшведены мѣста для чепырехъ сошъ знатнѣйшихъ Особъ, неучаствовавшихъ въ церемоніи. У дверей церкви Ихъ Величества были вспрѣчены первымъ Кардиналомъ, великимъ Омонье, Французской Имперіи и прочими Духовными Особами, и попомъ заняли мѣста свои на великолѣпномъ шронѣ; по обѣимъ сторонамъ шрона расположились Принцы, Принцессы и знатнѣйшіе чиновники Имперіи. Первый Кардиналъ Франціи и два Епископа совершали обрядъ вѣнчанія. Его Величество самъ возложилъ кольцо на перстѣ Императрицы, сказавъ: Даю Вамъ кольцо сіе въ знакъ брачнаго союза, въ кошорой вступаю съ Вами. Ассисшеншомъ при Императорѣ былъ Голландской Король, а при Императрицѣ Королева Неаполипанская. Ввечеру была великолѣпная иллюминація и фейерверкъ.

*

Вошъ главныя сшашья договора, заключеннаго между Голландією и Францією: Голландія прерываетъ всякое шорговое сношеніе съ Великобританнією — Зееландія, Голландскій Брабаншъ, частъ Гелдерна, находящаяся на лѣвомъ берегу Ваалы, съ Нимегеномъ, Боммелемъ и Воркумомъ уступающа Франціи — ввозъ Англійскихъ мануфактурныхъ шоваровъ въ Голландію запрещается.

Мая 2.

П Р И Б А В Л Е Н І Е
къ No 9 Вѣстника Европы.

О продажѣ книгъ.

Всемирная Хронологія, или Лѣтопись временъ, означающая происшествія въ хронологическомъ порядкѣ, какъ-то: основаніе Государствъ, Республикъ, Имперій и паденіе ихъ; воцареніе, дѣянія и смерть великихъ Государей; жизнь и подвиги великихъ Мужей; побѣды славныхъ Полководцевъ, сраженія, построенія городовъ, посвященіе и смерть Папъ; разныя открытія, и описаніе чрезвычайныхъ происшествій по 1810й годъ. Сочиненіе Н. Свѣчина.

Оная книга продается въ приходѣ Николая на Курьихъ ножкахъ, въ домѣ Свѣчина. — Цѣна 5 руб.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 10. М А Й 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

Суворовъ и Тугушъ.

Память Генералиссимуса слишкомъ священна, чтобы не оправдать предъ попомомъ его негодованія на перваго Австрійскаго Министра Тугуша, бывшаго тогда душою Вѣнскаго Кабинета и начальствовавашаго Придворнымъ Военнымъ Совѣтомъ, симъ Гофкригсратомъ, который, по свидѣтельству дѣписателей Австрійскихъ, нѣсколько сполннѣй связывалъ руки всѣмъ предводителямъ войскъ, и даже самому Принцу Евгенію. — Никто изъ шамошнихъ Генераловъ безъ предварительнаго донесенія и испрошенія повелѣнія не смѣлъ опваживаться ни на какое военное предпріятіе, или на нападеніе, или на взятіе какой-либо крѣпости и пр. — и всякой самовольный поступокъ, хотя бы и лучшимъ успѣхомъ

увѣнчанный, подвергался спрогой опшвѣспвенности и суду. Онѣ сего-шо совѣща получалѣ наждый свои инспрукціи и планы съ подробностями, не рѣдко несообразными ни съ мѣспнымѣ положеніемѣ шапра войны, ни съ обстоятельствами, переѣняющимся иногда опѣ единого мгновения въ сраженіи. Непрерывныя Авспрійцевѣ неудачи, подшверждавшія неоспоримую истинну сію, что военачальникѣ долженѣ въ проспранной своей сферѣ дѣйствовашѣ *свободно и независимо*, не могли переѣнишь или ограничить властвования сего судилища. Напрошивѣ шого деспотизмѣ онаго никогда еще споль не усиливался, какѣ въ министршво Тугуша. Онѣ хошѣлѣ не премѣнно подчинить себѣ и Графа Суворова, какѣ Римско-Императорскаго Генераль-Фельдмаршала; но всѣ спаранія были щещены. Первое условіе, которое предложилѣ Римскій Герой въ залогѣ своихѣ побѣдѣ, состояло, въ шомѣ, чтобы не знашь Гофкригсраша и переписывашься съ однимѣ шокмо Императоромѣ непосредспвенно. Опшчаянное шогдашнее положеніе Государшва, всеобщій воспоргѣ народа при появленіи Россійскаго Вождя и единое упованіе на его побѣды заставили Вѣнскій Кабинетѣ согласитья на сіе предложеніе; но Министрѣ неопшпунно и насшоятельно продолжалѣ шребовашѣ предварительнаго начертанія во-

енныхъ дѣйствій Суворова — онъ получилъ отъ него кипу бѣлой бумаги. Сердце раздраженнаго властлюбца наполнилось желаніемъ мщенія: забывъ славу отечества своего, которая должна была зависѣть отъ подвиговъ новаго Полководца, онъ прошиву-поспавлялъ безчисленные препяпствія быспрому полешу нашего Генія. Доказательствомъ сего будетъ служившій переписка съ Алспрійскимъ Дворомъ, въ Исторіи Суворова, мною сочиняемой, помѣщенная. Сколь часто вмѣсто благодарности за блистательныя побѣды опорочиваны были заочно въ Вѣнѣ всѣ благоразумныя распоряженія, спяжавшія оныя! Можно здѣсь сказать, что Князь Александръ Васильевичъ прославился великими подвигами и великими нещасіями. Въ печеніи жизни своей, а шеперь и вновь въ сію кампанію позналъ онъ все, что слава имѣетъ прелестнѣйшаго, и все, что зависитъ, ненависть и злоба могутъ въ гоненіяхъ своихъ произвести ужаснѣйшаго и люшбѣйшаго. Сколь часто въ огорченіи своемъ говаривалъ онъ: „Я спую между башареею непріятельскою и между дипломатическою, гораздо опаснѣйшею. Я устоялъ на скользкихъ спремнинахъ; но устою ли на придворномъ паркешъ?“ — Предчувствія его сбылись. Но обратимся въ Гофкритсрашу. Бывъ вблизи онаго и въ шбсномъ сношеніи съ правительствомъ по тогдашней своей обязанности, могу

я съ въкопорою достовѣрностію представивъ здѣсь рядъ всѣхъ ошибокъ его или Тугуша, что все равно, и попомъ опдамъ безпристрастному чинашелю на судъ: справедливы ли и основательны ли были жалобы моего Благодѣшеля на Государственнаго челоука, которой, устранивъ опъ себя всѣ виды на общественное благо, слѣдовалъ поком однимъ побужденіямъ мспишельной души своей. Ещѣли Фельдмаршалъ сохранилъ опъ него въ Вѣнѣ шайну военныхъ своихъ предположеній, образомъ поком его оригинальности свойственнымъ, то онъ показалъ въ этомъ случаѣ обыкновенную свою неприоницаемость, которая погда была необходима и гораздо нужнѣе, нежели когда-либо. Не сокрышы опъ него были поспыдные пошупки многихъ Государственныхъ чиновниковъ и Генераловъ, которые приносили неприятелю въ жершву всѣ шайны своего Кабинета и военныхъ назначеній. Тугушъ самъ имѣлъ при себѣ чиновника, пользовавшагося неограниченною довѣренностію и бывшаго Секретаремъ у извѣстнаго Графа Мирабо. Послѣдшвія еще и болѣе оправдали сїю недовѣрчивость: ибо я самъ нашелъ въ бумагахъ у взяшыхъ въ полонъ Французскихъ Генераловъ подробнѣйшія свѣденія о предположеніяхъ Австрійскихъ, изъ Вѣны имъ сообщенныя.

Такимъ образомъ маршрутъ, Гоффригс-
рапомъ сочиненный для войскъ нашихъ
подъ начальствомъ Генерала оиъ инфан-
терїи Розенберга, былъ уже проданъ и въ
рукахъ Серюрье. Имѣвъ шоль важную бу-
магу, гошовилса онъ принять насъ скрыш-
ными башареями въ извѣстный ему день
нашего появленїя, и не прудно угадать,
кошерая спорона содѣлалась бы тогда жер-
швою. Но быспрошю нашего Героя всѣ
замыслы его изпроверглись; вмѣсто назна-
ченныхъ двадцати пяти верствъ въ сушики
и ондохновенїя на шрешы, пошчасъ изъ
Виллаха по принятіи имъ главнаго началь-
ства пуспилось войско по пятидесяти
верствъ и болѣе, маршрутъ оспался въ без-
дѣйствїи, Серюрье изумленный разбишъ,
въ полону — а Суворовъ, по словамъ сво-
имъ, *паль на него, какъ снѣгъ на голову.*

Образованїе Совѣща сего шаково, чїе
войско не можешъ сдѣлать ни малѣйшаго да-
же движенїя безъ ушвержденного маршруша,
жонорой, шакъ какъ и всѣ подробныя кар-
пы, сочиняешся въ операціонной ихъ каме-
рѣ многочисленными Генеральнаго Штаба
Офицерами, а пошому никогда винакой
шайны бышъ и не можешъ. Таковая камера
находилась и при главной кварширѣ; но
предуспришельность Главнотачальствова-
щаго оспавила ее въ праздноспи.

Прежде нежели я покажу непрерывную борьбу великаго челоѣка со всѣми трудностями, препятствіями и опасностями, долженъ я остановиться на самой войнѣ въ Италіи и Швейцаріи.

Всякая война, для какой бы ни предпринята она была причины, есть зло для челоѣчества; но война за мнѣнія, когда политическій фанатизмъ обуяетъ головы всей націи, есть самая любуѣщая. Чтобы въ сей истиннѣ увѣриться, надобно было въ Италіи быть зрителемъ, какъ отецъ восставалъ противъ сына, сынъ противъ отца, жена противъ мужа, а сей противъ жены. Всѣ узы родства были разпоргаемы за прилѣпленіе по нѣ аристокраціи, по нѣ демокраціи. Въ шемницяхъ спенали безчисленныя жертвы политическихъ предразсудковъ. Народъ Италіянскій, сославляющій, какъ и вездѣ, сущесственную пружину въ огромной машинѣ Государства, бывъ обольщенъ обѣщаніями мечтательной вольности, равенства и брацтва, не зналъ бѣщенству и ярости своей предѣловъ; и среди такого-то народа Полководецъ, пришедшій для возстановленія пропивоположныхъ мнѣній и испроверженныхъ Пресполовъ, долженъ явить все свое благоразуміе и пончайшую осторожность. Онъ ведетъ шамъ войну не съ однимъ своимъ непріателемъ, но и со спращ-

ною, за вольность вооружившеюся націю. Греки, за вольность сражавшіеся, побѣдили Персидскаго Царя Ксеркса; Римъ во дни республики своѣй налагалъ оковы на Царей изъ опасенія, чѣобы не лишишься поѣ же вольности — онъ долженъ былъ умѣнь ушляшь сѣ умовоспаленіе, привлекашь къ себѣ сердце сей націи, онъ него уклоняющейсѣ, снисходительностію и челоѡколюбіемъ, наказуя миловашъ, и направляшь мудрыми убѣжденіями умы къ своей цѣли. Чѣо Князь Ипалійскій зналъ сѣ искусство въ полной мѣрѣ, сѣ доказали всѣ событія и вся Ипалія. Вскорѣ завѣса сѣ очей народа низпала; онъ позналъ свое заблужденіе; всѣ состоянія предались въ руки милосердаго Побѣдителя, и подѣ знамена его спекалось уже до осмидесяти тысячъ Ипаліянцевъ, дабы подѣ начальствомъ Сардинскихъ войскъ Генералиссимуса вѡпоргнушь въ предѣлы Франціи и въ Парижъ.

При шакowychъ занятіяхъ, могущихъ изшощить и обилнѣйшій умъ, долженствовало ему еще умѣнь держашъ въ надлежащей совокупности двѣ арміи, во всѣхъ отношеніяхъ полико между собою различныя, и сливая ихъ вмѣстѣ, давашь имъ единообразное движеніе. При направленіи ихъ къ какому-либо военному дѣйствію пошребла была вся мудросшь въ разчисленія и ура-

вниваніи обоюдныхъ силъ. Австрійскіе Генералъ - кварширмейстеры часто дѣлали разпредѣленія, могшія подвергатьъ наши войска неизбѣжнымъ опасностямъ: но сѣдый Вождь пошчасъ оспанавливалъ ихъ умыслы. Сію всегда готовую его расчешливость называли сами Маркиаб Шаплеръ и Цагъ чудомъ въ военномъ искусствѣ, а его — богомъ войны. Да и могъ ли бы онъ иначе сохранить сію, имъ самимъ называемую *горсть* людей, съ столь малымъ урономъ, съ каковымъ возвратилъ онъ ее Опечесству, какъ по докажутъ вѣрнѣйшія мои вѣдомости о числѣ людей и о потерпѣнныхъ урокахъ?

Положеніе Фельдмаршала въ предводительствованіи обими союзными арміями было весьма запруднительно. Опытами дознано, что въ отдѣленныхъ корпусахъ одной и той же арміи водворяется соревнованіе, въ союзныхъ же зависть и ненависть, обращающіяся наконецъ въ непримиримую злобу. Не взирая на всѣ старанія Начальника сохранить добрый порядокъ и согласіе, такъ, что онъ весьма часто показывался въ Австрійскомъ Фельдмаршальскомъ мундирѣ, носилъ ихъ каску и куртку, безпрестанно встрѣчались между Россійскими и Австрійскими Генералами недоразумѣнія и ссоры, копорыя возрасли въ послѣд-

спивїи до высшей степени. Первые имѣли всякое право на уваженіе за проливаемую ими кровь, гордились испиннымъ своимъ достояніемъ и побѣдами: сами враги, Французы и Ишалїянцы, отдавали имъ сію преимущественную справедливосшь; цѣлое столѣтіе свидѣтельствовало ихъ лавры; самое наименованіе *Рымникскаго* напоминало шу рѣку, гдѣ Герой Ишалїйскій былъ спасителемъ Авспрїйской славы, а теперь въ при мѣсяца содѣлался завоевателемъ Ишалїи и всѣхъ ея крѣпостей, которыя достались непріятелю шокмо чрезъ чешыре года, и по при пособїяхъ денежныхъ и обольщенїи черни. Но Авспрїйцы, надупые мечшанїями о древности священной Римской Имперїи, причиняли своимъ спасителямъ - союзникамъ многоразличныя оскорбленїя, даже не рѣдко старались изъ рукъ ихъ испоргать кровїю запечатлѣнные лавры. — Такимъ образомъ престарѣлый и слабосильный Меласъ не успѣдилъ поспѣшить опсправить самовольно въ Вѣну реляцію о Новскомъ сраженїи, приписавъ весь успѣхъ сего дѣла единшвенно себѣ и своему войску. Но подробное, безприспращное описанїе, основанное на испинныхъ событїяхъ, обнаживъ предъ зеркаломъ пошомспва всякую ложь. Во всѣхъ послункахъ Нѣмедкаго сего, Суворовымъ облагодѣтельствованнаго Генерала, видна его неблагодар-

ность и пошворство могущественному Министру, въ рукахъ котораго была его судьба и судьба всей его арміи. Перехвачена была бумага, данная имъ Французскимъ полководцамъ, возвращавшимся въ свои предѣлы, въ копорой между прочимъ предостерегающъ онъ ихъ вспрѣчься съ Рускими, *за грабительство которыхъ не ручается*. Таковыя злыя вліянія Министра чрезъ военачальника отражались и на всю Австрійскую армію, и повсюду въ снабженіи насъ всѣми нужными припасами, аммуниціею, какъ по - наконецъ и мулами, являлись сіи, споль пагубные для насъ слѣды. Не могу я здѣсь умолчать, что были въ копорые Генералы, истинно опечество свое любившіе, презиравшіе рабское иго Гофкригсраца и повиновавшіеся, по собственному своему убѣжденію, мудрому и опытному начальству своего Фельдмаршала, какъ - то : Край, Маркизъ Шаплеръ, Цагъ, Вукасовичъ и пр.; но число ихъ было не велико, и всѣ они за то поспрадали. Что принадлежащъ до Австрійскихъ солдатъ, они Суворова любили и имѣли къ нему довѣренность. Я самъ слышалъ ихъ объ немъ сужденія, въ копорыхъ отдавали ему преимущество предъ своимъ славнымъ Лаудономъ. Фельдмаршалъ, при первомъ смотре сидя на лошади болѣе часа неколебимо, успрямлялъ все свое вниманіе на ихъ шагъ.

„Шагъ ихъ хорошъ! побѣда!!!“ Надобно бытъ Суворовымъ, чтобы по шагу предрекалъ побѣду. Смѣшанные съ Рускими, они оспавляли свою мѣшкашность и неповорошдивосшь, и дѣлались героями. Они сверщили его пророчесство,

Въ Вѣнѣ многочисленному народу, собравшемся шамъ съ радосшными восклицанїями: *вивать Суворовъ!* кричалъ онъ по Нѣмецки: „Германцы храбры; Россїяне; „необбдимы! мы будемъ бишь Французовъ!“ „Ура!“ — —

Сколь съ перваго взгляду ни обширнымъ покажется Государсство сїе; но владѣнїя его шамъ между собою вѣ необходимо нужныхъ соотношенїяхъ разнообразны. что не могли сосшавишь единого шѣла. Многїя управляющя Авспрїєю, не бывъ никогда Авспрїйскими. Еще донынѣ сущесшуетъ между Авспрїйцами и Венгерцами народная ненависть, кошорой и долгоша времени изшребишь не могла. Напрощивъ шого кажешся, будшо бы нарочно спарающя усугубляшь уничиженїе, вѣ какомъ находяшся всѣ войска и начальники народа споль знаменишаго. Забышь шомъ подвигъ, когда непрїатели были уже у врашъ Вѣны; когда Марїя Терезїя, съ младымъ Іосифомъ II на рукахъ, предшала предѣ

собраніе Венгерскаго Рыцарства, и когда сіе сословіе, предавъ шопчасъ забвенію всѣ ужасы дѣда ея, ошъ сѣкиры кошораго пали шполь многія головы Магнатовъ, показало истинное благородство и великость души, подвиглося на спасеніе своей Королевы. Суворовъ чшилъ сіе наслѣдственное благородство, кошорое было подпорою престола и Великаго Пешра во дни ешпрѣлецкихъ бунтовъ. Онъ самъ ощутилъ возвышенное сіе чувствіе при воззваніи его изъ деревни на поле брани. Никогда двѣ націи не показывали шолкаго единодушія въ рашборствѣ, какъ Россійская и Венгерская. Кшо видѣлъ въ Испаліи дѣйствовавшую ихъ конницу, шощъ видѣлъ нѣчто величественное, и могу сказашь нѣчто единственное въ военномъ дѣлѣ. Тамъ былъ шощъ, кошорый умѣлъ направляшь ее къ новой славѣ. Такъ же оплачающся въ войскѣ ихъ Славонцы и Кроаты. Сходство языка ихъ съ Россійскимъ сдѣлало ихъ изъ нашихъ союзниковъ нашими друзьями. Сіи прославили себя подѣ предводительствомъ Лаудона; но и они были между Австрійцами какъ будто бы чужды. Имя Суворова пресѣкло всѣ междуособныя ихъ вражды; все дѣйствовало вкупѣ. Но какое новое преодоленіе шрудносшей для удержанія сего единодушнаго соревнованія! Онъ любилъ награждать, а Гофкригсратъ осшавлялъ многія его предшавленія безъ исполненія. Од-

нажды въ огорченіи своемъ вспомнилъ онъ мысль Велизарія (перевода имъ по гробъ богошворимой Великой Еваперины): „То-
 „по и великое несчастіе Государей, что не
 „могутъ сдѣлать довольнаго возмездія про-
 „лишой за нихъ крови! Я 'прошу храбрымъ
 „кресшиковъ, а Гофкригсрашъ не даетъ.“

Безприсрастіе, главное достоинство
 Испорика, обязываетъ меня опадать спра-
 ведливосшь внушреннему устройенію эконо-
 мическаго въ Австрійскомъ войскѣ управ-
 ленія. Сей механизмъ, издревлѣ заведенный,
 обращаетъ на себя удивленіе; ибо при про-
 должавшейся чрезъ девять лѣтъ неудачной
 войнѣ не примѣрно было испощенія, напро-
 шивъ того продовольствіе продолжалось без-
 оспановочно и войско не претерпѣвало край-
 нихъ нуждъ. Изворопливосшь въ финансахъ
 всегда была свойственна сему правитель-
 ству; а попому, ведя и прежнія войны по
 вѣсу Голландскихъ червонныхъ, или Ан-
 глинскихъ гиней, не рѣдко при заключеніи
 мира была Австрія богашѣе, нежели при
 началѣ войны. Великій Фридерикъ часто
 повпорялъ, что изъ всѣхъ Христіанскихъ
 Державъ Австрія имѣетъ болѣе всѣхъ вну-
 шренней силы. „Около двухъ столѣтій, при-
 „совокупялъ онъ, всѣ спарались испребить
 „ее; а между шѣми могущесшво ея не пре-
 „спавало возвеличивашься посреди опаснѣй-
 „шихъ неудачъ.“

Но въ разсужденіи воинской спрөгоспи, порядка и подчиненности, не можно о семъ войскѣ сдѣлать сколько выгоднаго сужденія. По смерти вѣчно для всѣхъ подданныхъ незабвеннаго и вѣрнѣйшаго Великія Екашеринны союзника, Іосифа II, вступилъ на престолъ его Леопольдъ II. Миротлюбивыя расположенія и обращеніе какъ къ войнѣ, такъ и къ военнымъ людямъ сего Монарха, еще въ свѣжей памяти у всѣхъ. Не взирая на возспавшую гидру Французской пеншархїи, угрожавшую поглотить всю Европу и его Монархїю, разпустилъ онъ болѣе сорока тысячъ храбраго Германскихъ Принцовъ войска, спѣвшагося подъ знамена Іосифа. Военная служба оставалась безъ поощренія, и въ величайшемъ послабленіи дисциплины. По смерти его главное участіе въ Государственныхъ дѣлахъ принималъ еще нѣкоторое время пресварблый Князь Кауницъ; но вскоре заснулъ мѣсто его съ неограниченною довѣренностію и съ верховнымъ управленіемъ какъ военными, такъ и кабинетскими дѣлами Тугушъ. Симъ возвышеніемъ своимъ обязанъ онъ Кауницу, котораго онъ побочный сынъ. Его-то списемъ приписываетъ Австрїя всѣ бѣдствія, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ ее постигнувшія, и всѣ гибельныя ошибки Вѣнскаго Кабинета.

Онъ по испиннѣ пошѣ, копорый по-
сѣялъ въ войскѣ ропотѣ и унылоспѣ; на-
рушилѣ свяпоспѣ шоржеспвенныхѣ шрак-
шашовѣ, предавъ на жершву шѣхѣ владѣ-
шелей, копорые по союзамѣ своимѣ имѣли
право на всякое покровишпельспго Авспрїи;
и въ довершенїе сего придумалѣ шакїя па-
губныя въ финансахѣ сперацїи, чшо кре-
дитѣ частныхѣ людей подвергался неминуе-
мому разрушенїю.

Чеспѣ и слава Россїйскаго оружїя и
предводишпельспвовавшаго онымѣ Героя обя-
зываютѣ меня сняшѣ личину сѣ поступ-
ковѣ сего Миниспра; а дабы предспа-
вишѣ его во всей нагошѣ, долженѣ я не-
премѣнно пройши нѣкопорыя чершы мини-
сперспва его еще до вспушленїя Россїй-
скихѣ войскѣ. Каждый чшпашель шогда
увидишѣ, могли ли споль гласные, неблаго-
намѣренныя поступки вдохнушѣ довшрен-
носпѣ въ Суворова, сохранявшашаго всегда
спрожайшую Хриспїянскую нравспвенноспѣ.

Когда Французская революцїя возникла
и мнѣнїя народныя еще волновались, шогда
многїе города изѣвляели желанїя свои пре-
дашѣся Авспрїйцамѣ, сѣ шѣмѣ шокмо усло-
вїемѣ, чшобы они не признавали ихѣ завое-
ванными. Всѣ сїи предложенїя были отшвер-

гнушы, а Французскіе эмигранты, особливо во время Робеспьера, въ многолюдствѣ на службу прошивъ Франціи явившіеся, были разпущены. Казалось, что Тугушъ велъ войну прошивъ Франціи, а не прошивъ погдашнихъ шеррористовъ. Какая полишка! восклицалъ Суворовъ.

При овладѣніи Австрійцами при Вейсенбургѣ линіями, нашли они въ Лаушербургѣ многочисленныя магазины, наполненныя свѣспными припасами и военною аммуниціею. Войско ихъ во всемъ нуждалось, умирало съ голоду; отъ Тугуша приказано сихъ магазиновъ не касаться — они доспались опять Французамъ.

Городъ Спразбургъ и другіе въ Альзасѣ предложили Вурмсеру опворить ворота и провозгласить Лудовика XVII — опвергнушо. Сорокъ тысячъ Альзасцевъ просили позволенія вооружиться прошивъ Французовъ — также опвергнушо. Вурмсеръ, не предувѣдомивъ Принца Конде, ушелъ изъ Альзаса, а сей, послѣдовавъ за нимъ, спасалъ отъ Французовъ на побѣгъ шого, кошорой жертвовалъ всегда его эмигрантами въ передовыхъ опрядахъ.

Белгія была опять Австріею завоевана. Многія провинціи просили также поз-

вооружить на своемъ индивидуальномъ сорокъ тысячъ. Министръ почелъ лучше лишиться сихъ прекраснѣйшихъ провинцій, нежели согласиться на такое полезное предложеніе:

Онъ велѣлъ опорожнить Валансьевъ, Конде, Кесноа и Ландрей, наполненные на нѣсколько мѣсяцовъ запасными магазинами, безъ единого выстрѣла. Республика соединенныхъ обласпей пала; Пруссія весьма благоразумно рѣшилась на заключеніе мира:

Королю Сардинскому въ началѣ кампаніи 1796 года общано отъ Вѣнскаго Кабинета 23 баталіона и сообразное число конницы — и четвертой части не приславо: Онъ заключилъ съ Французами миръ.

Армія Болье, вмѣсто осьмидесяти тысячъ, состояла токмо изъ двадцати:

Переправа Французовъ черезъ Рейнъ, по удаленіи Принца Кобургскаго, естъ для нихъ позоръ навѣки.

При переговорахъ въ Удинѣ Австрійскій Министръ, вмѣсто того, чтобы предисылавъ законъ, принималъ оный самъ. Онъ ничего не поспановилъ въ пользу принадлежа-

вшихъ Принцамъ на лѣвомъ берегу Рейна-
 владѣній; не вспомнилъ о Венеціанской рес-
 публикѣ, древними союзами съ нею сопря-
 женной; Папскія области отданы на про-
 изволъ Французамъ. Такъ поступилъ онъ
 и со Швейцаріею, и вмѣсто просимыхъ у
 ней Граубиндцами двадцати пяти тысячъ
 вспоможенія, отправилъ къ нимъ, на осно-
 ваніи пражскаго, въ царствованіе Макси-
 миліана Iго заключеннаго, только шесть
 тысячъ. Граубинденъ сдѣлался жертвою
 Французамъ. Какая несообразность! времена
 Максимилиана, и настоящее отношеніе Гра-
 убиндена къ Французамъ!

Не хочу далѣе распространяться въ
 исчисленіи всѣхъ прежнихъ ошибокъ Вви-
 скаго Кабинетнаго Министра, а обращусь,
 хотя съ прискорбнымъ сердцемъ, къ собы-
 тіямъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ самъ.
 Воспоминанія сіи мучительны для того,
 кто долженъ былъ сострадать; но умолчать
 о нихъ я не смѣю. Истинна не всегда бы-
 ваетъ пріятна; но она священна.

Блаженной памяти Государь Импера-
 торъ Павелъ Первый, по великости своего
 характера, не изъ корысти, но для воз-
 становленія гражданскаго общественнаго по-
 рядка, послалъ вождемъ своимъ Суворова.
 Сему, всегда вѣрному подданному и истин-

ному сыну Опечества, сія воля Государя была священна; она согласна была и съ чувствіями Россіянина; ей единой внимая, предшесвуешъ онъ войскамъ къ побѣдѣ. Но, для достиженія оной, нужны соопшвщспвенныя предмешу таковой въ бышописаніяхъ новой и единспвенной войны соображенія. Мы увидимъ, какъ на семъ поприщѣ дѣйспвовалъ нашъ Герой и перомъ и саблею.

Какое величественное зданіе представляешъ взгляду наблюдателя Французская Монархія ! Оно созиждено великимъ Генрихомъ IV, умѣвшимъ быть великимъ чрезъ избраніе себѣ въ сподвижники Сюллія. Оба они положили основаніе для попомспва. Но такъ какъ въ свѣтѣ все подлежащъ измѣненіямъ и превращеніямъ, такъ и сія Монархія испышала многія перемѣны и пошрясенія. Французскіе Короли царспвовали самовласно. Лудовикъ XIII, или лучше сказать Кардиналъ Ришелье, властвовалъ спрахомъ; Лудовикъ XIV достоинспвомъ; Лудовикъ XV, послѣ блистательнаго царспвованія по 1748 годѣ, палъ въ презрѣніе. Съ шого времени двѣ опоры Французской Монархіи, спрахъ и достоинспво, ускользнули изъ рукъ Минспровъ. Нужно, чтобы во Франціи Король царспвовалъ самъ, или, давалъ царспвовать вмѣсто себя другому; Лудовикъ XV не умѣлъ сдѣлать ни шого, ни другаго.

Монархъ не имѣлъ достоинства, Министръ не вдыхалъ страха, и правительство уничижалось.

Другая пружина, поддерживающая или разрушающая правительство, есть состояніе государственныхъ финансовъ. Великія войны Людовика XIV и Людовика XV, а паче великія злоупотребленія, начали испровергать сіе основаніе силы Королей и спокойствіе народовъ. Уже нѣсколько вѣковъ назадъ сказалъ Плутархъ: „Нѣтъ большаго въ Государствѣ неуспроисва, какъ еслии доходы его содѣлывающія добычею лицепріятія, вмѣсто того, чтобы быть наградою заслугъ.“ Въ семъ отношеніи злоупотребленія во Франціи превзошли всякую мѣру. Министерствво финансовъ учинилось игрою банка; каждый Генералъ - Контролеръ приносилъ свою ставку; по есть проекты, какъ высасывать кровь народа. Министры были въ бездѣйствіи, Парламенты въ безмолвіи, игралищемъ и посмѣшищемъ придворныхъ. Дворянство не соспавляло корпуса; духовенство воздвигло особенную республику. Франція представляла обширное общество, величавшее ни націи, ни опечесства. Около двдцати лѣтъ предвѣщали общественный банкротствъ. Людовикъ XV въ безопасности своей накоплялъ долги на долги. Та-

дой, грозными злоупотребленіями обуреваемый престолъ принялъ наследникъ его Лудовикъ XVI. Слишкомъ новы всѣ произшествія его царствованія, чтобы заняться оными. Давно ли мы видѣли кровавыя пэзорища, воспоминанія которыхъ приводятъ въ содроганіе человечество !

Цѣль сего моего изображенія есть та, дабы доказать, что если Гугушъ основывалъ на шаковомъ обзорѣннѣ политическую свою систему, то она не могла быть не ошибочною. Напротивъ того предположенія Князя Шпалійскаго были гораздо дальновиднѣе.

Онъ видѣлъ, что престолъ на столбъ зыблемыхъ опорахъ долго успѣвать не могъ. Ужаснѣйшая въ лѣтописяхъ міра революція, возванная, можно сказать, самимъ Государемъ и соперничающею собѣдственною Державою, чаявшею изъ сего смиренія извлечь себѣ выгоды, опрокинула сей престолъ, чрезъ нѣсколько столбѣннѣй нерушимо наследственный. Тотчасъ возмечтали всѣ Европейскія Державы, что время въ пониженію Гальскаго колосса настало; забыты примѣры всѣхъ вѣновъ, что посредъ сильныхъ потрясеній Государствъ рождаются отъ всеобщаго народнаго негодованія элеиприческое единодушіе, которое при ма-

дѣйствіемъ прикосновеніи распросстраняется съ пламенною быспрошою. Сія историческая истинна была ручашельствомъ за спасеніе Франціи. Едва явились знамена союзныхъ Государей на предѣлахъ ея, какъ всѣ внутреннія междоусобія, раздиравшія ея нѣдра, пресѣклись, духъ двадцати шести милліоновъ народа сшлся во едино, и всѣ опечесшвенныя поля покрылись престарѣлыми и юными рашниками. Пресполь и Монархія пали; но нація сущесшвовала и развивалась лишь во всей своей силѣ въ новомъ могущесствѣ, съ безчисленными, вдругъ открывшимися, дошолѣ неизвѣсшными пособіями. Такой-то многочисленный, буйный народъ хощѣлъ Тугушѣ укропшичь своими Авспрійскими опрядами. Нѣшѣ! мудрая Екашерина взвѣсила въ Кабинетѣ своемъ сіе народное умвссшпаленіе на вѣсахъ, кошорыя чрезъ приццашѣ чешыре года знаменишѣйшаго царсшвованія держала непоколебимо швердая Ея десница. Она угошшвляла новый памятникъ своему безсмертію дарованіемъ всей Европѣ спокойсшвія. Сто пысячь никогда непобѣжденнаго войска подѣ начальсшвомъ непобѣдимаго Суворова должесшвовали вшпунитъ въ Германію, воскреситъ ея конспишущію, соводунитъ подѣ ея знамена всѣ частии распорженнаго сѣго шѣла, и двигнушѣся съ сими исполнскими силами чересѣ предѣлы Франціи въ Парижѣ.

Но предвѣчному, нелоспижимому Промыслу угодно было смертію Великой превратить сіе для челоувѣчества толико благопворное предпріятіе въ одну изумительную мечту. Сія мечта воспламеняла всегда духъ Суворова, богошворившаго до послѣдняго издыханія своей жизни великую свою Монархиню, истинную Мать Отечества. Она сошворила его Героемъ; Ея памяти плашялъ онъ всегда чиспвѣйшими слезами дань благоговѣйной признательности.

Французское войско издревлѣ славилось своими подвигами храбрости. Прейдемъ древній блескъ Галловъ, перомъ Тацита описанный, и остановимся при эпохѣ воинской славы сего народа въ вѣкѣ Людовика XIV. Непрерывныя войны порождали Героевъ. Тогда возникли Тюрены и Конде; великими дѣянїями своими ознаменовали они военную науку, дали ей новое благородное достоиніе и содѣлали ее удѣломъ Дворянства. Все раздувало въ сердцахъ Франціи сіе пламя войны; и кому не извѣстно послѣдовавшее за симъ могущественное политическое ея влїянїе, ошѣ кошораго пошрясались не рѣдко равновѣсіе всей Европы? Но когда во времена Людовика XV ухищренія придворныхъ и владычество царедворки Помпадуръ положили преграду возвышенію истинныхъ достоинствъ, тогда было сіе

разсвоенное, въ нѣгѣ и сласполюбїи упо-
 павшее войско при Цорндорфѣ ничто иное,
 какъ Ганнибалово въ Капуѣ. Не смотря на
 то, внутренняя доблесць всегда существо-
 вала, и она явилась опять при магичес-
 комъ перерожденїи, революціею произведе-
 номъ, во всемъ своемъ величїи. Когда Суво-
 ровъ приближался къ предѣламъ Италїи,
 тогда девять уже лѣтъ, какъ сіе вой-
 ско пресыщалось побѣдами, новая воин-
 ская система его, воспрїявшая начало свое въ
 самой бурѣ революціи, усовершенствовалась
 многочисленными на рапномъ поприщѣ не-
 прерывавшимися опытами, которые одни
 давали каждому воину, опьянными идеями
 воспаленному, право на повышенїе. Учреж-
 денїе Директорїи обѣщало Государству проч-
 нѣйшее существованїе сосредоточиванїемъ
 единства власти. — Сверхъ сихъ преиму-
 ществъ имѣла многолюдная Франціи еще
 гораздо побѣдоноснѣйшее въ рукахъ своихъ
 оружіе, а именно обѣщанїе вольности, по-
 рабощавшей пошчасъ умъ и сердце народа.
 Таковыя болѣзненные мечпанїя исцѣляюща
 шокмо временемъ. Оно уже приближалось.
 Легковѣрный Италїанецъ узрѣлъ свое не-
 вѣжество, вкусилъ всю горечь плодовъ дре-
 ва вольности, и позналъ, копя и поздно
 и ко вреду своему, что даруемая побѣди-
 телемъ побѣжденному вольность есть лю-
 шѣйшее изъ рабство. Тщенио сидились по-

борники вольности уподоблять Суворова, съ Сѣвера пришедшаго, Александру Македонскому, влачившему со знаменами своими оковы невольничества. Теперь должно было дѣйствовать. Въ полицикѣ бываетъ одно мгновѣнїе; оно невозвратно, когда скоро упущено. Сколько много шапихъ мицутѣ просыпалѣ Тугутѣ ! Но Суворовѣ не дремалѣ.

Онѣ основывалѣ поведенїе свое на шаховыхъ полицейскихъ соображенїяхъ и на свящности заключеннаго между Россійскою Имперїею, Англіею и Австріею союзнаго шрактапа, въ которомѣ пошановлено имянно цѣлю сей войны возстановленїе прежнихъ пресполовѣ и возвращенїе каждому владѣльцу ему принадлежавшаго. Слава прежнихъ великихъ подвиговѣ предшествовала ему, щасливые успѣхи оружія его и паче подтверждали оную; съ радостнымъ плескомъ встрѣчали народы Испалійскіе Побѣдителя, пришедшаго на спасенїе ихъ съ столь великодушными намѣренїями. Храмы опверзлись, съ чувствїемъ религіи воспламенились опять сердца благоговѣною любовїю къ изгнаннымъ Государямъ. Для поддержанїи сего, щолико полезнаго оборота народнаго мнѣнїя, издавались прокламаціи, въ которыхъ всею силою краснорѣчїя изображались гибельныя послѣдствїя Французскаго безначалїя, поправшаго всю свящность Вѣры и самодержавїя, и обѣ-

щаемо было возстановленіе оныхъ. Суворовъ, руководствуясь предписаніями Двора своего, общалъ Піемонтцамъ возвратишь Короля, жопораго жадничали они видѣшь съ дѣшскимъ неперпѣнїемъ; онъ донесъ ему о завоеванїи всего Его Королевства и пригласилъ его прїѣхать въ Туринъ; ввѣздъ въ столицу добродѣтельнаго и кропкаго Карла Емануила оживотворилъ бы всѣ сердца благомыслящихъ его подданныхъ. Графу Севп-Андре, почпенному первому Чиновнику Королевства, имѣвшему полную довѣренность своего Государя и народа, поручено было все внупреннее управленїе дѣлъ гражданскихъ и военныхъ; всѣ Королевскія судилища были опкрышы, ко всѣмъ присудспвеннымъ мѣспамъ повѣщаны Королевскіе гербы, до восмидесяти пысячь Піемонтскаго войска извѣвили желанїе свое служишь подѣ Россійскими знаменами; самъ Король просилъ у Россійскаго Императора позволенїя бышь подѣ начальспвомъ Сѣвернаго Героя.

Таковые блиспашельные и быспрые успѣхи побѣдоноснаго оружія нашего случались въ шу ужаснѣйшую для Франціи эпоху, когда раздоръ между обоими Совѣтами и Директорїею достигнулъ вышней степени и посѣвалъ повсюду сѣмена гибели; въ городахъ испребился всякій общеспвенный духъ; войска были въ разспройспвѣ;

лавры ихъ увяли; въ судилищахъ вѣсы правосудія преклонялись къ сторонѣ пресупленія; а посреди членовъ Директоріи царствовали недовѣрчивость, подозрѣніе, ненависть и зависть; всѣ источники государственнаго благосостоянія иссохли, торговля уничтожилась и всякая надежда къ будущему улучшенію казалась тщетною. Удрученные споль многими бѣдствіями, Французы готовились уже отворить ворота; и симъ-же политическимъ разрушеніемъ хотѣлъ нашъ чрезвычайный Мужъ воспользоваться, со многочисленнымъ своимъ войскомъ войти въ Парижъ, и низложивъ гиду ширанской Пенсархіи, предписать законъ, который онъ всегда предписывалъ славѣ и даже враждующей Природѣ, и симъ положишь вѣнецъ исполненіемъ своимъ подвигамъ. Вся Европа ждетъ, но перо мое оспанавливаешь; хотѣлъ бы я покрышь завѣсою всю черноту ужасающей злобы. Тугушь удерживаешь сей полетъ Генія — и Суворовъ еще живъ. Токмо великій человекъ, живущій для Отечества, для потомства, можетъ пережить такой ударъ.

Главнокомандующій получаетъ отъ Вѣнскаго Двора спрожайшій выговоръ за присвоеніе себѣ непринадлежащей власти; ему предписывается впредь навсегда удерживаться отъ внушеннаго политическаго образованія

Піемонтскаго Государства; Королю Сардинскому возбраняется вѣздѣ въ свои владѣнія; Графъ Сентъ - Андре не признается въ данномъ ему качествѣ Сардинскаго Генерала-Лейтенанта и во всѣхъ преимуществахъ съ симъ сопряженныхъ; Австрійскіе Министры съ Коммисарами являющся, и съ оскорбительною надмѣнностію усуровають новыи порядокъ дѣлъ именемъ Императора Римскаго. Такія неожиданныя мѣры поражаютъ всѣхъ жителей громовымъ ударомъ. Вся Италія увидѣла новыя свои цѣпи; всѣ порывы охладѣли; все Піемонтское войско, узнавъ объ ограниченіи власти своего Генералиссимуса, разбѣжалось, и великія чаянія великаго человека испроверглись мгновенно. Италія, по народной, вѣками вкоренившейся къ Австрійскому правительству ненависти, начала даже желать лучше Якобинскаго.

Тщешно Министры Дворовъ Императорскаго Россійскаго и Англинскаго напоминали Австрійскому свяпосль поржеспвеннаго, предъ лицомъ всей Европы заключеннаго шракшапа; сей послѣдній оправдывалъ поведеніе свое шѣмъ предлогомъ, что Піемонтъ долженъ непремѣнно существовать подъ покровительствомъ могущеспвенной Австрійской Державы.

Обнаживъ споль явно и незапно коры-
сполюбивые виды и духъ обладанія, копо-
раго и малѣйшая пѣнь могла бы уже поко-
лебанъ всѣ памошнїе умы, Тугушъ обра-
шилъ все мщенїе свое на лице того,
копорому обязана вся Авспрїя своимъ
спасенїемъ, и безъ котораго сполнца Вѣ-
на давно опверзла бы врагу свои врапа.
Но чѣмъ же опражалъ великїй нашъ Мужъ
сїи дипломатическїя спрѣлы, на него ус-
спремленные? Своими побѣдами, своею ори-
гинальностїю, своими законическими шуш-
жами, и оставался непроницаемъ. И могъ ли
его проникнуть Тугушъ? Тогда бы и онъ былъ
великъ. Мщенїе его угошвляло шокмо на
Маренгскомъ пелѣ гробѣ Авспрїйской славы.

Фельдмаршалу давались повелѣнїя, чшс-
бы онъ дальнѣйшихъ всенныхъ дѣйствїй
не предпринималъ. Хотѣли положишь пре-
дѣлъ непобѣдимому Герою, — онъ даль
сраженїе при Нови. Опъ Гофкригсрата
предписывалось Меласу и всѣмъ начальни-
камъ Авспрїйскихъ корпусовъ неповинове-
нїе къ главному Начальнику; шакимъ обра-
зомъ Генераль Кленау съ корпусомъ своимъ
безъ вѣдома его ушелъ въ Романїю, Линкенъ
въ кантонъ Гларисъ въ ночь самовольно уда-
лился и оставилъ насъ въ ущелинахъ горъ на
жерживу непрїяшелю. Всѣ чиновники, спо-
собные и преданные Князю Иналїйскому;

были отъ него опозваны. Письмо, присланное Французскимъ Якобинскимъ Генераломъ Авспрійскому Фрелиху, въ которомъ сей опазывается отъ переговоровъ съ *Россійскими варварами*, вмѣсто того, чтобы возвращать, было принято и напечатано въ публичныхъ вѣдомостяхъ Вѣнскихъ; тамъ тотъ же Генералъ причинилъ явное оскорбленіе Россійскому Императорскому флагу, приказавъ сорвать его съ захваченнаго Французскимъ корсеромъ Россійскаго корабля, въ городъ приведеннаго; въ удовольствованіе, Россією и Англією претованное, былъ сей нарушителъ священныхъ народныхъ правъ шокмо на время опспавленъ, а потомъ опять принятъ въ службу.

Чтобы ограничить успѣхи Суворова, Гофкригсратъ спрожайше предписалъ Эрцгерцогу Карлу ничего далѣе не предпринимать. Ему вмѣнилось даже въ вину овладѣніе Цюрихомъ; прокламаціи его, увѣряющія Швейцарь въ ихъ независимости; опспались безъ утвержденія. Бѣдная Швейцарія, обманувшаяся въ надеждѣ своей на Авспрійское покровительство, дошла до спчаянія, и потомки славнаго Вильгельма Телля учились рабами Французской республики. Его примѣру бездѣйствія слѣдовалъ и Адмиралъ Нельсонъ, долженствовавшій по предназначенію беспокоить Генуэзскіе берега.

Онъ съ Королевскою Неаполишанскою Фамиліею и съ любовницею своею Лади Беллингтонъ проживалъ въ праздности, и Герой нашъ принужденнымъ нашелся написать ему: *Палермо не островъ Цилера*. Если бы Эрцгерцогъ завоевалъ Швейцарію, а сей Адмиралъ Генуу : какой бы пушь открылся во Францію! — Но Австрія сего не желала, какъ по доказывають поступки Тугуша ; Англія же слѣдовала своей, со временъ Вилгельма III по днесь непремѣняющейся полишической системою, копорой скорое и рѣшительное окончаніе военныхъ дѣйствій миромъ, было бы прошивно. Основаніемъ полишикии ея было всегда то, чшобы возжигать непрестанно на пвердой землѣ пламя войны, и единовластію своему на Океанѣ порабощать Державы всего міра.

Такие въ существѣ своемъ споль различные, а по погодашнимъ обстоятельствомъ споль сходные интересы, заставили оба Кабинета удалить Россійскаго Героя съ побѣдоноснымъ его войскомъ на Альпійскія горы. Всѣ ухищренія Махіавелизма были испощены, чшобы дать походу сему всю возможную благовидность, чшо показушь погодашніе по сему предмету переговоры. Повелѣніе, иди въ Швейцарію, получено ; должно было повиновашься.

Оно потрясло всю чувствительность великаго человека. „Иду!“ воскликнул военный Оракулъ; , но горе Ипаліи! горе Авспрїи! — походъ безплодный — я билъ „Французовъ, но не добилъ. Уже ли дипломатическій арсеналъ еще не пустъ?“ Нѣтъ — онъ еще не опустѣлъ! Ты слишкомъ великъ; вѣдь вина швоя, человекъ единственный!

На Альпахъ побѣдилъ онъ и враговъ и Природу. Наконецъ Слава, какъ бы опасаясь, чшобы не испощить всѣхъ даровъ своихъ на Героя всѣхъ вѣковъ, оспанавливается, и смерть спѣшитъ сокрыть его — во гробъ!

Фуксъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Смерть Иллолипа.

(Отрывокъ изъ новаго перевода Расиновой Февры.)

Тераменъ.

Трезенскія враша уже пробѣжалъ съ нами
 На колесницѣ онъ. Или войны за нимъ,
 Являя пляжку скорбь молчаніемъ своимъ.
 Въ задумчивости, пушь въ Мицену свой на-
 правилъ;

Возжами слабыми коней своихъ онъ правилъ ;
 И гордые кони , которые ему
 Повиновались доселѣ одному ,
 Огня и ярости своей въ шонѣ часѣ лишенны ,
 Казались грустною , съ нимъ равной , пораженны .
 Вдругъ гласъ , ужасный гласъ средѣ моря возо-
 пилъ ,

Природы тишину , какъ буря , возмущилъ .
 И горы , и лѣса внезапно заспѣвали ,
 И гласу спрашному всѣ воплемъ ошвѣчали .
 Кровь въ жилахъ засшужалъ у насъ невольный
 спрахъ ,

И дыбомъ поднялась вдругъ грива на коняхъ .
 Средѣ моря между шѣмъ гора изъ водъ въздыма-
 лась ;

Къ брегамъ кипящая и съ шумомъ приближа-
 лась ,

Съ густою пѣною неслася по волнамъ ,
 Разверзлася — на берегу явился звѣрь глазамъ :
 Широкое чело , крупы рога имѣло ,
 И желтой чешуей его покрыто шѣло ;
 Главой , какъ дикій волъ , чудовище , драконъ ,
 Подобно змию ползъ и извивался онъ ;
 Ужаснымъ ревомъ долъ и горы устрашаетъ ,
 И небо на него , гнушаяся , взираетъ .
 Колеблется земля , наполнилъ воздухъ смрадъ ,
 И съ нимъ волна приплывъ , спрашась , печетъ
 назадъ —

Всѣ въ ближній храмъ бѣгутъ , и храбрость без-
 полезна

Прошивъ споль явнаго каранія небесна .
 Единый Ипполитъ , швой сынъ , какъ шы , Герой ,
 Коней сдержавъ , съ копьемъ гошовишся съ нимъ
 въ бой .

Приблизися къ нему , могучею рукою
 Чудовище разишъ , и кровь печетъ рѣкою .

Но болѣ раздраженѣ звѣрь раною своею,
 Крушатся, мечется, падешѣ къ ногамѣ коней,
 Ревешѣ и пламенну гортанѣ имѣ разбѣваетѣ,
 Ихѣ кровію, огнемѣ и дымомѣ покрываетѣ.
 Отѣ ужаса спремглавѣ бросающа кони,
 Ни гласа, ни возжей не слушающѣ они.
 У Ипполита всѣ ужь силы изпощились;
 Кривавой удаля ихѣ пѣной обагрились.
 Иные говорашѣ, богѣ нѣкій умножалѣ
 Ихѣ ярость, бѣшенство и къ бѣгу поощрялѣ.
 По камнямѣ, пропаснямѣ свирѣпость ихѣ спре-
 милась;

Они летяшѣ, какѣ вихрь. Ось, преснувѣ, пре-
 ломилась.

Ударѣ сей сокрушилѣ вдругѣ колесницу вѣ прахѣ;
 Вѣ паденьи Ипполитѣ запутался вѣ возжяхѣ.
 Проси мнѣ скорбѣ мою! по зрѣлице ужасно
 Причиной будетѣ мнѣ лишь слезы ежечасно.
 При мнѣ, о Государь! при мнѣ, влекомѣ сынѣ
 швой

Коньми, кошорыхѣ онѣ пилалѣ своей рукой,
 Желаетѣ ихѣ сдержатѣ, но гласомѣ устращенны
 Бѣгущѣ! и Ипполитѣ влечетѣ избывленный.
 Нашѣ вопль и шажкій стонѣ лишь напо-
 няетѣ брегѣ;

Но наконецѣ кони свой укрощающѣ бѣгѣ,
 Близѣ древнихѣ шѣхѣ гробницѣ, смиряся, спа-
 новяшся,

Гдѣ пращѣдовѣ его, Царей, шѣла храняшся.
 Бѣгу шуда вѣ слезахѣ и воины со мной;
 Находимѣ слѣдѣ его по крови мы одной;
 Покрышы камни ей и пернья орошенны,
 На вѣшвяхѣ несущѣ власы окровавленны.
 Я подошелѣ — глаза онѣ томные опкрылѣ,
 И руку мнѣ подавѣ, ихѣ снова зашворилѣ.
 „Я казнѣ, онѣ мнѣ сказалѣ, безвинно принимаю,
 „Но Арисію я щѣбѣ, мой другѣ, вручаю;

„Невинность же мою узнаешь коль Тезей,
 „И будешь сожалеть об участи моей:
 „Скажи, что шбнь моя спеняща усладишь,
 „Коль Аргисия имь отъ пльна свободишь,
 „Когда опдашь“: . . . при семь окончилъ жизнь
 Герой.
 Лишь безобразный прупъ остался предо мной.
 О горестный предметъ! что гявъ боговъ яв-
 ляешь,
 И самь опецъ его увидя, не узнаешь.

А. П.

Гомеровъ Гильнъ Діанъ (*).

Злапоколчанную Діану воспою,
 Спрѣлолюбивую губишельницу ланей,
 Звонкоголосую, божественную дѣву
 И златомечнаго Аполлона сестру.
 Она въ шбни лѣсовъ и на холмахъ въпристѣхъ
 Преслѣдуешь звѣрей; златый натягни лукъ,
 Крылашу мещешь смерть. Трелещущъ главы
 горъ,
 И гулы по лѣсамъ далеко опдаются
 Отъ воющихъ звѣрей; спрашишь вкругъ земля
 И многорыбный поншь. Но съ сердцемъ не-
 спрашимымъ
 Богиня шесѣвуешь, родъ скачущихъ спрѣляя;
 Увеселеннаяжъ спрѣлянемъ звѣрей,
 Спустия свой гибкій лукъ; вступашь въ домъ
 великій,
 Гдѣ обипашь Фивъ, ея небесный братъ,

(*) Близкій переводъ съ подлинника.

Въ златомъ обилии Дельфійскихъ древнихъ
стѣнъ,
И тамъ Харитъ и Музъ устанавляетъ хоры;
Тамъ, свой повѣсивъ шулъ и опущенный лукъ,
Прелестно облачивъ божественное тѣло,
Она становится вождемъ небесныхъ хоровъ;
Онижъ, ошъ устъ своихъ амврозію лія,
Сереброногую Лапону воспѣвающъ,
Съ Зевесомъ родшую дѣлами славныхъ чадъ,
Опличныхъ межъ боговъ премудростію ихъ. —
Ликуй безсмертный родъ Лапона лѣповласой!
Хвалебну пѣснь шебѣ всегда я воспою.

Гнѣдичъ.

Стихи на смерть Даниловой.

Амуры, Зефиры, ушѣхъ и смѣховъ боги,
И вы, пекущія Киприды по слѣдамъ,
О Нимфы легконоги,
Разсѣяны въ поляхъ, по рощамъ и холмамъ,
И съ распущенными Харити поясами,
Спекайтесь сюда плачевными толпами!
Царицы вашей нѣтъ! . . .
Вопъ ваше щастіе, веселіе и свѣтъ,
Смотрите — вопъ она безгласна, бездыханна
Лежитъ недвижима, хладна
И непробудная ошъ роковаго сна!

*

Данилова! уже ли смерть нещадна
Коснулась швоего цвѣтущаго чела?
Уже ль и шы прешла? . . .
Нѣтъ, не прешла она, не опнята богами
Ошъ непризнашельныхъ, безчувспенныхъ лю-
дей.
Такъ, боги, возжелавъ ихъ мощъ явить на ней,

Ущедрили ея небесными дарами :
 Вдохнули въ видѣ ея , во всѣ ея черты
 Пріятность Граціи, сильнѣйшу красоты ;
 Вліяли въ душу огонь , котораго бы сила
 Краснѣе всѣхъ рѣчей безмолвно говорила ;
 Чшобъ въ дарѣ семъ она единственной была ,
 И смертныхъ бы очамъ изобразить могла
 Искусство дивное, какимъ дѣвѣ чистыхъ хоры
 На звѣздныхъ небесахъ боговъ плѣняющъ взоры.
 Но помраченному ль невѣжествомъ уму
 Плѣняться прелестью небесныхъ дарованій ?
 Нѣтъ , счастье сіе лишь суждено тому ,
 Кто самъ дары пріялъ и свѣтъ обрѣлъ познаній ;
 А ты , Данилова , въ часъ жизни роковой
 Печальну истинну , что болѣ между нами
 Богатыхъ завистию , убогихъ же дарами ,
 Печальнымъ опытомъ познала надъ собой.
 Едва на поприще со славой ты спустила ,
 И упря дней твоихъ , какъ ядомъ , отправила
     Завистная вражда !
 Отъ нашихъ взоровъ ты сокрылась какъ звѣзда,
 Котора въ ясну ночь по небу пролетая ,
 И взоры пупниковъ сіяньемъ изумляя ,
     Во мракъ исчезаетъ вдругъ ,
 И въ думу скорбную ихъ погружаетъ духъ.
 Кто вспомнитъ о тебѣ безъ слезнаго жалѣнья ?
     Богъ скупъ въ такихъ дарахъ
 И шлепъ ихъ изрѣдка людей для украшенья.
     Но что теперь въ слезахъ ? . . .
 Она ужь тамъ , гдѣ нѣтъ ни слезъ , ни сокру-
     шеній ,
 Ни злобы умысловъ , ни зависти гоненій ;
 Она въ хорѣ чистыхъ дѣвѣ къ Олимпу пре-
     неслась
 И въ вѣчну цѣпь любви съ Харитами спелась.

Гнѣдичъ.

Эпиграмма.

На нужны надписи для камня моего;
Цицише проща здѣсь: *Она была, и нѣтъ ея!*
К. Б.

Въ день рожденія N.

Сны, которая была
Утѣхъ и радостей душою,
Какъ роза нѣжная цвѣла
Умомъ и рѣдкой красою!
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Безъ пѣсней, безъ похвалъ встрѣчаешь день
рожденья —
Прими ошъ дружества сердечны утѣщенья
Прими, и сердце успокой.
Что потеряла ны? — Лестцовъ шумливый рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравовъ,
Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ;
Одинъ былъ нѣжный другъ . . . и онъ еще съ
шбой.
К. Б.

Эпиграмма.

I.

Теперь, съ сего же дня,
Прощай мой экипажъ и рыжихъ четверня;
Лизеша, ужины — я съ вами разпрощался,
Для мудрости свяшой. —
„Что сдѣлалось съ шбой?“ —
Бездѣла . . . проигрался,

II.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пишетъ, чтобы писать — и пишетъ, чтобы
написаться.

III.

Извѣстный откупщикъ Федѣ
Построилъ Богу храмъ . . . и совѣсть успокоилъ.
И впрямь! на все цѣны удвоилъ;
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сошки взялъ рублей
Съ людей,

К. В.

Молодой Эликуръ.

Повеселимся, другъ мой милый!
Пусть радость будешь намъ подругой цѣлый
день!

Онъ нашъ . . . но онъ мелькнешъ какъ шбнь.
А завтра! какъ узнашь? Бышь можетъ ночь
могилы.

Запмитъ зарю щасливыхъ дней.
Но что бы ни было, мы смерти не страшимся,
Съ улыбкой на устахъ въ свѣтъ новый пре-
селимся,

И шамъ, въ раю шбней,
Съ побюю вѣчною любовью насладимся
И спанемъ поджидать къ себѣ своихъ друзей!

Дошолъ прочь отъ насъ печали
И зависть мрачная съ блѣднѣющимъ лицомъ!
Чтобъ гордосшь, суеша дороги къ намъ не
знали,

И для заботъ всегда нашъ былъ зашворенъ
домъ!

Навѣки прочь отъ насъ и славы призракъ льстивый!
 Нѣтъ, лучше пусть шекутъ, безпечношью
 щаспльивы
 дни наши, какъ ручья скользятъ спруи лѣнны
 По нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ,
 Пошомъ невидимо шераяся въ пескахъ.

. . . В. . . .

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

О лирическомъ стихотворствѣ.

Лирическое стихотворство получило названіе свое отъ *лиры*; ибо древніе Греки пѣли стихи, играя на семъ мусикійскомъ орудіи. Иногда пѣсни ихъ сопровождаемы были звуками флейшы. И пакъ главное отличіе сего рода стиховъ состояло въ томъ, что они предназначались для пѣнія. Въ прочемъ спашься могло, что въ древнѣйшія времена и самая Епопея сопровождается музыкою. Имѣемъ основательныя причины думать по же и о Трагедіи. Какъ бы по не

было, собственно пѣніе принадлежало одному только лирическому стихотворству; ибо эпическіе и прагматическіе стихи произносились на-подобіе нынѣшняго *речитатива*.

Чтобы яснѣе представить себѣ свойство стиховъ лирическихъ, надобно обратиться въ началу пѣнія. Оно происходитъ отъ полнощы сердца, и изливается перемѣнными, размѣренными шонами, соотвѣтствующими расположенію души нашей. Никто равнодушно не рассказываетъ происшествія, никто не предлагаетъ наставленій на распѣвъ; человекъ поетъ только тогда, когда спрашиваетъ управляетъ его сердцемъ. Лирическіе стихи суть изліяніе чувствительности: въ то время спрашиваетъ господствуетъ, а разумъ только помогаетъ ей дѣйствовать.

И такъ лирическіе стихи всегда бываютъ плодомъ или веселаго, или нѣжнаго, или набожнаго, или гнѣвнаго расположенія духа. Но сіе расположеніе, сіе чувство наполняющее душу изливается не слегка и не холодными выраженіями; нѣтъ, оно съ усиленіемъ стремится наружу, и въ томъ находить для себя величайшее удовольствіе. Для того - то оно изливается распѣвомъ, чтобы пѣмъ сильнѣе и пѣмъ въ большей полнощѣ наслаждаться пріятностію. Такимъ

образомъ веселый человекъ поетъ, чтобы увеличить мѣру ощущаемаго удовольствія, а печальный выражаетъ жалобы свои пѣніемъ, потому что находитъ удовольствіе въ своей грусти. Въ иныхъ случаяхъ шѣ же самыя чувства могутъ обнаруживаться другимъ способомъ и съ пѣніемъ неимѣя никакой связи. Тамъ, на примѣръ, стихотворецъ въ сафирѣ или въ шушливой поемъ выражаетъ гнѣвное чувство свое или расположеніе къ насмѣшливости, не для того чтобы себѣ доставить забаву, но чтобы наказанъ или исправить другаго. Лирическое стихотвореніе имѣетъ много сходства съ преисполненнымъ чувствительности монологомъ или саморазглагольствіемъ, даже и тамъ, гдѣ рѣчь къ другому обращается. Потому что въ лирической поемъ нѣтъ порядка; предложенія въ ней разбросаны спраннымъ образомъ и какъ бы по прихоти; объявляемый воспоргомъ стихотворецъ невыбираетъ предметовъ, но жвашается за шѣ, которые къ нему ближе и какіе на глаза попадаются. Гдѣ другой стихотворецъ говоритъ по довольномъ размысленіи; тамъ лирикъ вѣщаетъ ошъ избытка чувствительности. *Гривина* коронными словами прекрасно опредѣляетъ свойство лирическихъ стихотвореній. Онъ сущъ, по словамъ *Гривины*, из браженія особенныхъ спрасней, склонностей, добродѣтелей, пороковъ, нра-

ровѣ и дѣйствиѣ; онѣ суть зеркала, въ которыхъ разными способами отражается человѣческая натура. И дѣйствительно, черезъ нихъ можно узнать сокровѣннѣйшіе сгибы души человѣческой.

Мы предложили самое необходимое о внутреннемъ качествѣ сего рода сочиненій. Прибавимъ къ тому, что лирической поэмѣ долженъ выражать сильную чувствительность, и что каждое понятіе должно быть возвышаемо или симъ тономъ, или чрезъ посредство другой какой-либо силы эстетической, для того чтобы въ цѣлой поэмѣ чувство нигдѣ неугасало. Ничего нѣтъ скучнѣе оды, въ которой мысли, въ прочемъ хорошія, предложены обыкновеннымъ тономъ. Именно спрашивается поэмѣ есть существенная принадлежность лирическаго стихотворства; для доказательства упомянемъ, что прекраснѣйшая ода, переведенная отъ слова до слова и безъ наблюденія тона, совершенно перестъ свое достоинство.

По внутреннимъ качествамъ лирическихъ стихотвореній образовалась и внѣшняя ихъ форма. Известно, что сильное чувство скоро проходитъ, потому - что лирическая поэма никогда не бываетъ продолжительна. Однакожь и краткость эпиграмъ

мы ей неприлична ; или для того, что человекъ любилъ долго удерживать при себѣ то ощущеніе, которое ему нравилась, или для того, чтобы со многихъ сторонъ обозрѣвъ предметъ свой, или чтобы разсмотрѣвъ его подробнѣе, или потому что разгоряченная душа нѣсколько времени занимается своимъ чувствомъ и потомъ уже предается покою.

Спихопворенія лирическія естественна должны быть пріятнѣе и благозвучнѣе всякаго другаго сочиненія ; онѣ должны быть раздѣлены на часты или спрофы, не слишкомъ длинныя, чтобы вмѣщались въ ухъ, и не слишкомъ короткія, чтобы ненаскучить частымъ повтореніемъ. Таковы лирическія спихопворенія древнихъ, кромѣ Греческаго гимна, которой соспоалъ изъ гекзаметровъ и нераздѣлялся на спрофы. Но въ гимнѣ изображается чувство спокойнѣйшее, соединенное съ нѣкопорымъ родомъ безмолвнаго удивленія ; а для сего рода гекзаметръ болѣе приличенъ.

Лирическое спихопворство никакому другому неуступаетъ въ сужденіи важности своей и пользы. Надлежитъ прочесть о немъ цѣлую главу изъ сочиненія *Гравини* (*Ragione poetica*). Сей превосходный писатель смотрѣлъ на лирическую поэзію

съ надлежащей почки, и судилъ о ней какъ философъ, какъ знающъ человеческого сердца. Мы вообще только замѣшимъ, что мысли и чувствованія, кои въ стихопвореніяхъ другаго рода представляются намъ вскользь и какъ бы въ дали, здѣсь бывающъ намъ видны въ близи; что мы яснѣе ихъ понимаемъ и сильнѣе чувствуемъ, и что посредствомъ ихъ можно возбудить въ насъ какую-нибудь полезную склонность, производящую весьма хорошія слѣдствія.

У Грековъ были разныхъ родовъ лирическія стихопворенія, и каждое имѣло особливныя правила какъ для содержанія своего, такъ и для формы. Но главнѣйшими считались чепыре слѣдующіе: Гимнъ, Ода, Пѣсня и Идиллія. Кажется къ нимъ же причислишь можно и Елегію.

Г.

III. К Р И Т И К А.

Статистическое обозрѣніе Сибири (*).

„Министерство внутреннихъ дѣлъ (**), при самомъ началѣ своего учрежденія обращая вниманіе на подлежащія ему предметы; помышляло между прочимъ о необходимости преобразовать управленіе Сибири и поспановить оное на началахъ; сколько можно сообразнѣйшихъ какъ по транспорту и опдаленности сего края; такъ и свойству его обитателей. Чпобы съ болышею надежностію приступить къ дѣлу столь важному, признано было нужнымъ собрать предварительно свѣдѣнія; кои бы могли поспановлены быть въ основаніе оному; по ествъ свѣдѣнія о положеніи и пространствѣ Сибири; о качествѣ

(*) Составленное на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ актовъ Правительсва и другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Напечатано по Высочайшему повелѣнію, въ С. Петербургѣ; въ типографіи Шнора, 1810 года.

(**) См. предувѣдомленіе:

„ея климаша и ея произведенїяхъ ; о числѣ
 „жишелей ея населяющихъ ; о нравахъ ихъ,
 „образѣ жизни, ихъ промышленности,
 „упражненїяхъ и ремеслахъ ; о томъ, какъ
 „Сибирь покорена подъ власть Россїи, ка-
 „кія происходили съ нею въ послѣдствїи
 „перемѣны, какъ она управлялась прежде и
 „какъ управляется нынѣ, и проч.“ По
 симъ - по свѣдѣнїямъ, собраннымъ изъ ак-
 шовъ Правительства и другихъ достовер-
 ныхъ источниковъ, соспавлено обвъявляе-
 мое здѣсь *Статистическое обозрѣніе Си-*
бири, удоспоенное Монаршаго вниманїя и
 изданное въ свѣстѣ по Высочайшему пове-
 льнїю.

Неизмѣримая Сибирь, по удивительному разнообразїю мѣстныхъ своихъ положенїй, по различїю климатовъ, по великому богатству естественныхъ произведенїй и по разнородности обитателей, несходныхъ между собою происхожденїемъ, вѣрою, обычаями, языкомъ, сдѣждою, естѣ спрана достойнѣйшая любопытства каждаго мыслящаго наблюдателя; всѣ отношенїя сїи предложены въ наилучшемъ систематическомъ порядкѣ, какого только желать можно для книги, служащей къ разпространенїю общепользныхъ познанїй. Въ первой части описано естественное состоянїе Сибири: моря, горы, степи, озера, рѣки, и царства пре-

зѣбаемыхъ , живописныхъ и ископаемыхъ ; во второй содержится историческое начертаніе Сибири , исчислены обитающіе въ ней народы , и представлено педерешнее гражданское ея устройство.

Историческое начертаніе Сибири предложено весьма коротко , но ясно и удовлетворительно для такого читателя , коимъ ищетъ главныхъ и общихъ свѣдѣній , а не подробностей . „Справа (стр. 62) сія издревле обитаема была разноплеменными народами , кои , отдѣляясь великимъ горнымъ хребтомъ отъ Россіи , долгое время неимѣли съ нею сношенія ; и первое о Сибири извѣстіе дошло къ намъ не прежде какъ по взятіи и населеніи Россіянами Пермской и Югорской земли . Пермьки , Вогуличіи и Самояды , продолжая и послѣ покоренія своего прежніе промыслы и торгъ драгоценною мягкою рухлядью съ обитателями сѣверной части Сибири , возбудили въ Россіянахъ охоту узнать сію страну ; и еще въ XV вѣкѣ , при державѣ Великаго Князя Іоанна Васильевича I , предпринятъ былъ шуда походъ изъ Югорской земли . Сей походъ въ Сепенныхъ книгахъ описанъ весьма коротко , однакожь ясно сказано , что онъ былъ не безуспѣшенъ : многіе города покорены , много людей взято въ полонъ , и Князя ихъ на Москву приведены .

„Съ кончиною Великаго Князя Иоанна Васильевича кончились и новыя сїи прїобрѣтенїя. Война съ Польшею, съ Крымскими и Казанскими Ташарами, обратила вниманїе на другїе предметы; и Сибирь, казалось, паки оставлена была въ забвенїи. Но при державѣ Царя Иоанна Васильевича Великаго снова начали помышлять объ ней. Славный погдашняго времени богачь, нѣкто Аника Спрогановъ, попомокъ одного Ташарскаго Мурзы, владѣвшій знашными помѣстьями по берегамъ рѣкъ Вычегды, Камы и Чусово^а, основавшій шамъ соляныя варницы и даже поспроившій укрѣпленные города, первый обратилъ виды правительсва на сей, поoliko важный предметъ. Къ Спроганову приходили ежегодно какїе-шо неизвѣстные люди, отличные сколько видомъ, сколько и одеждою, и всякой разъ продавали ему драгоценную мягкую рухлядь и другїя рѣдкости. Съ сими неизвѣстными пришельцами началъ Аника посылать наконецъ своихъ людей, копорые пробрались до самой Оби, высмотрѣли шамошнюю землю, подружились со многими жипелями, и на бездѣлки вымѣнивали у нихъ множество прекрасныхъ мѣховъ и другихъ драгоценностей. Спрогановъ, усердствуя Ошечеству, ошправился въ Столицу и донесъ Царскому Двору о своемъ ошкрытїи, коимъ непреминули воспользоваться; и какъ извѣстно,

еще въ 1556 году Сибирскій Ханъ Іедигеръ признавалъ себя данникомъ нашимъ и плащилъ намъ подашь: но преемникъ его, или лучше сказать, похищитель его княжества, Ханъ Кучумъ, коего имя столь извѣстно въ Сибирской исторіи, оплохился отъ державы Россійской и опрелся плащить должную намъ дань. Прошивъ него выслано было войско, но побѣда оспалась на его сторонѣ; и съ тѣхъ поръ Царь Іоаннъ пересцалъ помышлять о покореніи земли сей, жилъ въ мирѣ и согласіи съ Кучумомъ и довольствовался единственно выгодами отъ торговли Сибирской. Но тогда какъ державная рука его опложила мечъ, на пораженіе Сибири вознесенный, разбойникъ Ермакъ, избѣгая грозившей ему казни, пришелъ съ дружиною своею въ опдаленную сію страну; и она признала власть Россіи.

„Правленіе шамъ, какъ и вездѣ въ Русскомъ Царствѣ, было прежде Воеводское. Воеводы насцлались въ разные города Сибири изъ Москвы по Царскому Указу или Граматѣ. Первый посланъ былъ Князь Семенъ Болховскій, а шоварищемъ его Иванъ Глуховъ. Воеводы вѣдали судъ и расправу, распросцраняли покореніе Сибири, спроили торсда и собирали съ новыхъ подданныхъ ясанъ или подашь. Петръ Великій началъ первый посцлать въ Сибирь Губернашоровъ,

которые, имѣя пребываніе свое въ Тобольскѣ; какъ въ главномъ городѣ; управляли посредствомъ Воеводъ всѣмъ шамоннымъ краемъ. Сіе губернашорское и воеводское правленіе; пополненное и исправленное въ 1763 году новыми мѣшами, продолжалось по самое открытіе намѣстничества. Городъ Иркутскѣ со всею шамонною областью сперва зависѣлъ отъ Тобольска, но въ послѣдствіи времени учреждена изъ него особая губернія. Вообще Сибирь въ разные времена раздѣляема была разнымъ образомъ; на разные провинціи и области. До нынѣшняго устройства ея состояла она изъ двухъ губерній, Иркутской и Тобольской; но по великому пространству сей послѣдней и происходившимъ отъ того неудобствамъ въ управленіи, а паче по части полицейской и судной, раздѣлена она на двѣ части; изъ коихъ одна составила по прежнему губернію Тобольскую, а другая губернію Томскую; и такимъ образомъ вся Сибирь состоитъ нынѣ изъ трехъ губерній; изъ коихъ въ Иркутской причисляются области Якутская и Камчатская; изъ полуострова сего имени составленная (*).

(*) Къ Сибирскимъ губерніямъ причисляются и губернію Пермскую, такъ какъ большая часть ея лежитъ по ту сторону Урала. Мы держались сего же порядка.

Прим. Сочин.

Сверхъ того обширнѣйшіе уѣзды во всѣхъ Сибирскихъ губерніяхъ, для вацшаго исправленія шѣхъ же неудобствъ, въ полицейскомъ надзорѣ и въ доставленіи правосудія, раздѣлены еще на часши или комисарства, и въ каждой паковой часши поставленъ особенный чиновникъ, подъ именемъ земскаго часшнаго комисара, коего обязанность состоишь въ томъ, чшобы, имѣя пребываніе въ одной изъ приписанныхъ къ часши его волостей, сколь можно чаще каждую изъ нихъ осматривать, представлять собою въ дѣлахъ маловажныхъ, или времени неперпящихъ, дѣйствіе Земскаго Суда и вообще опвѣщивованъ за благосостояніе подвѣдомственныхъ ему людей.

„Въ прочемъ управленіе Сибирскихъ губерній, кромѣ нѣкоторыхъ въ ономъ перемѣнѣ, при открытіи Томской и при новомъ раздѣленіи Иркутской губерніи введенныхъ и ниже въ своемъ мѣстѣ означенныхъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ поставлено на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній, и всѣ дѣла вѣдаются своимъ порядкомъ въ учрежденныхъ при судственныхъ мѣстахъ.“

Длинная выписка сія насѣ неупомила; напрошивъ того мы очень охотно помѣщаемъ здѣсь еще нѣсколько страницъ изъ

Статистическаго обозрѣнїя Сибири, какъ изъ такой книги, которую читаешь, нужно всякому любителю основательныхъ познаній. Предложивъ краткое историческое начертаніе вообще о Сибири и представивъ картину гражданскаго ея устройства, Сочинитель замѣчаетъ, что само правительсво существующій тамъ нынѣ порядокъ вещей признало неудобнымъ. „Опытъ и наблюденія многихъ лѣтъ доказали, что отдаленность сего края и особенныя мѣстныя его положенія, поелику несходныя съ положеніемъ другихъ частей Государства, пребывая и особеннаго образа въ управленіи. Хотя учась всѣхъ постановленій такова, что они всегда болѣе или менѣе причастны злоупотребленіямъ: но вмѣстѣ неоспоримо и то, что доколѣ Сибирь не сдѣлается отдѣленною, на другихъ началахъ устроенною частию въ общемъ государственномъ управленіи; доколѣ прилагаемы будутъ къ ней учрежденія, для внутреннихъ губерній изданныя, кои, сколько въ прочемъ ни изящны, несовмѣстны однакожь съ положеніемъ ея: доколѣ нельзя ожидать, чтобы благосостояніе ея утвердилось на прочныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Сибирь, какъ по естественному своему состоянію, такъ и по образу жизни обитавшихъ въ ней различныхъ народовъ, не можетъ бытъ иначе управляема, какъ на основаніяхъ сколько мѣстнаго

не преснѣйшихъ и малосложныхъ. Обряды и законы, нужные для народа образованнаго, художественнаго и торговаго, могутъ бытъ во многихъ отношенїяхъ бесполезны и даже иногда вредны для народа, предназначеннаго единственно къ состоянїю земледѣльческому или пастушескому. Всѣ сіи уваженїя побуждаютъ правительство обращать вниманїе на преобразованїе Сибири; но важность и обширность предмета, требующаго великихъ и многотрудныхъ изысканїй, требуетъ также и продолжительнаго времени.“

Непосредственно за симъ слѣдуетъ описанїе народовъ обитающихъ въ Сибири. Съ начала упомянуты Русскїе, кои раздѣлены здѣсь на разные классы, а именно: *Сибирскїе козаки, государственные крестьяне, ямщики, ссылочныя, малолѣтки и посленные солдаты*, и на конецъ *служащіе чиновники, духовныя, кулцы*, и вообще всѣ не принадлежащіе къ прежнему именованному пяти классамъ. Спашья о *ссылочныхъ* довольно любопытна. „Преступники (стр. 87), въ наказанїе посылаемые въ Сибирь, также составляютъ особой классъ людей. Ихъ можно раздѣлить на двѣ спашья: на просполодиновъ, и на шанихъ, кои либо изъ дворянъ, либо были въ службѣ и имѣли чины. Перваго роду ссылоч-

ные, смотря по мѣрѣ ихъ преступленія, или отправляюща на Нерчинскіе рудоплавильные заводы въ работу, или полагающа въ число вреспьянѣ; чиновныя же люди и дворяне, если они не шляхетскіе преступники, обыкновенно отпускаются на свободу, не несутъ никакихъ повинностей и досаждаютъ себя пропитаніемъ своими трудами. Путешественники говорятъ, что вообще ссылочные въ Сибири, и даже самые тѣ, кои започены труда въ наказаніе за важныя преступленія, ведутъ себя шамъ порядочно, и рѣдко слышно о какихъ-либо опѣ нихъ шалостяхъ. Многіе изъ жителей имѣютъ къ нимъ довѣренность, обходятся съ ними ласково, держатъ ихъ въ своихъ домахъ и поручаютъ имъ разныя дѣла. Въ прочемъ нѣтъ сомнѣнія, что между сими несчастными есть и добрые люди, кои могутъ быть случаевъ, нуждою, дурнымъ примѣромъ, или страннымъ сѣпленіемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ вовлечены въ преступленіе. Наконецъ есть можетъ опасаться и такіе преступники, коихъ ожесточеніе смягчилось въ семъ мѣстѣ изгнанія, и кои раскаяніемъ загладили прежнія свои вины. Числа ссылочныхъ опредѣлить нельзя. Живутъ они разсыянно по разнымъ городамъ, селеніямъ и острогамъ.

Опѣ господствующаго народа, въ известное время поселившагося въ Сибири,

Сочинишель переходить къ кореннымъ жителямъ, по естъ къ тѣмъ, копорыхъ за-спали шамъ пришельцы Россiяне. Здѣсь предлежитъ обширное поле разсужденiямъ любомудраго наблюдашеля; здѣсь видишь онъ сонмы младенчешувующихъ народовъ, и различныя степени общежителиаго устройсшва. Чукчи, неимбюшъ почши никакого управленiя, никакихъ распорядковъ. У Самобдовъ нѣшъ даже изустныхъ преданiй, кромѣ пѣсенъ и сказовъ, въ коихъ сохра-няющъ они память нѣкопорыхъ богашырей своихъ, прославившихся на звѣриномъ про-мыслѣ, шакже семьяниспыхъ родоначаль-никовъ и славныхъ волшебниковъ. Камча-далы, до покоренiя подъ Россiйскую влашь, жили въ совершенной вольности, неимбля надъ собою никакихъ начальниковъ, небы-ли подвержены никакимъ законамъ, и ни-кому неплащили дани, а шолько старые люди у нихъ въ каждомъ оспрожѣ или семействѣ имбли небольшое преимущешво, сосшоявшее въ шомъ единшвенно, что со-вѣпы ихъ другимъ предпочипались; въ про-чемъ было между ними совершенное равен-шво. Чшобы лучше дашъ поняшiе вообще о сихъ племенахъ разнородныхъ, предлага-емъ цѣлую спашью, въ копорой описывающ-ся ясащныя или коренныя обитатели Сибири.

„Подъ именемъ ясашныхъ народовъ (спр. 90) разумѣются тѣ разнородныя племена, кои населяли Сибирь издревле и вмѣстѣ съ покореніемъ ея пришли въ подданство Россіи (*). Они всѣ почти воснѣютъ еще въ невѣжествѣ и сохраняютъ всю грубость, но вмѣстѣ и проспошу первобытнаго состоянія напуры. Весьма немногіе только изъ нихъ сдѣлали нѣкоторыя, едва примѣтный шагъ къ нравственному и гражданскому образованію. Ясашные вообще, исключая развѣ малаго ихъ числа, ведутъ жизнь кочевую (**): но ихъ происхожденіе, вѣра, обычаи, языкъ и упражненія неодинаковы. Кромѣ народовъ, населяющихъ восточную часть Сибири, какъ-то: Камчадаловъ, Юкагировъ, Коряковъ, Чукчей, Курильцовъ и проч., коихъ происхожденіе

(*) Ясашными названы они отъ слова *ясакъ*, которое значитъ у нихъ подать, платимая звѣриными мѣхами. Въ прочемъ нѣкоторыя, особливо живущіе слободами, какъ-то Башкирцы и Татара, платятъ ясакъ свой и деньгами, или произведеніями земли, или замѣняятъ его, отправляя на линіяхъ казачью службу. *Приж. Соч.*

(**) Самые тѣ изъ нихъ, кои отъ кочевой жизни перешли къ постоянной, собственно осѣдыми назваться немогутъ: у нихъ есть два рода жилищъ, лѣтнія и зимнія, въ кои они попеременно переселяются въ известное время года, и лѣтомъ живутъ больше на открытомъ воздухѣ. *Приж. Соч.*

пскрыто завѣсою неизвѣсности, въ Сибѣри естѣ Манжуры и Тунгусы, естѣ Финны, Монголы и Ташара, которые раздѣляются еще на многія псколѣбныя опраслѣ. Тѣ изъ нихъ, кои живутъ рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ, могутъ почестъся самыми грубыми динарами. Неимѣя почти никакого пристанища, они свипаюпся по лѣсамъ; незная никакихъ прѣпшностей и выгностей жизни, незная почти ничего о правѣ собственности, они равнодушны къ опасностямъ и къ самому благополучію; плоды, коренья и сырое мясо сунъ единственная ихъ пища, кожи дикихъ звѣрей ихъ одежда. Провождающіе жизнь пастушескую, изображаютъ намъ картину нѣсколькo прѣпшнѣйшую, и обновляютъ въ памяти нашей проспону Папрѣархальныхъ временъ. Спада сунъ единственное ихъ богатство; отъ нихъ получающъ они пищу и одежду, съ ними переходятъ съ мѣста на мѣсто, и живутъ или въ кибишкахъ, или въ подвижныхъ палаткахъ, или въ юртахъ (*). Нѣкоторые изъ ясащныхъ упражняются и въ землеспешствѣ, но число ихъ невелико. Въ прочемъ почти всѣ они, особливо пастыри и ловчіе Сибирскіе народы, ограничены будучи въ своихъ нуждахъ, незная

(***) Юрта слово Ташарское: значитъ вообще жилье.

ушонченій роскоши, производящъ шорѣ между собою мѣновой, и храня бышїя предковъ своихъ въ изустныхъ преданїяхъ, неимѣютъ ни денегъ, ни письменъ; ни искусствъ (*). Вѣроисповѣданїя ихъ различны; главнѣйшїя же при у нихъ сѣксы: Магомешанская, Шаманская и Великаго Ламы. Есть между ними и Христїяне; но ихъ немного, да и тѣ несутъ одно только имя Христїянъ, въ основанїи же совершенно преданы заблужденїямъ своихъ предковъ, непонимая вовсе ученїя православныхъ Вѣры, Частное гражданское ихъ устройство и образъ внутренняго ихъ правленїя неодинаковъ (**). Есть между ними щакїе, и

(*) Неимѣютъ конечно денегъ какихъ-либо особенныхъ; но деньги, въ общемъ государственномъ употребленїи обращающїяся, многимъ изъ нихъ довольно извѣстны: они и сами принимаютъ ихъ, и другимъ ими платящъ. Письмена и нѣкошораго рода искусства также нѣкошорымъ изъ нихъ не безвѣстны. Сказанное же выше въ общемъ объ нихъ начертанїи должно разумѣть о большей ихъ части. *Нилъ Сох.*

(**) Многими привилегїями и указами оставлено ясашнымъ право имѣть частное свое, или какъ сказать домашнее правленїе, и разбирающїя собственнымъ судомъ въ дѣлахъ неуголовныхъ; въ уголовныхъ же должны они судимы быть въ установленныхъ присудственныхъ мѣстахъ по общимъ государственнымъ узаконенїямъ. *Прим. Сох.*

почти неимѣющъ понятія о союзѣ общес-
 ственномъ; у другихъ старѣйшины и родо-
 начальники вѣдаютъ судъ и расправу; у
 иныхъ есть Тойоны или князьки, обще-
 ствомъ избираемые. Знаки отличія и пре-
 имуществъ мало у нихъ извѣстны; и бла-
 городство индѣ уважается наследственное,
 а въ другомъ мѣстѣ личное, основанное на
 почтеніи къ лѣшамъ, къ заслугамъ или
 къ богатству. Все почти у сихъ, такъ
 сказать, еще младенчествующихъ народовъ
 сохраняетъ на себѣ печать древней про-
 шпаны: ихъ обряды, увеселенія, праздни-
 ства, домашняя ихъ утварь, орудія и про-
 мыслы. Наружной ихъ видъ и сложеніе
 тѣла, нравственные и физическія ихъ спо-
 собности, степени ихъ понятія и образъ
 мыслей, ихъ добродѣтели и пороки (*)
 сколько же многообразны, сколько много-
 различно ихъ происхожденіе, сколько раз-
 нообразенъ климатъ, гдѣ они родятся и
 живутъ; предметы, кои ихъ окружаютъ;
 снѣди, которыя употребляются ими въ
 пищу. Числа ихъ съ точностію опредѣлить
 нельзя, но вообще можно полагать его до
 300,000. Въ заключеніе присвокупимъ, что
 сіи грубые, непросвѣщенные, но большею

(*) Главнѣйшій порокъ ихъ есть пристра-
 стіе къ пьянству, а изъ болѣзней оспа и
 венерическая самая пагубнѣйшая.

частію просподушные люди, безмолвно повинующи постановленной надѣ-ними власти, чувствующи благошворное дѣйствіе промышляющаго о судьбѣ ихъ Правительсва, и охотно плачущи слѣдующій съ нихъ ясакъ, или исправляющи повинности, начальствомъ на нихъ возлагаемыя.“

Сіи ясашные народы для порядка раздѣлены на пять классовъ, смотря по родовой или поколѣнной между ними связи, примѣчаемой въ сходствѣ ихъ обычаевъ, языка и образа жизни. Къ первому классу принадлежатъ народы *Финнскаго* происхожденія, во второму *Татарскаго*, къ третьему *Монгольскаго*; *Манжурь* и *Тунгусь*, какъ особое колѣно, составляютъ четвертый классъ; въ пятомъ помѣщены народы, коихъ языкъ и происхожденіе неизвѣстны. По сему раздѣленію легко можно отыскивать и назначать мѣста пребыванія нѣкоторыхъ народовъ, оставившихъ по себѣ памятъ въ Исторіи Европы, и нынѣ извѣстныхъ подъ разными наименованіями.

При книгѣ приложены подробныя вѣдомости о числѣ жителей въ Сибирскихъ губерніяхъ по послѣдней ревизіи. Русскихъ и яновѣрцовъ показано въ ней всего 1,048,038 человекъ. Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

*Чувствования Киевскаго Дворянства
о скончающемся Киевскомъ Гражданскомъ
Губернаторѣ, Тайномъ Совѣт-
никѣ , Петрѣ Прокофьевичѣ Пан-
кратьевѣ , Рѣчь , произнесенная въ
присутствіи многочисленнаго всѣхъ
сослояній собранія во время погреб-
бательной церемоніи. Марта 19
дня 1810 года.*

(Переводъ съ Польскаго.)

Хотя вседневыми опытами каждый человѣкъ удостоверяется въ ничтожности бытія своего, хотя мы знаемъ, что смерть есть предопредѣленіе Всевышняго; что подъ неуклоннымъ ян ударомъ падаютъ равно великіе и малые, сильные и слабые, богатые и убогіе; что она различныя состоянія людей въ мірѣ, безъ разбору повергая во гробъ, превращаетъ въ равенство и въ прахъ, единообразныя: не менѣе того, видя приближающійся конецъ дней своихъ, никто не можетъ пребыть безъ шредета. — Одинъ только Христіанинъ, который во всю жизнь свою ни на одну минушу не сомнѣвался въ бытіи Бога, въ безсмертіи души; который вѣрилъ, что въ безконечной вѣчности добродѣтели воспримутъ награду, а беззаконія наказаніе; который цѣлую жизнь свою препровождалъ

по законамъ религіи и нравственности: шомъ и при послѣднемъ издыханіи, отдавая долгъ Природѣ, не спрашивая смерти. Таковымъ былъ блаженный памяти Кіевскій Гражданскій Губернашоръ, Пепръ Прокофьевичъ Панкрашевъ, шакowymъ ознаменовали его оставшіеся слѣды дѣлъ его въ жизни и послѣднія минушы, приближавшія его ко гробу. — А дабы лучше могли мы бышь въ шомъ удостовѣрены, осшановимся и скажемъ нѣчто о его жизни.

Родился онъ въ 1757 году отъ бѣдной, но благородной фамиліи. Вступилъ въ военную службу въ 1772, продолжалъ оную 22 года, и проходя степени съ самихъ нижнихъ чиновъ, достигнулъ чина Полковника. Изъ военной службы перешелъ въ гражданскую, и въ ней находился пятнадцать лѣтъ. Былъ Комменданшомъ въ Нерчинскѣ и главнымъ начальникомъ при шамоннихъ рудокопныхъ заводахъ, былъ членомъ Государственнаго вспомогательнаго Банка, потомъ Гражданскимъ Губернашоромъ въ Санктпетербургѣ, а наконецъ въ Кіевѣ. За отличныя услуги его, приверженность къ Престолу и Отечеству, украшенъ былъ шремя Орденами. Ни на одно возвышеніе не пособствовали ему ни инприга, ни покровительштво; но върность и личное непомрачаемое достоинство возвели его посшепенно на шу высокую степень, на коей мы его видѣли. Исполняя обязанности дѣшняго Гражданскаго Губернашора, оставилъ онъ по себѣ незабвенную память полезныхъ и похвальныхъ услугъ Государю, Отечеству и частнымъ людямъ. Онъ въ семь мѣсѣвъ воздвигнулъ огромныя зданія, къ украшенію и пользѣ города служащія, распространилъ фабрики, увеличилъ де-

ходы Приказа общественаго призрѣнія, благо-
 разумнымъ своимъ распоряженіемъ привелъ въ
 порядочное состояніе Гошпитали и домъ ин-
 валидной. Онъ вѣрно и ревностно во время
 начальства своего опвѣщивалъ предназна-
 ченію важнаго своего служенія; былъ покро-
 вшителемъ и защитникомъ слабыхъ и утѣсен-
 ныхъ, перпящихъ опъ превозможенія и пре-
 слѣдованія сильныхъ, не заботясь о томъ,
 что другіе по знатности своей или повліяні-
 ямъ могутъ ему вредить. Онъ благодѣшель-
 ствовалъ спрадущему и несчастному че-
 ловѣчеству, и въ исполненіи правосудія не-
 смотрялъ на роды людей, но на роды дѣлъ:
 въ прехожденіи 37-лѣшняго непрерывнаго слу-
 женія, ни при Государственномъ Банкѣ, ни
 при рудокопныхъ заводахъ, ни въ Губернапор-
 скомъ достоинствѣ онъ ничего не спяжалъ;
 умеръ въ бѣдности, оставя въ наслѣдіе дѣ-
 шамъ своимъ одну только память своихъ до-
 бродѣтелей. Кто бы могъ повѣришь, чтобы
 челоуѣкъ, служа столько лѣтъ и проходя
 степени столь высокихъ достоинствъ, умеръ
 въ такомъ убожествѣ, въ какомъ мы его те-
 перь видимъ! Но бѣдность, которая не наносила
 ему спыда въ жизни, покрываетъ его славою
 по смерти; ибо она есть неоспоримымъ дока-
 зательствомъ, что душа его гнушалась бо-
 гатствами, на счетъ обществу или част-
 ныхъ людей спяжанными. Предвидя близкую
 минушу разлуки съ плѣннымъ міромъ, онъ
 ни мало оной не спрзшился, но ожидалъ съ
 такимъ душевнымъ спокойствіемъ, какое
 только добродѣтельнымъ свойственно, и коего
 порочной челоуѣкъ никогда вкушать не мо-
 жетъ. Въ семъ трудномъ положеніи часто
 онъ говаривалъ: „Служу я вѣрно Богу, Государю

„и Опечесшву; никому обиды и несправедливости не сдѣлаю; ничего не имѣю, кромѣ сего бѣднаго дѣянiя, но съ спокойною совѣстью умираю, ибо не опятналъ ее никакимъ пресупленiемъ.“ Можешъ ли бышь какое вѣрнѣйшее доказательство добродѣтели, какъ такое признанiе человека, при отверзтомъ гробѣ стоящаго, изреченное имъ въ присутствiи людей, кои за нѣсколько предъ симъ были его современники, а теперь спали въ числѣ его потомковъ, вмѣстѣ съ прахомъ усопшихъ погребаящихъ всѣ страхи, всѣ надежды, уваженiя и ласкательства, и надъ дымящеюся могилою начинающихъ спрога: свое сужденiе? Мы составляемъ се потомство. Се лежишь предъ взорами нашими на одрѣ смертномъ пошъ самый, копорого дѣянiя судишь будемъ, копорой, оставя насъ, не навсегда, но до свиданiя, ждетъ нашего безприсрасшнаго приговора! Истина не требуетъ постороннихъ ей и ей опдаленныхъ доводовъ: и шакъ повѣримъ глазамъ нашимъ, копорые смотрѣли на добродѣтельные подвиги Панкратьева, и безъ замедленiя изречемъ единодушно наше о немъ мнѣнiе; скажемъ, что наша въ немъ потеря ненаградима, что прахъ его не можешъ бышь достачочно оплаканъ, что напоследокъ всѣ его труды и попеченiя, для блага общаго подвѣшныя, заслужили удивленiе, почтенiе, и достойны подражанiя въ потомствѣ. Се наше изреченiе о Панкратьевѣ для оставшихся въ бѣдности его дѣшей будетъ прiятнымъ и богатымъ достоянiемъ, превосходнѣйшимъ несчетныхъ, постыдно нажитыхъ сокровищъ, и знаменитѣйшимъ всѣхъ степеней родовъ, не лѣшми, но вѣками изчисляемыхъ. Умершему жъ ошцу когда уже ничто въ свѣтѣ неужно,

кромѣ прѣхъ аршинъ земли для сокрытія его гроба, когда кончилъ крашковоевременное пребываніе въ семъ бѣдственномъ мірѣ и переселился въ горняя, воздадимъ послѣднюю почестъ по добродѣтелямъ и заслугамъ его, и погребая почтенный его прахъ по обряду Религіи, позволимъ себѣ при незасыпанной могилѣ еще разъ оросить оный слезами, въ опраду неутѣшной горести нашей, которая, хотя щещно, но не престаеишь искашь облегченія въ сѣшованіи о невозвратной пошерѣ. Трепетъ природы, смерть алчная! когда ты безвременно заносишь косу свою, почто не разишь ты мнимыхъ сихъ героевъ, коихъ прехождение въ мірѣ ознаменовано потоками крови человѣческой; почто не низвергаешь угнѣшателей и ширановъ свѣта? Опъ шаковыхъ ударовъ спраждаущіе получили бы опраду и облегченіе: но здѣсь ты поразила друга человѣчества, коего жизнь безпорочная, дѣяшешная, полезная Опечешству, едва начинала склоняшся за половину пущи, Природою назначеннаго человѣку, и на которую во все ея продолженіе ниже шѣнь порока никогда не упадала.

Объявленіе отъ Филографическаго (*) Общештва, учреждаемаго въ Горенкахъ.

Горенки, давно уже извѣшныя богатшйшимъ изъ числа заведенныхъ частными особа-

---

(*) *Фитѣн растѣніевъ, урѣшцъ пишущу*; слѣдствен-но — Общештва, занимающагося описаніемъ растѣній. *Изд.*

ни садамъ, весьма значительными библиотечкою и справками, Его Сіашельству Графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому принадлежащими, также сношеніемъ со многими учеными людьми, внупри и внѣ Россіи живущими, не уступающъ въ достоинствѣ ни одному изъ лучшихъ ботаническихъ Институтовъ. Мы не должны умолчать здѣсь и о путешествіяхъ, кои учеными ежегодно бывающъ предприемлемы и совершаемы по распоряженіямъ Его Сіашельства, и кои способствовали успѣхамъ и благосостоянію сего великолѣпнаго заведенія.

Толикія выгоды произвели желаніе расширить полезный кругъ ихъ дѣйствія, доставивъ участіе въ оныхъ всѣмъ занимающимся пою же наукою, и распространить ихъ посредствомъ тѣснѣйшей связи съ Ботаниками всѣхъ странъ свѣта. Для удобнѣйшаго достиженія къ сей цѣли, учреждается *Фитсграфическое Общество*, въ которое приглашаются всѣ прилѣжные изслѣдователи сей занимательной науки.

Общество проситъ всѣхъ особъ, желающихъ раздѣлять труды его, въ возможной скорости доставить къ нему, что заблагодарасудящъ, для внесенія въ *Записки*, которыя ошъ него будущъ въ свѣтъ изданы, дабы ничего пропущено не было, могущаго служить къ исправности и чистотѣ печатанія оныхъ *Записокъ* и къ совершенству рисунковъ. Горенки, 11 го Сентября 1809. Подписали: Г. Ф. Гоффманъ, Докт. и Проф. Ботаники. Ф. Е. Л. Фишеръ, Докт. Мед. I. Либошицъ, Докт. Мед.

Постановленіе Фитсографическаго Общества, учреждаемаго въ Горенкахъ.

Статья I. Фитсографическое Общество, учреждаемое въ Горенкахъ, составляется изъ Членовъ ординарныхъ, экстраординарныхъ и почешныхъ, подъ предсѣдательствомъ Графа Алексѣя Разумовскаго.

Статья II. Въ ординарные Члены принимающіяся одни только Ботаники.

Натуралисты, шрудами своими содѣйствующіе успѣхамъ Ботаники, принимаются въ Члены экстраординарные; также и шѣ, кои прилѣжнымъ упражненіемъ въ сей наукѣ имѣющіе право на ободреніе.

Въ число почешныхъ Членовъ должны быть принимаемы вообще любители наукъ, и особы желающія наукамъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Статья III. Одинъ изъ ординарныхъ Членовъ, пребывающій въ Горенкахъ, по большинству голосовъ назначается Директоромъ Общества. Должность его продолжается одинъ годъ; но по окончаніи сего времени онъ можетъ быть снова избранъ. Ему препоручается изданіе сочиненій Общества.

Статья IV. Ординарный Членъ, имѣющій въ своемъ вѣдѣннн ботанической садъ въ Горенкахъ, есть Секретарь Общества. Онъ долженъ вести переписку, также сочинять протоколы и донесенія Президенту.

Статья V. Большинствомъ голосовъ избранъ будетъ Казначей, которой дѣлаетъ выдачи и даетъ отчетъ въ издержкахъ Общества.

Статья VI. Одинъ разъ въ теченіи года будетъ публичное Собраніе, во время коего

Члены дають опчетъ въ своихъ упражненіяхъ и вообще во всемъ томъ, что происходило въ продолженіе года. День Собранія назначается Президентомъ и объявляется чрезъ Директора.

Ординарные Члены, здѣсь пребывающіе, по одному разу въ мѣсяцъ собираются для разсужденія о дѣлахъ Общества.

Статья VII. Общество обязывается ежегодно издавать въ свѣтъ по крайней мѣрѣ одинъ томъ своихъ Записокъ, подъ шишуломъ: *Acta Societatis Phytographicae Gorenkensis*, въ большую четверть листа, съ рисунками, нужными для объясненія предметовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ. Доски для сихъ рисунковъ будутъ вырѣзываемы преимущественно художниками, служащими на жалованьи Президента.

Статья VIII. Въ Запискахъ Общества будутъ помѣщаемы все, касающееся до Ботаники: описанія растѣній, изслѣдованіе отношеній ихъ въ разсужденіи Натуральной Истории, Анатоміи, Физиологіи и Химіи.

Статья IX. Въ сихъ Запискахъ будутъ помѣщаемы :

1. Сочиненія, присылаемые къ Обществу, на всѣхъ языкахъ; но онѣ будутъ печатаемы только на Латинскомъ и на Французскомъ.

2. Извлеченія изъ важныхъ ботаническихъ сочиненій, тѣхъ, коими не каждому пользоваться можно.

3. Извлеченія изъ переписокъ, на Французскомъ языкѣ.

4. Извѣстія, объявленія и проч. относящіяся до Ботаники.

Порядокъ и выборъ матерій будутъ назначаемы пребывающими здѣсь Членами и утверждаемы Президентомъ.

Каждой Членѣ, котораго сочиненіе помѣщено будетъ въ Томѣ, получитъ одинъ экземпляръ онаго.

Статья X. Всѣ ботаническіе предметы, Обществу представляемые, будутъ приемлемы съ благодарностію, и хранимы въ Музеѣ для употребленія Членовъ.

Подписаль: *Графъ Алексѣй Разумовскій.*

~~~~~

Разговоръ философа Дежерандо съ Сень - Мартенемъ.

(Истинный анекдотъ.)

— Вы никогда не ходите въ Театръ?

Сень-Мартень. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я въ него не заглядывалъ.

— Можетьъ бытъ вы не любите Театра?

Сень-Мартень. Напрошивъ. Я былъ спрашанный до него охотникъ, и теперь еще эта спрашь не уменьшилась.

— Понимаю, нравственныя правила ваши не позволяють вамъ предаваться этой спрасти.

Сень-Мартень. Нѣтъ — нѣ драмы, отъ представленія которыхъ я обыкновенно ожидаю величайшаго для себя удовольствія, не кажуща мнѣ прошивными спрогой нравственности. Наслажденіе, мнѣ ими доставляемое, основано на чувствѣ, съ какимъ я смотрю на добродѣтель, выведенную на сцену, и на той сладостной симпатіи, которая заставляеть меня раздѣлять это чувство со всѣми зришелями.

— Можетьъ бытъ вамъ недостаеть времени.

Сенъ-Мартень. И того не лзя сказать. Не одинъ разъ случалось, что я подходилъ къ самымъ дверямъ Театра, и — отъ нихъ удалялся.

— Что же васъ останавливало ?

Сенъ-Мартень. Это моя пайна.

— Я очень бы желалъ узнать эту шайну!

Сенъ-Мартень. Боюсь опкрыть ее: вы станете обо мнѣ слишкомъ хорошо думать; а это будетъ несправедливо.

— Нѣтъ, обещаюсь почитать васъ только весьма добрымъ человекомъ; будьте покойны. Теперь вы можете опкрыться.

Сенъ-Мартень. И опкроюсь, но только для того, чтобы вы изъ бездѣлицы не сдѣлали чего-нибудь чрезвычайно важнаго. Слушайте. Я очень часто выходилъ изъ своего дома съ намѣреніемъ посѣпить Театръ. Дорогою представлялъ я въ воображеніи то удовольствіе, которое меня ожидало, и наслаждался имъ заранѣе — попомъ начиналъ разсмапривать свойство нѣхъ впечатлѣній, которыя такъ сильно на меня дѣйствовали, и увѣряю васъ, что находилъ въ себѣ одно только ожиданіе того восторга, который *должны* были произвести во мнѣ высокія мысли Корнеля и пламенная чувства Расина, встрѣчаемая всеобщимъ рукоплесканіемъ. И пошчасъ раждалась въ головѣ моей мысль: ты хочешь заплапить деньги за удовольствіе, производимое однимъ *образомъ*, или лучше сказать одною *тѣнію* добродѣтели, за тѣ же деньги. . . .

— Продолжайте, любезный *Сенъ-Мартень*; прошу васъ, продолжайте!

Сенъ-Мартень. За тѣ же деньги можешь имѣть въ сущестственности то самое, чемъ будешь восхищаться въ идеалѣ; ты можешь сдѣлать доброе дѣло, вмѣсто того чтобы его

видѣть въ представленіи мечшашельномъ и мнущномъ. . . .

— Я понимаю васъ.

Сень-Мертень. Я никогда не могъ прогнаться этой мысли. Я относилъ деньги, приготовленные за билетъ въ партеръ, къ какому-нибудь извѣстному мнѣ бѣдняку, на-скаждался во всемъ тѣмъ, что думалъ найти въ Театрѣ, (и еще съ большою живостию) и возвращаясь домой, не сожалѣлъ объ истраченныхъ мною деньгахъ. В.

О нравахъ Арабовъ.

(*Отрывокъ изъ Шалобрианова путешествія по Востоку.*)

Арабы, которыхъ я видѣлъ въ Іудеѣ, въ Египтѣ и въ самой Варваріи, показались мнѣ болѣе высокаго нежели малаго роста. Поступь ихъ гордая; они имѣютъ стройный станъ; очень легки; голова у нихъ овальная, лобъ большой и круглой, носъ орлиной; глаза большія, имѣющія форму миндаля и взглядъ чрезвычайно нѣжной. Естели они молчатъ, то вы не замѣтите въ нихъ ни малѣйшаго слѣда дикости; но естели напрошивъ начнутъ говорить, то вы услышите грубые и сильные звуки; и увидите зубы длинные, ослѣпительной бѣлизны, имѣющіе много сходства съ зубами шакалей; различіе между ими и дикарями Американскими состоишь въ томъ, что послѣдніе имѣютъ дикость во взглядѣ, а выраженіе челоѣчества на устахъ.

Женщины Аравійскія выше ростомъ нежели мужчины по пропорціи, наружность ихъ благородна; правильностію своего лица, красотою плѣсной формы и оеждію напоминаютъ онѣ о статуяхъ жрицъ греческихъ или Музъ. На горахъ Іудейскихъ встрѣщались мы съ премою, копороя ичѣли на словахъ сосуды съ водою: онѣ напоили нашихъ лошадей. Не дщери ли это Лавана или Маданитянкѣ? Но сіи прекрасныя статуи бывають иногда облечены въ рубища; бѣдность, нечистота и страданія безобразятъ нѣсколько сіи прекрасныя формы; смуглосць, шакѣ сказать, скрываетъ отъ васъ правильныя черты лица ихъ; однимъ словомъ: чшобы смотрѣть на эпкихъ женщинѣхъ съ пріятнымъ чувствомъ, надобно видѣть ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, довольствоваться цѣлымъ и не входить въ подробности.

Большая часть Арабовъ носятъ шунику, и перевязываютъ ее поясомъ; иногда спускають одинъ рукавъ, и такимъ образомъ являються въ древнемъ нарядѣ; иногда одѣваютъ шблѣ покровомъ изъ бѣлой шерсти, копорый служишь имъ вмѣсто шогги, епанчи или покрывала, ибо они шо обвиваютъ его вокругъ шблѣ, шо просто накидываютъ на плеча, шо покрываютъ имъ голову. Они обыкновенно ходятъ съ босыми ногами, вооружены кѣльемъ, кинжаломъ и длиннымъ ружьемъ. Орды путешествуютъ караванами; верблюды и дугъ одинъ за однимъ; и передовой верблюдъ всегда привязанъ длиною веревкою изъ вербовой жоры къ шеѣ осла, копорый естъ проводникъ каравана: въ качествѣ вождя не имѣетъ онъ никакой ноши и пользуется нѣкоторыми опличіями; верблюды поколѣній богатыхъ украшены бахрамою, перьями, бандеролями.

Кобыламъ, смотря по благородству ихъ происхожденія, оказываютъ большую или меньшую почесть, но обыкновенно обходятся съ ними чрезвычайно жестоко. Лошадей не ставятъ въ пѣнь, а всегда на солнце, привязавъ ихъ за ноги къ четыремъ колушкамъ, вбитымъ въ землю, такъ что имъ не возможно сдвинуться съ мѣста; никогда не снимаютъ съ нихъ седла; носятъ ихъ одинъ только разъ и одинъ разъ въ двадцать четыре часа; онѣ сбѣдаютъ весьма малое количество ржи. Не подумайте, чтобы лошади отъ такого содержанія изнурялись; напротивъ онѣ приобретаютъ привычку къ перепѣню, къ умѣренности и чрезвычайно спановятся быстры. Часто я удивлялся Арабскому коню, прикованному такимъ образомъ къ разкаленному песку и спящему неподвижно, съ разбросанною гривой, опустивъ голову къ ногамъ, чтобы занять отъ нихъ нѣсколько пѣни, и поглядывая косвенно-дикими глазами на господъ своихъ. Но ты снимаешь съ него оковы, бросаешь на его хребтъ — *онъ вѣнится, дрожитъ, разбрасываетъ копытами землю! труба зазвучала; онъ восклицаетъ: впередъ!* и ты узнаешь коня, котораго изобразилъ тебѣ Ювѣ.

Все, что намъ повѣствуютъ о спраси Арабовъ къ сказкамъ, есть точная правда. Однажды остановились мы не подалеку отъ береговъ Мершваго моря. Была уже ночь; Вилемцы наши сидѣли кругомъ своего огня, положивъ подлѣ себя ружья. Лошади, привязанные къ колушкамъ утвержденнымъ въ землю, составляли другой, внѣшній кругъ. Напившись кофе и говоривъ нѣсколько времени всѣ вмѣстѣ, они вдругъ замолкли, выключая одного Шеика. При свѣтѣ огня я видѣлъ его вырази-

шельныя шблдвиженія , черную бороду , бѣлыя сверкающіе зубы, и разныя формы, кошорыя онѣ давалъ одеждѣ своей, разсказывая съ размахкою. Его поварищи слушали чрезвычайно внимашельно, всѣ наклонившись впередѣ, лицемѣ на огонь, иногда возклицали съ видомѣ удивленія, иногда съ важностію повшоряли слова и жесты разскащика; нѣкопорыя изѣ лошадей и муловѣ выпягивали надѣ головами ихѣ свои большія головы, кошорыя, будучи освѣщены пламенемѣ коспра, опдѣлялись опѣ мрака. Вѣ опдаленіи шумѣло Мершвое море и кругомѣ чернѣлись Іудейскія горы.

Я видѣлъ дикарей на берегахѣ озерѣ Американскихѣ; и здѣсь предшавлялись миѣ дикари, но совершенно опѣ первыхѣ опличные. Я имѣлъ передѣ глазами потомковѣ первобытнаго поколѣнія людей; видѣлъ ихѣ съ шѣми же нравами, кошорые имѣли они во дни Агари и Измаеля; и вѣ той же пустынѣ, кошорую самѣ Богѣ наименовалъ ихѣ наслѣдіемѣ. Я встрѣчалъ ихѣ вѣ долинѣ Іордана, у подошвы горѣ Самарійскихѣ; на пусяхѣ Эвронскихѣ, вѣ мѣстахѣ, гдѣ нѣкогда раздавался голосѣ Навина; вѣ поляхѣ Гомора, еще дымящихся гнѣвомѣ Іеговы и освященныхѣ попомѣ спасительными чудесами Христа-Искупителя.

Арабы опличаются опѣ народовѣ новаго свѣша болѣе шѣмѣ, что они при всей своей грубости имѣютѣ какую-то нѣжностъ нравовѣ; чувствуешь, что они рождены на востокѣ, вѣ шѣхѣ странахѣ, кошорыя произвели всѣ искусства, науки, религій. Сокрытый на краю Загада, вѣ опдаленномѣ углу вселенныя, Канадецѣ обиташѣ вѣ долинахѣ, освѣненныхѣ вѣчными лѣсами и орошаемыхѣ рѣками великими; Аравіецѣ, брошенный, такѣ ска-

зашь, на большую дорогу міра, между Азією и Африкою, скипаетъ среди блестящихъ степей востока, гдѣ нѣтъ для него ни воды, ни сѣней древесныхъ. Между поколѣніями Измаиловыхъ потомковъ находите господь, служителей, домашнихъ живописныхъ, словомъ: свободу, подчиненную законамъ; напрошивъ въ Америкѣ человекъ представляешся вамъ одинъ съ своею гордою и жестокою назаисимостію. Вмѣсто шерстянаго покрыва, на плечахъ его медвѣжья кожа; вмѣсто копья имѣетъ онъ стрѣлы; вмѣсто кинжала дубину; онъ не знаетъ и не захотѣлъ бы вкушать ни финиковъ, ни верблюжьего молока: онъ пребуетъ мяса и крови. У него нѣтъ козей шерсти, для составленія палашки: вязъ, повалившійся отъ дряхлости, даетъ ему кору для составленія шалаша; ему ненужно обуздывать коня для преслѣдованія дикой лани: онъ самъ настигаетъ на бѣгу оригинала; онъ не происходитъ отъ великихъ и образованныхъ народовъ, имена предковъ его не воспрѣчаются въ лѣтописяхъ міра: дряхлые, и понынѣ еще не падшіе дубы, нѣкогда были современниками его прародителей; гробы его опцевъ — памятники природы, а не исторіи — невѣдомые скрывающіяся во глубинѣ лѣсовъ непроходимыхъ. Словомъ: въ Американцѣ видимъ мы дикаря, еще непришедшаго въ состояніе образованности; въ Арабахъ напрошивъ все представляетъ намъ образованнаго человека, снова пришедшаго въ дикость. В.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

А н г л і я.

Со временъ Вилькеса Лондонская чернь ни за кого не вступалась съ такою ревностію, какъ недавно за Сирѣ Франциса Бурдеша, пеперь заключеннаго въ Товерѣ. Парламентъ оправдываетъ сей арестъ письмомъ самаго Сирѣ Франциса, въ кошоромъ онъ жаловался на взятіе подъ стражу одного Журналиста, совершенно прошивное конституціи: сіе письмо написано весьма умѣреннымъ слогомъ; но Бурдешъ ушверждаетъ въ немъ, что Парламентъ *нарушилъ* поспановленія Государства. По обнародованіи сего письма господинъ Ледбригъ представилъ нижнему Парламенту, что онъ долженъ объявить его *насквилежъ* на Парламентъ. Начались разсужденія, и большинствомъ голосовъ (190 прошивъ 152) опредѣлено: заключить Сирѣ Франциса Бурдеша въ Товерѣ. Вслѣдъ за симъ опредѣленіемъ Орапоръ подписалъ повелѣніе о взятіи подъ стражу (Warrant), и поручилъ исполнить по оному господину Кольману. Бурдешъ находился въ загородномъ домѣ, гдѣ получилъ извѣстіе о происшедшемъ ошѣ браша своего Джона Бурдеша. Въ 1 часъ (7 числа Апрѣля) прибылъ онъ въ Лондонскій домъ свой, находящійся въ Пикадилли. На шребованіе Кольмана, чшобы онъ послѣдовалъ за нимъ въ Товерѣ, отвѣчалъ онъ, что не намѣренъ повиноваться, и что рѣшился защищать себя оружіемъ, есншли захошятъ сдѣлать ему

насиліе. Кольманъ удаліся. Между шѣмъ народъ собрался вокругъ Бурдешова дома; сначала былъ спокоенъ, но около вечера началось волненіе, котораго первые признаки состояли въ томъ, что всѣ мимоходившіе, которые не захотѣли вмѣстѣ съ другими кричать *визать*, были забросаны грязью. Во многихъ домахъ, на прим. въ домѣ Лорда Касплерега, Графа Даршмуша, Юрка и Персеваля были выбиты камнями окна, и чернь принудила сихъ господъ зажечь иллюминацію въ честь Бурдеша. Но 9 числа Сиръ Францисъ Бурдешъ взявъ былъ подъ спражу и перезезенъ въ Товеръ подъ прикрытіемъ сильнаго опряда солдатъ: всѣ войска, находящіяся въ окрестности Лондона, были приведены въ городъ; Парламентъ окруженъ былъ полками — шеніе народа вокругъ Товера и въ близълежащихъ мѣстахъ было ужасно; чернь бросала въ солдатъ грязью и камнями; сдѣлано было около пятидесяти пистолетныхъ выстрѣловъ, нѣсколько человекъ убито, и одному изъ буншовщиковъ отрублено ухо. Проливной дождь помогъ одержать побѣду надъ возмущившимися; теперь все уже снова спокойно. Вообще думаютъ, что Бурдешъ останется въ Товерѣ до прекращенія засѣданій Парламентскихъ. Всѣ признаются, что онъ оказалъ великой характеръ на той открытой сценѣ, на которую вышелъ весьма недавно. Всѣ знали; что онъ человекъ съ дарованіями и съ умомъ, но никто не воображалъ, чтобы онъ могъ съ такою твердостью бороться противу силы. Нація уважаетъ сего человека; съ любопытствомъ стараются теперь узнавать всѣ подробности его жизни и поступковъ. Министры имѣютъ въ немъ опаснаго

врага, сильного общимъ мѣнѣемъ. Теперь съ жадностію читають рѣчь, произнесенную имъ прошивъ корабельнаго Капитана Лека, копорый бросилъ одного, давно имъ ненавидимаго машроса, именемъ Жаффера, подъ предлогомъ, что онъ подозрѣваемъ въ воровствѣ, на пуспомъ оспрову безъ пищи и плащя. Черезъ два мѣсяца люди, посланные на берега сего оспрова, чпобы опыскашь нещаспную жерпву злобы, не нашли даже и шрупа, копорый, по всѣмъ догадкамъ, разшерзанъ хищными пшцами.

*

Славный Адмиралъ *Коллингвудъ*, до сего времени командовавшій эскадрою на Средиземномъ морѣ, умеръ на 60 году ошъ рожденія. Тѣло его будетъ привезено въ Лондонъ, и положено въ церкви С. Павла, на ряду съ тѣломъ Нельсона, копорый вмѣстѣ съ нимъ сражался при Трафалгарѣ и палъ со славою передъ глазами своего друга и спутника.

Ф р а н ц і я.

Конные егеря Императорской гвардіи получили повелѣніе идти въ Италію: заключають изъ сего, что Ихъ Величества сами еще нынѣшнимъ лѣшномъ будутъ въ Италіи и что коронація совершится въ Римѣ.

*

Ничего вѣрнаго еще неизвѣстно о назначеніи Маршала Удиноша. Одни думаютъ, что онъ опшравится въ Амверпенъ, гдѣ все долженъ будетъ изготопить для принятія Двора — другіе напротивъ ушверждаютъ, что это путешествованіе имѣетъ цѣлю вооруженія, дѣлаемая на сѣверныхъ берегахъ Франціи. Близъ Булони собирается ужасная армія.

*

Императрица Иозефина, какъ увбряющъ, применъ шишулъ Герцогини Наварской.

✱

Праздникамъ, по случаю бракосочетанія Императора, назначено бытъ въ Маѣ; они должны бытъ чрезвычайно великолѣпны. Между Лувромъ и Рапгаузомъ поставленъ цѣлый рядъ триумфальныхъ воротъ. На Марсовомъ полѣ будетъ великолѣпный каррусель. Гвардія въ домѣ военной школы дастъ праздникъ на 25000 человекъ; на балъ, долженствующій бытъ въ огромной, на сей случай приготовленной залѣ, приглашено не менѣе 10,000 дамъ.

✱

Версальской Замокъ будетъ возобновленъ.

✱

Въ рѣчи, которую Графъ Реньо де Сенъ-Жанъ-д'Анжели произнесъ въ законодательномъ Кортусѣ, между прочимъ сказано слѣдующее: „Грѣмъ войны утихаетъ; онъ слышенъ только въ шрѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, въ которыхъ еще ощущапельно нѣкоторое слабое вліяніе Англи; на границахъ Опломанской Имперіи — но долго ли будетъ спрдасть отъ того Европа, и не должна ли претѣпать Азія, есть и Диванъ не приметъ намбрній благоразумнѣйшихъ! Испанія — но скоро пристани Испанскія, отворенныя для насъ, запрутся для кораблей Британскихъ; слѣдственнао всеобщій миръ Европы можно почитать уже ушвержденнымъ и пр.“

15 Маія.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

№ 11. І Ю Н Ъ 1810.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Анекдоты изъ жизни Іосифа Гайдена.

Іосифъ Гайденъ родился въ 1750 году, въ деревнѣ Рорау. Отецъ его былъ каретникъ; онъ зналъ порядочно музыку, что не удивительно въ Германіи, гдѣ видимъ многихъ поселянъ, занимающихся музыкою. Гайденовъ отецъ игралъ на арфѣ; онъ научилъ сему искусству и молодого Іосифа, и онъ же первый раскрылъ въ немъ сей талантъ, который въ послѣдствіи сдѣлался предметомъ всеобщаго удивленія.

Отецъ Гайдена, желая дать сыну своему воспитаніе, приличное замѣченному въ немъ дарованію, записалъ его въ хоръ пѣвчихъ Св. Стефана, кафедральной Вѣнскаго церкви, гдѣ узналъ онъ первыя правила

музыки и получилъ въкошорыя полезныя свѣденія. Скоро Юсифъ, который имѣлъ голосъ чрезвычайно пріятный, и образованный однимъ только своимъ дарованіемъ, пѣлъ восхищительно, и сдѣлался извѣстенъ въ городѣ. Очень часто приглашали его на домовые концерты: Гайденъ пѣлъ и приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей. Находясь въ музыкальной школѣ Св. Стефана, онъ выучился очень хорошо играть на скрипкѣ; попомъ на фортпиано: для сего инструмента сочинялъ онъ маленькія аріи и сонатины, съ которыхъ копіи продавалъ охотникамъ.

Будучи приспращенъ къ музыкѣ, онъ пренебрегалъ всѣ другія познанія; учись Лапинскому языку было для него мукою; всѣ деньги, выручаемыя имъ за маленькія музыкальныя пѣсы его сочиненія, отдавалъ онъ своимъ поварицамъ, которые помогали ему рѣшать задачи и исправляли за него прочія школьныя обязанности.

Наступило то время, въ которое младенецъ, переходя въ юношеской возрастъ, перяетъ свой въжный и понкій голосъ, и пріобрѣщаетъ мужественный — время, всегда опасное для пѣхъ, которые основали всѣ надежды свои на одной пріятности голоса. Рейтшеръ, капельмейстеръ кафедральной

церкви, желая сохранить въ хорѣ своемъ ша-
 кого пріятнаго пѣвца, каковъ былъ молодой
 Гайденъ, рѣшился пожертвовать его муже-
 ствомъ выгодѣ своего крилоса. Онъ призы-
 ваетъ Гайдена, представляетъ ему съ одной
 хорошей стороны опасную операцію, умалчи-
 ваетъ о ея слѣдствіяхъ, и невинный млада-
 нецъ, котораго ничто въ мірѣ кромѣ одной
 музыки не прельщало, соглашается на все
 отъ добраго сердца. II день и часъ уже
 назначены; условіе съ Лбкаремъ сдѣлано,
 все готово — завтра въ девять часовъ
 утра операція будетъ кончена. . . но по
 щасію въ то же самое утро (въ 8 часовъ)
 какія-то дѣла призывающъ Гайденова оп-
 ца въ Ввну; онъ прямо идетъ къ сыну —
 мальчикъ бросается къ нему въ объятія съ
 веселымъ лицомъ, и сказываетъ, что голосъ
 его, которому цѣлый городъ удивляется,
 голосъ, который со временемъ долженъ обо-
 гащать его и прославить, черезъ два часа
 сдѣлается чище, пріятнѣе, звончѣе по-
 средствомъ какой-то легкой операціи, и
 что онъ уже никогда его не потеряетъ.
 Отецъ удивился; спрашиваетъ — уз-
 наетъ обстоятельство — въ негодоваіи
 своемъ бѣжитъ къ Рейшперу, осыпаетъ
 его упреками, и грозитъ донести Прави-
 тельству, что онъ, обманувъ невиннаго
 младенца, хотѣлъ безъ вѣдома отца под-
 вергнуть опасности его жизнь; что онъ

нарушилъ законы общества, Природы, Религїи. — Рейшперъ, приведенный въ смущеніе, извинялся, какъ умѣлъ, передъ отцемъ Іосифа, просилъ его молчать и общался не думая болѣе объ операціи. Провидѣніе привело эшаго челоѡка въ Вѡну: два часа позже, и Гайденъ, получивъ малозначущее дарованіе пѣвца, навсегдабы ушрашилъ Геній великаго, сильнаго, благороднаго композитѡра, который своимъ воображеніемъ, неисповимымъ и пылкимъ, заимилъ въ послѣдствїи всѣхъ соперниковъ своихъ въ музыкѣ. Два часа позже, и Гайденъ навѣки оспался бы младенцемъ; но ему опредѣлено было сдѣлаться мужемъ, и мужемъ необыкновеннымъ.

Рейшперъ съ самой той минуты, въ которую злодѣйскій планъ его такъ неожиданно былъ разрушенъ, сдѣлался непримиримымъ врагомъ молодаго Іосифа — онъ вредилъ ему всѣми способами: на примѣръ, лишилъ его тѣхъ концертовъ, которые были такъ выгодны для его таланта, и наконецъ, когда онъ потерялъ голосъ, жестокимъ образомъ выгналъ его изъ школы — безъ денегъ, въ самомъ бѣднѣйшемъ рубищѣ.

Іосифъ сначала не зналъ, что дѣлать и у кого искать пристанища. Первую ночь

провелъ онъ на улицѣ, и спалъ на камнѣ. На другое утро встрѣтился съ нимъ одинъ бѣдный, ему знакомый музыкантъ, именемъ Спанглеръ, который въ молодомъ челоѣкѣ, покрывшомъ лахмотьями и сидящемъ печально на камнѣ, узналъ своего прѣтеля Юсифа Гайдена. Доброе сердце Спанглера было пронумо. „Послушай, Гайденъ, сказалъ онъ ему, ты знаешь, какъ я бѣденъ и какъ тѣсно живу. Я не могу помѣститься тебѣ въ моей горницѣ, которую вмѣстѣ со мною занимаюшъ и жена моя и дѣти; но согласишься ли поселиться на моемъ чердакѣ? Тамъ будетъ у тебя постель, скатерть и столъ, — обѣдай вмѣстѣ съ нами; а я гошовъ помогаю тебѣ, какъ умѣю.“ Юсифъ бросился обнимать добродушнаго Спанглера — свобода, добрый поварихъ и независимость опъ жестокаго Рейшпера казались ему на шу минути верховнымъ благомъ. По молодости своей позабылъ онъ даже и къ опцу своему написать о томъ несчастїи, которое съ нимъ случилось, и о той крайности, которую онъ терпѣлъ; наконецъ, послушавшись увѣщанїй друга всего Спанглера, онъ написалъ письмо, но въ это самое время сдѣлалъ онъ такое знакомство, которому надлежало имѣть величайшее влїянїе на жребїи его жизни.

Спокойствїе, которымъ онъ наслаждался, пробудило его Генїи; мучимый желанїемъ

производишь, онъ принялся опять за сочиненіе шѣхъ маленькихъ сонатъ, которыя шакъ удавались ему въ прежнее время. Лучшая изъ нихъ какимъ-то случаемъ попала въ руки Графини Тунъ, знашмой придворной дамы, спраспно любившей музыку. Она захошѣла познакомиться съ авторомъ прекрасной сонаты, и начала разспрашивать у всѣхъ, кто съ нею ни встрѣчался, не извѣстенъ ли имъ сочинитель музыки, по имени Іосифъ Гайденъ? Никто не зналъ Іосифа Гайдена; наконецъ сказывающъ Графинѣ, что есть въ каедральной церквѣ пѣвчій, мальчикъ, называемой Гайденомъ! „Но мальчику сочинять шакія прекрасныя ноты! Можетъ быть! узнаемъ“ — и Графиня пошлаетъ въ церковь Св. Стефана спросить о Гайденѣ. — „Его уже нѣтъ въ моемъ хорѣ — ошвѣчаетъ ей Рейтшеръ — я поссорился съ этимъ негодяемъ, и не знаю, куда онъ дѣвался.“

Но Графиня Тунъ этимъ не удовольствовалась; ей нуженъ былъ авторъ прекрасной сонаты. Она хошѣла болѣе удостовѣриться въ его дарованіяхъ, нежели въ его нравственности, и продолжала съ прежнею неусыпношю дѣлать свои поиски; наконецъ ей удалось найти скромное убѣжище Іосифа Гайдена. Ланей въ ливреѣ приходитъ къ нему на чердакъ, видишь

молодаго человека, сдѣшаго въ рубище, спрашиваетъ о Гайденѣ. Иосифъ, спыдаясь одежды своей, говоритъ, что онъ Гайденъ слуга. „Скажи же своему господину, что Ея Сіяшельство, Графиня Тунъ, желаетъ его видѣть. Она будетъ дожидаться его у себя завтра поутру въ десять часовъ. Возьми ея адресъ!“ — Увѣрь Ея Сіяшельство, отвѣчаетъ Иосифъ, что господинъ мой непременно будетъ у нее въ назначенное время. — Лакей уходитъ — но какъ исполнишь обѣщаніе, какъ показаться на глаза Графини въ изодранномъ кафтанѣ, въ развалившихся башмакахъ? Спанглеръ, бѣдный какъ и онъ, не можетъ ссудить его деньгами, а плащъ Спанглерово совсѣмъ ему не впору: одинъ высокъ и худъ, другой малъ ростомъ и очень полстъ — какъ бышь! — но онъ далъ слово; и — кто знаетъ! — можетъ бышь это знакомство доставить ему какую-нибудь выгоду! Что дѣлать! надобно идти — и Гайденъ на другое утро, въ назначенный часъ, вооружившись мужествомъ, идетъ къ Графинѣ Тунъ. Его встрѣчаетъ пошль самый лакей, копорый былъ у него наканунѣ; онъ спрашиваетъ: скоро ли будетъ его господинъ? — „У меня нѣтъ господина; я самъ Иосифъ Гайденъ; доложи обо мнѣ Графинѣ!“ — Лакей докладываетъ; Гайденъ входитъ. Графиня удивилась, увидя передъ собою человека, попрыгаго ло-

скупками. — „Я хотѣла видѣть Иосифа Гайдена!“ — Я Иосифъ Гайденъ! — „Вы? Сочинитель этой сонаты?“ — Точно такъ, милостивая Государыня! — „Который вамъ годъ?“ — Семнадцатый! — Графиня замолчала; нѣсколько минутъ разсматривала она лице Иосифа, блѣдное, изуренное, возбуждающее крайнюю бѣдность, Правду мнѣ сказали, подумала она, одинъ развратъ можетъ такъ обезобразить лице шестнадцатилѣтняго мальчика. — „Не написали ли вы чего нибудь еще въ этомъ родѣ?“ — Написалъ, много — но это моя послѣдняя соната. — „Вамъ конечно плащили за ваши труды? Для чегожь вы не одѣли себя нѣсколько опрятнѣе?“ — Всѣ прочія сонаты мои были написаны въ школѣ, гдѣ я имѣлъ и столъ и одежду. Я не берегъ денегъ и тратилъ ихъ на свои удовольствія! Эта послѣдняя, написанная по выходѣ моемъ изъ школы, . . . — „Вы были изъ нее выгнаны?“ — Выгнанъ, Ваше Сіятельство, въ семь часовъ вечера, осенью. . . — „За шалости, за безпорядочное поведеніе!“ — Такъ угодно говорить господину Рейшперу; но я совсѣмъ не заслуживалъ, чтобы со мной поступлено было столь жестоко. — „Очень хорошо! но ваша послѣдняя соната написана была безъ сомнѣнія такъ же не даромъ?“ — Я получилъ за нее нѣсколько флориновъ, Ваше Сіятельство; но эти деньги

опданы были моему благодѣтелю, моему другу Спанглеру, который принялъ меня къ себѣ въ домъ, который уступаетъ мнѣ половину своей бѣдной пищи. Я не имѣю нужды въ плащѣ, потому что никуда не хожу; но я не могу не изъяснить благошворителю своему, сколь я чувствительнѣ къ его дружбѣ: все, что ни имѣю теперь, принадлежитъ ему.

Такія добрыя чувства пронули благородное сердце Графини. „За что же поссорился съ вами господинъ Рейшперъ?“ спросила она. Иосифъ съ большимъ простодушіемъ, но сохранивъ всю благоприспособность, рассказалъ ей поступокъ Рейшпера. Графиня ужаснулась; будучи предубѣждена противъ Гайдена, она боялась ему вѣрить; но почтивъ дѣло возможнымъ, рѣшилась воздержаться отъ заключеній, и познакомишься короче съ молодымъ композиторомъ. — „Вотъ 25 червонцевъ, сказала она ему: вы можете купить на эту сумму порядочное плаще и нанять лучшую квартиру; заплашите свой долгъ господину Спанглеру; а ко мнѣ ходить каждое утро: я намѣрена брать у васъ уроки въ пѣніи и на фортепьяно. Знайте однако напередъ, что мы разстанемся, еслили услышу, что вы будете вести себя безпорядочно.

Гайденъ доказалъ, что эта угроза была совершенно бесполезная. Онъ любилъ музыку спраспно, и никогда ни къ чему кромѣ музыки не имѣлъ сильной спраспи. Графиня Тунъ не ограничила своихъ благодарнѣй маловажными подарками; она видѣла Гайденовъ палантъ и хотѣла способствовать его образованію. Замѣшивъ, что Іосифъ еще не имѣлъ хорошаго понятія о гармоніи, она подарила ему Фухсово разсужденіе о семъ предметѣ, въ то время славное и лучшее въ Германіи: Гайденъ не имѣлъ другаго учителя. Она же помѣстила его въ домъ Графа * * *, богатаго придворнаго человека. Въ этомъ домѣ написалъ онъ первыя ноты, прославившія его въ Германіи и познакомившія съ нимъ Принца Эспергази, который сдѣлалъ его своимъ капельмейстеромъ.

Его вступленіе въ домъ сего Принца ознаменовано было произшествіемъ, которое стоить замѣчанія. Гайденъ долженъ былъ обѣдать за однимъ столомъ со всѣми чиновниками Княжескаго дворца. Въ первые дни, по вступленіи его въ званіе капельмейстера, дворецкій не выходилъ за столъ по причинѣ болѣзни; Секретарь Принцевъ велѣлъ Гайдену занять его мѣсто. Черезъ нѣсколько дней является самъ дворецкой, и къ удивленію своему находить на своемъ мѣстѣ капельмейстера. — „Кто

осмѣлился дать мой стулъ этому молодому человѣку?“ спрашиваетъ онъ съ досадою.“ — Я, отвѣчаетъ Секретарь. — „Вы? какъ это возможно! уступлю ли я свое мѣсто простому марапелю ношѣ, едва начинающему служить Его Величеству? я, который нѣсколько уже лѣтъ служу въ этомъ домѣ и самому Принцу?“ — Вездѣ, отвѣчаетъ Гайденъ, гдѣ есть капельмейстеръ, почетное мѣсто должно принадлежать ему; это мѣсто мнѣ дано, и я не позволю занять его никому другому! — Дворецкій, чрезвычайно раздраженный, беретъ приборъ капельмейстера, ставитъ его на послѣднее мѣсто, а самъ садится на то, которое назначено было для Гайдена. Секретарь, не говоря ни слова, снимаетъ свой приборъ и ставитъ его подлѣ Гайденова, его примѣру слѣдуютъ и всѣ другіе — и дворецкій оспается послѣднимъ. Онъ бѣжитъ съ жалобами къ Принцу. Эта ссора, весьма важная въ Германіи, гдѣ очень уважается этикетъ, опечалила Принца Эстергази. Онъ призываетъ Гайдена и дѣлаетъ ему выговоръ. „Вы оскорбили спариннаго и много почипаемаго мною служителя моего. Я желаю, чтобы въ домѣ моемъ царствовало согласіе, а вы нарушаете его, не успѣвъ еще оказать никакой мнѣ услуги.“ — Іосифъ повторилъ сказанное имъ наканунѣ о привилегіяхъ капельмей-

спера. Ваша Свѣшлость! прибавилъ онъ, я имѣлъ честь обѣдать у многихъ знатныхъ Господъ: ни за однимъ не удавалось мнѣ сидѣть вмѣстѣ съ дворецкими; нѣкоторые изъ нихъ даже мнѣ служили, не требуя отъ меня, чтобы я служилъ имъ въ свою очередь. Я не имѣлъ намѣренія оскорбить вашего служителя — но его пребыванія были слишкомъ унижительно для чело-вѣка, имѣющаго честь быть Капельмейстеромъ Принца Эспергази. — Принцъ улыбнулся и далъ слово какъ нибудь исправить это дѣло. И въ самой вещи, разыскашелей дворцкѣй на другой день уже не спорилъ о мѣстѣ, и согласіе за споломъ возобновилось по прежнему.

Всѣ лучшія нспы Гайденовы, и въ особенности его неподражаемыя симфоніи, были написаны для Принца Николая Эспергази, который умѣлъ привязать къ себѣ Іосифа своимъ любезнымъ характеромъ, внимательностію, ласковымъ и благороднымъ обхожденіемъ. Можно сказать, что они соединены были искреннею дружбою и что неравенство между ими исчезало. Но Принцъ, чрезвычайно добродушный, подверженъ былъ припадкамъ мрачной задумчивости, которая по временамъ дѣлала его несноснымъ для всѣхъ домашнихъ; и въ это время нищо не осмѣливался къ нему при-

ближась ; одно только могло возвратишь ему прежнюю веселость его — музыка , и Гайдень съ своими симфонїями былъ для Принца Эспергази то же , что Давидъ съ своею арфою для Саула.

Случилось , что одинъ изъ такихъ припадковъ продолжился болѣе обыкновеннаго — всѣ приспупають къ Гайдену съ прозьбою сочинишь новую музыку , ибо гармонїя почишаема была самымъ дѣйствительнымъ лѣкарствомъ. — Гайдень пишетъ ; симфонїя готова ; въ аншрѣ-актѣ перваго спектакля Гайдень посылаетъ по обыкновенїю своему доложитъ Принцу , что онъ услышитъ новую симфонїю , для него сечиненную капельмейстеромъ. Оркестръ начинаетъ играть. Первая часть , быстрая , живая , блестящая , кончена — Гайдень ожидаетъ рукоплесканій и — не слышитъ ничего ; оборачивается , смотритъ на Принца — Принцъ молчитъ и пасмуренъ по прежнему. Сокрывши досаду свою , Гайдень велитъ оркестру продолжатъ , надѣясь , что анданше произведетъ лучшее дѣйствїе. Извѣстно , каковы Гайденовы анданше ; это было одно изъ лучшихъ — оно сыграно — Принцъ молчитъ ; онъ мраченъ , какъ и прежде. Оспазетса менуэтъ , легкій , разнообразный , прїятный — его играютъ. Гайдень посматриваетъ на Принца , но Принцъ , безъ всякаго вниманїя , сидитъ нахмурясь во углу

своей ложи, и совсемъ не занимается музыкою. Гайденъ взбѣшонъ; хочетъ разбить скрипку, изорвать партицію; его удерживаютъ, но финалъ симфоніи сыгранъ безъ малѣйшаго вниманія со стороны композитера.

Во всю слѣдующую ночь глаза его ни на минуту не смыкались; онъ встаетъ очень рано и идетъ къ Принцу съ бумагою въ рукахъ. „Не съ ума ли вы сошли, Г. Гайденъ! говоришь ему комнатный служитель, вы знаете, что онъ въ черномъ нравъ; и что въ этомъ положеніи никого къ себѣ не допускаетъ — а вамъ особенно теперь не совѣшовавъ бы показываться на глаза его; онъ спрашно сердитъ на васъ, и ни кто не знаетъ, за что.“ — А я хочу, чтобы вы обо мнѣ доложили! великая мнѣ нужда до его сердца! — Принцу докладываютъ о приходѣ Гайдена. — „Чего ему хочется? спрашиваетъ Принцъ; я не могу теперь ни съ кѣмъ говорить; скажите, чтобы онъ ко мнѣ написалъ.“ — „А я хочу говорить, отвѣчаетъ Гайденъ — и его впускаютъ въ кабинетъ Принца. — „Вамъ угодно говорить со мною, господинъ говорунъ; милости просимъ; говорите!“ Глаза Принца сверкаютъ и все лицо его горѣло. — Гайденъ спокойно и съ большимъ равнодушіемъ выслушалъ его упреки; наконецъ онъ замолчалъ. Гайденъ подаетъ бумагу — и что же въ ней написано? — что онъ не тре-

буетъ, а беретъ опсшавку. Это поразило Принца; но онъ не сказалъ ни слова, и скрывши досаду свою, въ ту же минуту подписалъ Гайденову прозьбу и — Гайденъ опсшавленъ.

Возвратясь къ себѣ, онъ приказываетъ Плейелю, своему воспитаннику, собрать весь оркестръ. Музыканты сошлись. Гайденъ рассказываетъ имъ съ большими подробностями о томъ, что происходило между имъ и Принцемъ. Всѣ одобряютъ его поступокъ, всѣ встаютъ противъ несправедливаго Принца, который не умѣетъ обходиться съ своими служителями, не знаетъ цѣнишь ихъ достоинствъ; головы воспаляются, всѣ, за исключеніемъ двухъ, хотятъ послѣдовать примѣру своего начальника и учителя; и въ мигъ написана прозьба объ опсшавкѣ отъ имени всѣхъ музыкантовъ, которые всѣ, не разходясь, подписали подъ нею имена свои, выключая одного глухаго басиста, и еще одного весьма посредственнаго скрипача. Бумага послана къ Принцу, который, еще не излѣчившись отъ болѣзни своей, и раздраженный *заговоромъ* своихъ музыкантовъ, немедленно далъ имъ общую оппускную, включивши въ число уволенныхъ и тѣхъ двухъ бѣдняковъ, которые не согласились подписать прозьбу вмѣстѣ съ другими. Оркестръ, по договору, предварительному сдѣланному съ Принцемъ, не

могъ быть разпущенъ прежде прошествія года по утвержденіи опсшавки; но Принцъ въ досадѣ своей сказалъ *бунтовщикамъ*, что они могутъ оставить домъ его черезъ недѣлю, получивъ свое жалованье за цѣлый годъ.

Но въ эту недѣлю пламенные головы заговорщиковъ успѣли придти въ спокойствіе, и меланхолія Принцова разсѣялась. Гайденъ упрекалъ себя въ опрометчивости; онъ чувствовалъ, что ему надлежало бы пощадить Принца, которому болѣзнь служила извиненіемъ; сверхъ того разсудовъ говорилъ ему, что онъ уже не найдетъ во всей Германіи ни одного дома, въ которомъ могли бы обходиться съ нимъ такъ почтительно, въ которомъ бы его такъ любили, какъ въ домъ Принца Эспергази; и товарищи его такъ же начинали думать, что кредитъ ихъ учителя не доставитъ имъ такого выгоднаго мѣста, какое они имѣли въ замкѣ Эспергази; они говорили съ сердечнымъ сожалѣніемъ и съ похвалою о Принцѣ, котораго любили и котораго должны были оставить; самая выдача впередъ годового жалованья казалась имъ новымъ знакомъ его великодушія (хотя этотъ поступокъ былъ не иное что, какъ слѣдствіе первой досады) — словомъ, всѣ они были въ великомъ горѣ, начиная съ Гайдена до по-

слѣдняго волпорниспа; какъ бышь и на что рѣшишься? Гайдень выдумалъ слѣдующій странной способъ:

Въ назначенный для опрѣзда музыкантовъ день приходитъ онъ къ Принцу и говоритъ ему, что онъ съ своими учениками, въ знакъ благодарности за всѣ прошедшія милости его, желаетъ сыграть передъ Его Сіятельствуемъ новую симфонію, на случай опрѣзда имъ сочиненную. — Принцъ соглашается съ удовольствіемъ на предложеніе — зала освѣщена, какъ въ день концерта — каждый музыкантъ садится на свое мѣсто — симфонія начинается.

Первый пассажъ, блестящій, веселый, быспрый, играютъ всѣ инструмены вмѣстѣ — за нимъ слѣдуетъ скрипка. — Гайдень, который управлялъ оркестромъ, играетъ одинъ — кончивъ пассажъ, онъ спокойно встаетъ съ своего мѣста, прячетъ скрипку въ футляръ, кладетъ ее на плечо и уходитъ. Удивленный Принцъ приходитъ въ безпокойство, вообразивъ, что капельмейстеру сдѣлалось дурно; посылаетъ съ великою заботливостію спросить, что заставило его покинуть оркестръ, не доигравъ симфоніи. Гайдень величъ доложить Принцу, что онъ весьма благодаренъ за его милостивое къ нему вниманіе, но что онъ проситъ его дослушать концертъ. Симфонія продолжается.

Надобно играть впрочем скрипку — она играет одна; по окончании пассажа скрипачъ встаетъ, прячетъ скрипку свою въ футляръ, кладетъ ее на плечо, идетъ вонъ и за нимъ слѣдуютъ всѣ другіе скрипачи съ скрипками на плечахъ; по же дѣлаютъ и первый гобоистъ, и первая флейша, и кларнетъ, и всѣ прочіе инструменшы — каждый, доигравъ свой пассажъ, удаляется — остаются два бѣдные музыканша, пѣ, которые не подписали прозбы — они начинаютъ жалобный дуэтъ.

Принцъ Эшергази, въ которомъ добросердечіе одержало верхъ надъ самолюбіемъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ полными слезъ глазами, бѣжитъ въ эту залу, въ которой собрались всѣ музыканшы, и восклицаетъ, простерши къ нимъ руки: „Друзья мои, старинные, добрые друзья мои! за что же вы меня покидаете? Вы чувствуете сами, что будучи вашимъ Принцомъ, я не могу просить у васъ прощенія; но и я также чувствую, что вамъ, какъ благороднымъ Аршишамъ, не лзя просить прощенія у меня! Развѣ нѣтъ уже никакого средства все исправить и сдѣлать такъ, какъ будто бы ничего между нами не случилось?“ — Въспомо опивша и капельмейстеръ и ученики его бросились на колѣни предъ Принцомъ: онъ началъ ихъ обнимать, и все было на вѣки забыто.

Капельмейстеръ (это званіе опять возложено было на Гайдена) обязанъ былъ не только сочинять музыку, но вмѣстѣ и разыгрывать съ оркестромъ своимъ всѣ музыкальныя сочиненія другихъ композиторовъ, и управлять группою Италіянской Оперы. На Эспергазіевомъ театрѣ весьма часто давали Giulio Sabino, большую Оперу Сарши, кошораго Гайдена много уважалъ, болѣе можетъ быть потому, что Саршиевъ слогъ, благородный и сильный, нѣкошорымъ образомъ согласовался съ Гайденовымъ паланомъ.

Сарши, пробѣжая неподалеку отъ замка Эспергази, не могъ воздержаться, чтобы не взглянуть на человека, кошораго сочиненіямъ онъ восхищался: онъ непременно хотѣлъ познакомиться съ Гайденомъ, и, если можно, сдѣлаться его другомъ. Былъ уже вечеръ, когда онъ прѣехалъ въ замокъ; спрашиваетъ Гайдена. — Теперь невозможно его видѣть; онъ въ театрѣ, управляетъ оркестромъ; Принцъ вошелъ уже въ свою ложу. — „Не могу ли я найти мѣста въ театрѣ?“ — Очень можете: намъ приказано впускать всѣхъ иностранцевъ. — „Какая дана будетъ Опера?“ — *Армида*, лучшая изъ всѣхъ Гайденовыхъ Оперъ.“ — Сарши не слышалъ ни одной Гайденовой Оперы; онъ входитъ въ театръ съ большимъ любопытствомъ,

садишься подлѣ оркестра. Играюшѣ первый акшѣ; Сарпи слушаешѣ; красота многихѣ мѣстѣ приводишѣ его въ восхищеніе, онѣ хлопаешѣ безѣ памяти; но въ концѣ вшоразо акша онѣ забываешѣся, прыгаешѣ черезѣ лавку въ оркестрѣ, бросаешѣся на шею къ Гайдену. „Сарпи обнимаешѣ себя, Сарпи, копорый хотѣлѣ увидѣшѣ великаго Гайдена, копорый удивлялся прекраснымѣ его швореніямѣ, не надѣялся найши ничего ихѣ прекраснѣе, и шеперь еще сверхѣ всякаго чаянія нашелѣ Армиду!“ — Принцѣ, увидя въ оркестрѣ шаконѣ безпорядокѣ, и по причинѣ опдаленія не слыша ничего, испугался — Чшо шакое? чшо сдѣлалось? закричалѣ онѣ изв ложи. — „Юліо Сабино! Юліо Сабино! (ошвѣчалѣ Гайденѣ, шакже приведенный въ восторгѣ) Юліо Сабино, сочинитель неподражаемой Оперы, Сарпи пришелѣ поглядѣшѣ на своего друга Іосифа!“ — И эша минуна была основаніемѣ тѣснѣйшаго союза между сими великими музыканшми.

Восхищеніе, произведенное въ Сарпи Гайденовою Армидою, было искренно — эша Армида есть самое лучшее драмматическое сочиненіе Гайдена. Сшранно шо, чшо онѣ никакѣ не хотѣлѣ выдать ее въ свѣтѣ, а берегѣ для одного себя, какѣ нѣвѣдшорое сокровище: неповяшная скупость, копорая едва не была наказана самымѣ жестокимѣ образомѣ.

Гайденъ имѣлъ одинъ только манускриптъ своей Оперы. Всякой разъ, когда надобно было играть Армиду, онъ отдавалъ этотъ манускриптъ своему кописту, который передавалъ его музыкантамъ, и на другое утро опять приносилъ къ самому Гайдену. Плейель, любимый Гайденовъ ученикъ, желая рассмотреть съ большимъ вниманіемъ это превосходное произведеніе, просилъ у него позволенія списать Армиду для себя — но Гайденъ не только отказалъ, но даже не согласился, чтобы его воспишанникъ при немъ пробѣжалъ глазами ноты. Плейель замолчалъ; но черезъ нѣсколько времени, когда уже Гайденъ совсѣмъ забылъ о его просьбѣ, предложилъ онъ кописту двадцать пять червонцевъ за вѣрный списокъ Армиды, что очень было легко ему сдѣлать, имѣя часомъ въ рукахъ своихъ эту Оперу. Копистъ, зная Плейелеву честность, и также зная, что онъ не употребилъ во зло его довѣренность, сверхъ того будучи обольщенъ червонцами, списалъ Армиду — наконецъ она въ рукахъ у Плейеля.

Однажды — это случилось въ то время, когда въ замкѣ Эстергази театръ былъ закрытъ и мѣсто спектаклей заступаютъ другія увеселенія — Гайденъ, по порученію Принца, долженъ былъ нѣсколько недѣль прожить въ соседственномъ

городкѣ. На другой день по отбѣздѣ его сдѣ-
 лался въ Эйзенштадтѣ, обыкновенной резиде-
 денціи Принца, пожаръ; загорѣлось въ той
 самой части города, гдѣ жилъ Іосифъ; пла-
 мя, усиленное вѣтромъ, охватило домъ его,
 который весь обратился въ пепелъ съ ме-
 белями, бѣльемъ, платьемъ, и, словомъ, все
 небольшое имѣніе Гайденово исчезло.

Принцъ, находившійся въ Эспергази,
 узнавъ о несчастіи, случившемся въ резиде-
 денціи, спросилъ о Гайденовомъ домѣ. —
 Ему сказали, что онъ сгорѣлъ. Тотчасъ при-
 казываетъ онъ поспроить съ возможною по-
 спѣшностію, на томъ же самомъ мѣстѣ,
 такой же точно домъ, запрепивъ уведом-
 лявъ Гайдена о пожарѣ. Потомъ призы-
 ваетъ къ себѣ Плейеля. „Никто лучше васъ,
 говоритъ онъ ему, не знаетъ, какъ былъ
 расположенъ внутри и снаружи домъ моего
 добраго Іосифа; вамъ поручю ѣхать въ Эй-
 зенштадтъ и смотрѣть за построеніемъ
 новаго дома его; старайтесь, чтобы онъ со-
 совершенно похожъ былъ на старый. Но это-
 го не довольно; вы должны знать, что у
 него было — какія мебели, вещи, бѣлье, и
 сколько: прошу васъ, чтобы все это при-
 гошовлено было вмѣстѣ съ домомъ; чтобы
 новые стулья, комоды, столы, шкапы сто-
 яли на мѣстѣ старыхъ, и чтобы не было
 между ими никакой разницы; посуда, бѣлье,

плашье, словомъ сказать, все должно быть по старому — прошу васъ не забыть ни малѣйшей бездѣлицы — издержекъ не жалѣйте, у васъ будутъ деньги. Надобно жь мнѣ что-нибудь сдѣлать для того человека, который себя не щадитъ для моего удовольствія.

Плейель исполнилъ въ точности приказаніе любезнаго Принца. Возвращеніе Гайдена въ Эйзенштадтъ было отсрочено, чтобы дать время все изговорить. Наконецъ все готово. Гайденъ прѣзжаетъ въ замокъ Эспергази; дорогою сказываютъ ему о пожарѣ; онъ въ страшномъ огорченіи. „Въ одну минуту потерялъ все, что я собралъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ своею экономіею! — такъ думалъ онъ. — На что я построю новой домъ? Скоро ли заведу все нужное для хозяйства? А плашье, бѣлье, мебели? Все это будетъ новое, а я такъ было привыкъ къ старому. Теперь нѣсколько лѣтъ не буду имѣть ничего, что составляло до сихъ поръ лучшее мое утѣщеніе!“ Онъ проситъ у Принца позволенія немедленно отправиться въ Эйзенштадтъ; но Принцъ велитъ ему остаться въ замкѣ, не сказавши для чего (домъ былъ еще не совсѣмъ прибранъ). — Гайденъ сердится; называетъ Принца капризнымъ, жестокимъ деспотомъ; хочетъ уѣхать безъ позволе-

нїя — наконецъ черезъ недблю дають ему оппускъ; онъ ѳдетъ въ Эйзенштадтъ вмѣстѣ съ воспитанникомъ своимъ Плейелемъ.

Они идутъ по этой улицѣ, гдѣ былъ пожаръ. Гайденъ видитъ множество работниковъ, занимающихся поспроенїемъ новыхъ домовъ — вдругъ глазамъ его предспавляется опдѣленный опъ другихъ домовъ; по правую и по лѣвую сторону его развалины и пепелъ; онъ одинъ невредимъ между обломками . . . „Другъ мой, Плейель! не обманываюсь ли я? Это мой домъ! Кто же сказалъ мнѣ, что онъ сгорѣлъ? . . . Вотъ мой садъ; мои окна; и передъ ними цвѣтники; ставни и дверь какъ будто снова перекрашены! (онъ приближается къ дому съ сильнымъ препепанїемъ сердца) Я и ключъ взялъ съ собою на всякой случай: опворимъ!“ — Но ключъ не оппираетъ. — Позвольте мнѣ, я оппру скорѣе, вы дрожите. — Плейель проворно перемѣняетъ ключъ; дверь опперша; они входятъ. — „Все это мои мебели! и какъ чисты! вѣрно присмотрѣ безъ меня былъ хорошїй! — Онъ оппиретъ шкафъ — Вотъ и бѣлье; щетъ вренъ — все въ цѣлости! Но, Плейель! бѣлье новое! что это значить?“ — Тутъ ученикъ обнял учителя и рассказалъ ему, какимъ образомъ Принцъ велѣлъ перестроить его

домъ , замѣнишь старыя мебели , старое бѣлье , старую посуду новыми ; какъ онъ все придумалъ и обо всемъ заботился . Гайдень заплакалъ — бросился къ Плейелю на шею — потомъ , окинувъ взглядомъ новое свое владѣнiе , велѣлъ какъ можно скорѣе везти себя въ Эспергази . Увидя Принца , не могъ онъ воздержаться , чтобы не упасть , предъ нимъ на колѣни . Можно вообразить , какъ усилилась послѣ шакого нѣжнаго , великодушнаго поступка его привязанность къ любезному благошворителю .

Но скоро Плейель началъ замѣчать , что добрый Иосифъ весьма печаленъ , что печаль даже вредила его здоровью . — „Что съ вами сдѣлалось , любезный наставникъ ? спросилъ онъ . Я не могу угадать причины вашего унынiя : домъ вашъ сохраненъ , и вмѣстѣ съ нимъ возвращено вамъ все ваше имѣнiе ; о чемъ же вы можете сожалѣть ? “ — Ахъ , мой другъ ! все это , что уничтожилъ пожаръ , могло бытъ возвращено мнѣ милостiю Принца ; но ни онъ , ни какая земная власть не могутъ мнѣ возвратить пошерянной моея драгоценности , моея Армиды , копорой полная паршицiя , единственная въ цѣломъ мiрѣ , находилась у меня въ кабинетѣ и вмѣстѣ съ нимъ сгорѣла !

Удовольствіе изобразилось на лицѣ Плейеля. Гайденъ оскорбился. „Что это значишь, Плейель! ты забавляешься надъ моею горестію; ты весель, когда я страдаю!“ — И имѣю причину бышь веселымъ, мой почтенный Гайденъ! я имѣю шеперь способъ сдѣлать на минушу щаспливымъ того, кому обязанъ щаспїемъ всей моей жизни. Вы вѣрно помните, что я просилъ у васъ списка Армиды, и что вы мнѣ отказали, но я имѣю эшопъ списокъ: я подкупилъ вашего кописта, который за двадцать пять луидоровъ списалъ мнѣ Армиду; она у меня — полная паршиція, которую всякой день перечитываю съ новымъ удовольствїемъ; но я еще съ большимъ удовольствїемъ уснуплю ее вамъ, еспли только вы дадите слово на меня не сердиться! — „Мнѣ на себя сердиться? Боже мой! ты возвратилъ мнѣ спокойствїе и жизнь!“ — Въ самомъ дѣлѣ Гайденъ опять сдѣлался и здоровъ и весель, какъ скоро увидѣлъ свою Армиду, и дружба его къ Плейелю увеличилась.

И сія дружба никогда не измѣнялась, самая разлука не могла ее ослабить. Плейель долженъ былъ ославить своего учителя и ѣхать въ Спразбургъ, гдѣ онъ на время и поселился. — Вскорѣ послѣ разлуки своей съ Гайденомъ написалъ онъ двѣ сонаты, которые очень полюбилися охот-

никамъ до музыки, и копорья прислалъ онъ въ манускриптъ къ своему учителю. Эшоу подароу, данъ благодарности, едва не поссорилъ двухъ человекъ, созданныхъ любилъ другъ друга и уважалъ. Въ то самое время, въ копорое Гайденъ получилъ Плейелевы ноты, приходилъ къ нему Лондонскій купецъ Форшеръ, имевшій въ Лондонъ музыкальный магазинъ, и просилъ *трехъ новыхъ сонатъ его сочиненія*, предлагая ему хорошую плату, съ тѣмъ только, чтобы эти сонаты были написаны какъ можно скорѣе. Гейденъ, будучи занятъ въ то время важною работою, копорой не хотѣлъ прерывать для бездѣлицы, но также не желая и лишиться себя предлагаемой ему суммы, отдалъ Форшеру *одну*, сочиненную имъ недавно сонату съ *двумя* присланными ему отъ Плейеля, копорья выдалъ за свои, будучи увѣренъ, что Плейель не захочетъ съ нимъ спорить. Въ то же почти время одинъ изъ новарицевъ Лонгмана и Бродерипа, содержателей другаго музыкальнаго магазина въ Лондонъ, случился въ Стразбургъ: Плейелевы сонаты были всѣми прославляемы, и особенно всѣмъ нравились двѣ посланныя къ Гайдену. Англичанинъ приходитъ къ Плейелю, покупаетъ у него нѣкоторые манускрипты и между прочимъ желаетъ, чтобы онъ уступилъ ему и *двѣ*

сонаты. — „Я не могу этого сдѣлать — опвѣчаешь Плейель; эѣ двѣ сонаты написаны мною для моего учителя; я не желаю никакой за нихъ платы, кромѣ его благодарности и одобренія!“ — По крайней мѣрѣ позволѣте издашь ихъ въ свѣтъ для славы вашего имени. — „На это соглашаюсь, хотя большой славы себѣ и не предсказываю.“ — И сонаты отданы.

И Гайденовы три сонаты и Плейелевы двѣ явились въ Лондонѣ почти въ одно время. Первый покупатель, удивленный, что Лонгманъ и Бродерипъ осмѣлились продавать Гайденову музыку подѣ именемъ Плейеля, позвалъ ихъ въ судъ; но Лонгманъ и Бродерипъ съ своей стороны удивлялись, какъ можно было называть Гайденовыми нѣ сонаты, копорыя Плейель написалъ въ Спразбургѣ, и опвѣчали на обвиненія Форспера такимъ же шочно обвиненіемъ. Извѣстно, какъ сплоги Англійскіе законы касательно перенечатанія книгъ или нотъ: всѣ любители музыки въ Лондонѣ обратили вниманіе на эѣ процессъ, и были весьма любопытны узнать его развязку.

Еѣ самое эѣ время нашъ капельмейстеръ, призываемый въ Лондонѣ сими же самыми любителями музыки, умѣвши

ми удивляться его таланту, приѣзжаемъ въ сей городъ, взявъ отпускъ у своего Принца. Ему сказываютъ о процессѣ; и онъ приходишь въ великое замѣшательство, вспомнивъ, что двѣ сонаты написаны точно не имъ, а Плейелемъ, котораго онъ и забылъ предувѣдомить о употребленіи, сдѣланномъ изъ его подарка. Но въ это время и Плейелю, котораго не зналъ, что училъ его въ Лондонѣ, захошлось увидѣть эптовъ городъ. Узнавъ, что Гайденъ находился въ немъ, поспѣшилъ онъ его навѣстить. Они объяснились, и не желая вредить другъ другу, не знали, что сказать судьямъ, передъ которыхъ призывали ихъ Форстеръ и Лонгманъ; они рѣшились сказать истинну, которая всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ служитъ намъ лучше, нежели хитрость и ложь. Купцы и судьи опдали справедливостію прямодушію обоихъ композиторовъ; процессъ прекратился; Гайденъ заплашилъ убытки (которые, правду сказать, въ Лондонѣ чрезвычайны); сверхъ того подарилъ Форстеру три сонаты, и Лонгману съ компанією также три — и всѣ остались довольны.

Гайденъ былъ капельмейстеромъ Принца Николая Эстергази по самую смерть его; по смерти же его званіе и содер-

жаніе капельмейстера (соспоящее въ денежномъ жалованьѣ и годовомъ запасѣ) оспались при Гайденѣ, хопя онѣ уже не имѣлъ никакой обязанности: такъ было определено Принцемъ Эспергази въ его духовной.

Удивительно, что Гайденѣ, столь славный своими пвореніями, и неимѣвшій соперника въ инспрументальной музыкѣ, не былъ сдѣланъ главнымъ капельмейстеромъ Императора; но это покажется удивительнѣе, когда вспомнимъ, что эшошѣ Императорѣ былъ Іосифѣ II, просвѣщеннѣйшій Монархъ своего времени, покровитель искусствъ, истинный Философъ. То правда, что Гайденѣ, болѣе привязанный къ своему шаланшу, нежели къ своей фортунѣ, довольный своимъ жребіемъ, и по скромности неспособный думать, что онѣ достоинъ взойти на блистательнѣйшую степень, ничего не искалъ, и не умѣлъ бы искашь; но развѣ Императорѣ его не зналъ? развѣ не могъ онѣ первый, безъ всякаго поспороняго внушенія, пожелать добра великому Художнику? Іосифѣ II никогда не забывалъ награждать достоинства; онѣ не забылъ и Гайдена; почно хотѣлъ наименовать его своимъ капельмейстеромъ — но сему возпрепятствовали. Вотъ какъ эшо случилось:

Капельмейстеромъ Императора и вмѣстѣ кафедральной церкви былъ въ то время

нѣкото Газманъ, человекъ безъ всякаго таланта, но искусный интриганъ, зависливый, низкій, коварный и шѣмъ болѣе опасный, что всѣ сѣи пороки были прикрыты личиною добродушія и честности; сему человеку сообщилъ Императоръ свое намѣреніе сдѣлать Гайдена поварникомъ его въ управленіи обоими оркестрами. Газманъ, которому таксе поварничество было страшно, ошѣчалъ Императору съ приговорнымъ своимъ прямодушіемъ: „Ваше Величество, я люблю Гайдена, и радъ такому хорошему соуднику; но починаю обязанностію дать вамъ настоящее понятіе о талантѣ его. Правда, что онъ очень славенъ, и что онъ въ нѣпопорыхъ отношеніяхъ заслуживаетъ славу свою; но онъ не имѣетъ никакого воображенія; онъ крадетъ чужія мысли и передѣлываетъ ихъ такъ искусно, что онъ опасенъ замѣтны для однихъ только знатоковъ музыки, проникнувшихъ во всѣ ея тайны. Никакая музыкальная новость не ускользнетъ отъ его вниманія: слушая музыку, онъ записываетъ всѣ нѣ пассажи, изъ которыхъ можетъ сдѣлать какое нибудь употребленіе для себя, пользуется чужимъ добромъ, и выдаетъ его за свое. Не угодно ли, чтобы я доказалъ это Вашему Величеству? завтра будешь дана новая Опера; авторъ ея имѣетъ великія достоинства; я посажу Гаїца на противъ самой

ложи Вашего Величества, и вамъ легко будетъ замѣчать за нимъ во все продолженіе Оперы.“ — Іосифъ согласился на предложеніе Газмана.

Въ самомъ дѣлѣ Газманъ пригласилъ Гайдена въ Оперу, предваривъ его, что онъ будетъ сидѣть прошивъ самой ложи Императора, котораго онъ давно желалъ видѣть. Вечеру пошли они въ театръ вмѣстѣ. За нѣсколько минутъ до увертюры, Газманъ начинаеъ шарить въ карманъ, и вдругъ восклицаетъ, какъ будто въ досадѣ: какой я вѣтреный! забылъ свои очки и свою музыкальную записную книжку! Императоръ приказалъ мнѣ замѣнить для концертовъ его всѣ лучшія пассажи этой Оперы, которая дается въ первой разѣ; не съ вами ли ваша? — „Со мною, отвѣчаетъ Гайденъ, я никогда не хожу безъ записной книжки (Газману было это очень извѣстно); она необходимо нужна мнѣ для записыванія мыслей, которыя въ головѣ моей пролетаютъ.“ — Возмись же на себя трудъ, продолжаетъ предатель, записывай тебѣ самыя прѣхыя пассажи, которыя вамъ будутъ назначать.“ Гайденъ согласился. Опера началась. Всякой разѣ, когда попадалась блистательная мѣсса или мысли оригинальныя, Газманъ полкалъ колѣномъ Гайдена (условленный между ими знакъ), и Гайденъ принимался запи-

сываць — Имперашоръ все видѣлъ, и въ эту минушу невинный Гайденъ пошерялъ во мнѣнїи его все свое достоинство. Могъ ли Іосифъ вообразить, чтобы его шакъ безсовѣстно обманывали? Впрочемъ и по удивительно, какъ могъ Іосифъ повѣришь Газману, когда цѣлая Европа была судїею Гайденовыхъ дарованїй. Сколько голосовъ возопилибы прошивъ виновнаго, когдабы слава его была основана на однихъ шольно похищенїяхъ! и гдѣ найши шольно прекрасныхъ мыслей, чтобы составишь изъ нихъ шакое множество произведенїй превосходныхъ!

Съ Французскаго, В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сонъ Гафалїи.

(Отрывокъ изъ перевода Расиновой Гафалїи.)

Маeanъ и шы, Абнеръ, внимлите оба мнѣ!
 Чшо дѣлала досель, шого не вспоминаю,
 И крови пролишой причинъ не обьясняю,
 Исполнишь шо сочла я должностью моей.
 Но дерзостный народъ не будешь мнѣ судей.
 Хошь буйностью его въ дѣянїяхъ обвинялась,
 Но небомъ я самимъ довольно оправдалась;
 Успѣхи громкіе мою вѣнчали власшь,
 И Гафалїю чшишь обширна свѣща часшь.

Покой Іерусалимъ узналъ единой мною.
 И гордый Филистинъ, Аравлянинъ толпою
 Набѣгозъ не шворяшъ, не пустошатъ полей,
 Какъ смѣли до меня во времена Царей.
 Я чтима въ Сиріи Царицей и сестрою,
 И люмый врагъ, что родъ мой попиралъ ногою,
 Который угрожалъ меня предать бѣдамъ,
 Надменный Іудъ (*), прещещъ нынѣ самъ,
 И силую врага отъсюду окружаемъ,
 Который на него былъ мной вооружаемъ,
 Владычицей меня страны оставилъ сей.
 Вкушала я плоды премудрости своей.
 Но дней ужъ нѣсколько несносное смущенье
 Отъземлетъ у меня блаженства наслажденье,
 И сонъ (возможно ли превозмощи мнѣ сномъ?),
 Печалью поразивъ, прешитъ владѣть умомъ.
 Стараюсь забыть . . . но онъ вездѣ со мною,
 Покрыто было все ужасной ночи тѣною,
 Іезавели мнѣ представилася тѣнь
 Въ убранствѣхъ, какъ была въ ея послѣдній день;
 Въ ней гордость прежняя отъ бѣдъ не унывала,
 И шюю прелестію она еще блискала,
 Которою лице обыкла украшати,
 Чтобъ лѣшъ своихъ слѣды глубоки сокрывати.
 „Меня досгойна дочь! ты прещещи! вѣщала:
 Добычей злаго ты Евреевъ Бога стала.
 Жалѣю, зря тебя въ опасныхъ столь рукахъ.
 О дочь моя!“ . . . По сихъ ужасныхъ мнѣ словахъ,
 Казалось, тѣнь ея на одрѣ мой наклонялась,
 Обняшь ее, рука моя ужъ проширалась;
 Но вдругъ я обрѣла намѣсто тѣни сей
 Влекуму по землѣ смѣсь плоти и костей:

(*) Въ четвертой книгѣ Царствъ имя сему
 Царю Іууй; но спеченіе четырехъ гласныхъ
 столь неприятно для слуха въ стихахъ, что
 я рѣшилъ его переименовать.

Покрышы кровію , разшёрзанны лежали,
И члены межв собой псы жадны раздбляли.

А б н е р ь .

О Боже !

Г а ф а л і а .

Сей предметъ мой разумъ успрашалъ.
Въ блестящей ризѣ мнѣ младенецъ вдругъ пред-
спалъ.

Одѣшъ онъ сходно былъ съ Еврейскими жрецами.
Ужь зрѣла я его спокойными очами,
И прежній ужасъ мой былъ вовсе позабытъ.
Плѣнялъ меня его прелестный, скромный видъ;
Но скрытый вдругъ кинжалъ въ груди я ощу-
шила ,

Рука его меня имъ тайно поразила.

Соборъ чудесный споль различныхъ видовъ сихъ
Сочтете слѣдствіемъ въ случаевъ однихъ.
Тревожишься пуешымъ спыдилась сновидѣнь-
емъ ,

Я мрачныхъ думъ его сочла произведекъмъ ;
Но сею мыслию смущаясь духъ во мнѣ ,
Два раза призракъ сей предсхавился во снѣ ;
Два раза опрокъ шомъ очамъ моимъ являлся
И сердце мнѣ пронзишь кинжаломъ онъ ста-
рался .

Ужасный сонъ меня вспревожилъ , упомилъ.
Ваала шла просить , чтобъ жизнь мою хранилъ ;
Покоя предъ его искала олшарями .

(Все сдѣлаемъ , когда владѣетъ ужасъ нами .)

Къ Евреямъ въ храмъ шеперь нечаянно вошла,
Ихъ Бога умоляшь не лишнимъ я сочла,
Дарами гнѣвъ его , я мнила , укрошися ;
Каковъ бы ни былъ онъ , надѣялась , смиришся .
Ваала жрецъ , прости , шо слабости былъ плодъ .
Вошла , умолкло все , бѣжитъ опшоль народъ .

Лишь первый жрецъ меня встрѣчаетъ раздра-
 женный,
 Вѣщаетъ мнѣ . . . но взоръ мой, страхомъ по-
 раженный,
 Того младенца зрѣшь, который передъ симъ
 убійцею во снѣ предъставился моимъ.
 Узрѣла я его и въ шой льняной одеждѣ;
 Чершны онъ шѣ имѣлъ, какъ мнѣ являлся прежде;
 Тотъ самый былъ. Жрецу служилъ младенецъ
 сей;
 Но вскорѣ отъ моихъ сокрылся онъ очей.
 Смушая онъ сего ужаснаго предмета,
 Желая изпросить я вашего совѣта,
 Чшо предвѣщаетъ мнѣ, Маѳанъ, сей стра-
 шный сонъ?

А. Пушкинъ.

Р е л и г і я.

Блаженство райское! ушѣха жизни сей!
 Опрада спраждующихъ — Религія свяшая!
 Гдѣ, гдѣ найдемъ предѣлъ мы щедрости
 швоей? . . .
 Когда Ошецъ вѣковъ, міръ бранный украсая,
 Созданье слабое душою одарилъ — —
 Религія! швой лучъ въ грудь смершнаго излилъ.
 Твоею машерней спасаемый рукою,
 Онъ шесшвуешъ, какъ царь, безпрешной
 споюю!
 Закрышаго шобой ни чшо не усшрашишь:
 Предстанешъ ли предъ нимъ Гоненіе и Злоба,
 Или печали часъ шрадальца посѣшишь — —
 Ни чшо, ни самый шрахъ развергшагося гроба,
 Не испребишь его любви къ тебѣ свяшой!
 Ты чешъ его, краса, сокровище, покой!

Пускай, Религія, внутрь сердца забываешь
Тебя безбожникъ злой съ невѣріемъ своимъ — —
Когда повѣстѣ духъ погибели надъ нимъ . . .
Въ мученьяхъ совѣсти безбожникъ исчезаетъ!
Но другъ, но рашникъ швой, котораго жизнь вся
И добродѣтели и Богу посвятившися — —
Пройдя свой срочный путь, смерть райскую
Блаженствомъ вѣчности неслѣбнымъ оза-
рися!

С. Соларевъ.

~~~~~

Г а р м о н і я.

Глаголъ паннственьный Создателя міровъ!
Начало щастія, источникъ наслажденья!
Чей голосъ выразишь швой благотворенья?
Исполненна швоихъ вселенная даровъ.

*

Гармонія! вездѣ меня ты восхищаешь! . . .
Ведешь ли въ шоржествѣ свѣшилъ небесныхъ
хоръ,
Иль въ Эпнѣ пламенной народы ужасаешь, —
Или угрюмо зришь съ вершинъ кремнистыхъ
горъ;

*

Внимаю ли шевѣ шумящихъ водъ въ па-
денья . . .
Въ мечпанья погруженъ, съ унылою душой,
Теряюся временъ въ сумрачномъ спдаленнн
И сладостно мирюсь съ разящею судьбой.

*

Являешься ли ты въ стихіяхъ раздражен-
ныхъ,
Въ блистаньяхъ молніи, средь грохота гро-
мовъ —
Недвижимъ, на скалахъ, вѣками разрушенныхъ,
Дивлюся, шрепеща, Властителю міровъ!

*

Разлукуль колоколъ печальный возбъ-
щаетъ,
Въ безвѣстности самой швой слышимъ див-
ный гласъ;
Звучишь — и слезы извлекаешь,
Наводишь грозное уныніе на насъ.

*

Великихъ ли дѣла Зардъ славить вдохно-
венный:
Зрю пламень лютыхъ битвъ на гибельныхъ
поляхъ;
Полки спираются, летятъ ожесточенны
Пушемъ честей, побѣдъ, жить въ будущихъ
вѣкахъ.

*

Но крошкій миръ низшелъ — жаръ bran-
ный пагасаетъ,
Смягчившись воинъ зришь на милую, на чадъ,
Къ шрепещущей груди любезныхъ прижимаетъ,
Льешь слезы — щипъ, копье повержены ле-
жатъ.

*

Кшо, кто не чувствовалъ твоихъ бла-
гошвореній?
Гармонія! речешъ — преспалъ стихій раздоръ!..
Сынъ шлбнія, игра судьбъ и заблужденій,
Подъземлещъ ко Творцу свой благодарный
взоръ.

*

Неизъяснимая! зарею пробужденный,
Невинный селянинъ, въ палящій лѣта зной,
Съ серпомъ блистающимъ на нивѣ, упомен-
ный —
Не чувствуешь прудовъ — обвороженъ шобой!

*

Раздался тихій звукъ пастушеской сви-
рѣли —
Гремящіе рога вшорятся надъ рѣкой! . . .
Красавицы села, оставивъ мирны сѣни,
Безпечно рѣзвяхся въ шѣни дубовъ густой.

*

Сіяніемъ луны сребристой озаренны,
Вкушаютъ сладкіе дары твоихъ опрадъ;
Спокойны, безъ заботъ, поской неомраченны,
Желаньемъ дальнихъ благъ себя не шягошашъ.

*

И я, узнавъ твои святыя наслажденья,
Тебѣ дни юности прелестной посвящаль:
Щастливый, радостный, въ восторгахъ вдо-
хновенья,
Я пѣсню своей свѣшило дня вспрѣчалъ.

*

Осеннеюль порой, угрюмоюль зимою,
Пою . . . вокругъ меня почіющій шуманъ;
Въ степяхъ шумящій вѣтръ, громъ, бури съ
черной мглою,
Снябющій вдали безбрежный Океанъ.

*

Во ужасы, во хладъ Природа облакаясь,
Павняешь грозною своею красою!
И вѣчность сшрогая, сквозь тьму временъ
являясь,
Съ улыбкой кажешь мнѣ на камень гробовой!

*

Ахъ! естли рокъ судилъ мнѣ жертвой
бышь спраданій,
Въ мученіяхъ, въ шокѣ всечасно умирашь,
Бышь чуждымъ, сиротой въ жилищѣ испытаній,
Вездѣ безчувственностъ, гоненія срѣщаешь :

*

Прости свой взоръ ко мнѣ, Гармонія свящая!
Съ шобой вездѣ найду ошраду и покой.
Кшо, кшо не пронешся, швой сладкій гласъ
внимая,
Кшо не почишь пѣвца, любимаго шобой?

*

Самъ Богъ къ пѣвцамъ швоимъ вниманіе
склоняешь;
Ихъ лирою злашой и камень оживленъ.
Поюшь — вездѣ воспоргъ, и горестъ ушпихаешь;
Поюшь — подземный міръ и Церберъ усыпленъ.

*

Безмершье въ ихъ успахъ! . . . гряду-
щимъ поколѣньямъ
Прошекиши доблести ихъ голосъ возвѣстишь;
Мелькнушь шполѣтня! . . . но звукъ ихъ пѣ-
снопѣнья
И въ разрушеніи вселенной возгремишь.

*

Погибнушь ли въ бояхъ, иль, жизнью удру-
ченны,
Взойдушъ во свѣшлыя обипели ошцовъ:
Ихъ будешь прахъ священъ! . . . и гробы
ихъ священны
Не могушь низложишь порывы всѣхъ вѣковъ.

*

Туда пишомецъ Музъ, чувствительный
душою,
Придешь, — могилы ихъ слезами окропишь;

Возбудитъ лирный звукъ могущею рукою,
И снова славу ихъ въ попомствѣ оживитъ!

Аркадій Родзянка.

О б ъ я в л е н і е.

Разыгрывашъ на дняхъ новѣйшу Драмму спа-
нушъ.

Сумбуръ, шворецъ ея, ручаешься собой,
Что слёзы зрители польютъ рѣка-рѣкой,
Что волосы у нихъ отъ страха дыбомъ спа-
нушъ!

Актъ первый: шрубный гласъ, громъ пушекъ,
Барабаны,

Кровавая война, сраженье, вопли, раны. . . .
Въ дали кладбище, гошпизаль. . . .

Второй актъ: дождь, гроза, распрепанна печаль.

По сценѣ бѣгаетъ и водитъ за собою

Свояка голода съ сестрицею чумою;

И съ ревомъ рыскающъ медвѣди, львы въ лѣ-
сахъ.

Актъ третій: ужасъ! страхъ!

Землетрясеніе и преставленье свѣта. . . .

Смерть одинокая, во вдовій крепъ одѣша,

Хоронитъ человѣчій родъ!

Финаль: балетъ чершей, и фурій хоровадь.

. . . В. . . .

Быль въ преисподней.

„Кто тамъ спучится въ дверь?
 Воскликнулъ Сатана — мнѣ недосугъ пеперь!“
 — Се я, пѣвецъ ночей, шахматно-пѣгій Геній!
 Бибрисъ; меня занесъ къ вамъ въ полночь въ шпръ
 осенній,
 Погрѣться дайте мнѣ; слезишъ дождь въ уши
 мнѣ! —
 „Что врѣшь ты за-сумбуръ? Кто ты? Тебя
 не знаютъ!“
 Ага! здѣсь видно такъ, какъ и на той сипранѣ,
 Покойникъ говоришъ, меня не понимаютъ!

. . . . В. . . .

Къ портрету Меньщикова.

Какъ волны, намъ дары форшуну ненадежны.
 Счастливецъ, не гордись!
 Царевы милости съ погибелію смежны!
 Взгляни на образъ сей . . . и щаспія спрашисъ.

. . . . В. . . .

Къ портрету Бибриса.

Нѣшъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ;
 Изъ смертныхъ - бо никто его не разумѣлъ.

. . . . В. . . .

Къ Эльвиру.

Съ шобой вспрѣчаяся, я радуюсь сердечно;
Въ оицусушствѣи швоемъ не лъзя мнѣ не скучать!
Эльвира, я шебя желалъ бы видѣшь вѣчно;
Иль вовсе не видашь.

. . . . В. . . .

Эпиграммы.

1.

О Ваксинъ! Музъ несчастный другъ,
Ты авторъ и супругъ;
Два рода чадъ шобой шворятся:
Одни родяшся, поживушь,
Потомъ умрушь;
Другія мершвые родяшся.

П . . . . Л . . . свѣ,

2.

Какъ скученъ авторъ сей
Въ веселости своей!
Какъ въ прошолѣ пришворенъ!
Какъ въ легкости своей шажелъ и непрворенъ!
Какъ онъ шановишся всегда
Предъ малымъ сочиненьемъ
Съ великимъ предувѣдомленьемъ;
Въ букесахъ *мажъ* одинъ, въ улыбкахъ *слѣдѣ*
труда;
Сжѣюся, говоришь, и что же? онъ зѣваетъ!
И всѣмъ, кто вѣришь пожелаешъ,
Разскажешъ самъ,

Что онъ щасливой обожаешь ;
Но вѣришь ежели спихамъ,
Какъ жалки будущъ намъ
Его любовница , или его чихашель !

П. Л. . . . евъ.

Э л е г і я .

(Подражаніе Парни.)

Ко мнѣ свой нѣжной взоръ склонила,
Велѣла слезы опереть
И кляшвы снова подшвердила,
Любовью вѣчною горѣшь.
Послѣдній поцѣлуй свободно
Былъ данъ мнѣ въ подшвержденье словъ:
Какъ обманушь того удобно,
Кшо бышь обманушымъ гошовъ!

И взоры, робко пощупленны,
И нѣжности исполненъ гласъ,
И на устахъ напечатлѣнный
Съ восторгомъ поцѣлуй не разъ:
Все это не любовь — искусство;
Я имъ до днесь обманушъ былъ;
Ее съ моимъ ровнялъ я чувство.
Я слабости богошворилъ;
Объшовъ смѣлымъ подозрѣнемъ
Не оскорблялъ я никогда;
Ахъ! самымъ лучшимъ увѣренемъ
Казались ласки мнѣ всегда.

Мое шеря заблужденье,
Теряю прелестъ жизни всей:

И въ сердцѣ къ людямъ отвращенье
Со дня невѣрности швоей.
Другимъ желань я предоставилъ
Любви обманчивыхъ забавъ:
Ахъ! лучше бы я жизнь оставилъ,
Заражъ, щастья не узнавъ!

П. Л.

~~~~~

Ложный страхъ.

(*Подражаніе Парни.*)

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный!
Какъ съ Амурами пишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о другъ мой вѣжнѣй!
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась — но слегка?
Слышенъ шумъ! ты испугалась!
Свѣтъ блеснулъ, и въ мглѣ погасъ;
Ты къ груди моей прижалась,
Чушь дыша . . . блаженный часъ!
Ты пугалась; я смѣялся.
„Намъ ли вѣдашь, Хлоя, страхъ!
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокомъ!
„Все почило сладкимъ сномъ!
„Дремлешь аргусъ помнымъ окомъ
„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
Рано упренія розы
Запылали въ небесахъ. . . .
Но любви безцѣнны слѣзы,
Но улыбка на устахъ,

Томно перей волнованье
 Подъ прозрачнымъ полошномъ,
 Молча, новое свиданье
 Обѣщали вечеркомъ.
 Естѣлибъ Зевсова десница
 Миѣ вручила ночь и день,
 Позднобъ юная денница
 Прогоняла черну шѣнь!
 Позднобъ солнце выходило
 На восточное крыльцо;
 Чуть блеснулобъ, и сокрыло
 За лѣсѣ рдяное лицо;
 Долгобъ шѣни пролежали
 Влажной ночи на поляхъ,
 Долгобъ смершныя вкушали
 Сладоспращіе въ мечтахъ.
 Дружбѣ дамъ я часѣ единый,
 Вакху часѣ и сну другой;
 Остальноюжь половиной
 Подѣляюсь, мой другъ, съ шобой! —

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
 В А Я Н І Е.  
 ~~~~~

О наголтѣ спалтуй и обѣ ихъ одеждѣ.

Въ ваятельномъ искусствѣ множество
 запрудненій встрѣчаешся, касательна на-

блюденія народной одежды. Съ давняго времени споряшъ, какъ далеко и при какихъ обстоятельствахъ можно уклоняшсь отъ обыкновенія, и замѣнять нынѣшнюю одежду или нагошю, или Греческимъ и Римскимъ уберомъ. Не легко рѣшишь сїю важную задачу. У каждаго свои требованія. Одинъ неперпишъ пугвицъ; другой нехочетъ видѣть лиственнѣ винограднаго дерева. Трудно согласишь всѣ прошивныя мнѣнїя; однакожь мы попытаемъ разсмотрѣшь сїю задачу. Осмѣлимся объявишь мысли свои о шагомъ предметѣ, въ спорѣ до нынѣ еще не объясненъ людьми учеными и проникательными.

Придерживаясь методическаго порядка, за нужное почишаемъ сперва изслѣдовать, какія обыкновенія, какія причины побуждали Грековъ и Римлянъ представляшь нагими героевъ своихъ и мужей знаменитыхъ; потомъ рассмотримъ приличїя; далѣе приступимъ къ тому, какую пользу найдеть для себя историкъ въ точности сдѣжды на общественныхъ памяшникахъ; на послѣдокъ разберемъ, что наиболее выгодно для успѣховъ искусства.

Обыкновенїе Греческихъ ваятелей представляшь боговъ своихъ и героевъ совѣмъ нагими, безъ сомнѣнїя, очень много сдѣйствовало успѣхамъ ваятельнаго искусства.

Но сіе обыкновеніе возникло отъ особенной побудишельной причины. Греки всегда уважали шѣлесную крѣпость и проворство, предпочитая ихъ другимъ пріобрѣщеннымъ способностямъ. Весьма понятно, что народъ немногочисленный дорожилъ сими качествами, удобнѣйшими къ сохраненію бытія полипического, и что, дабы достигнуть вождельной своей цѣли, съ особливою привязанностію занимался всѣмъ шѣмъ, что могло служить къ усовершенствованію силъ шѣлесныхъ. Спашуи аплеповъ, одержавшихъ побѣду на играхъ гимнастическихъ, вѣроятно были первымъ произведеніемъ ваяшельнаго искусства. Побѣда на Олимпійскихъ играхъ въ Аѣинахъ и въ Спартѣ почитаема была за верхъ счастья, до какого смертному достигнуть возможно, и побѣдителямъ воздавались отличнѣйшія почести. Художники должны были изображать сихъ аплеповъ нагими, точно въ шакомъ видѣ, въ какомъ являлись они на мѣстѣ позорища. Послѣ того, когда надлежало изображать героевъ, они подумали, что для сохраненія приличности и для достоинства образцовъ необходимо нужно представлять ихъ также нагими. Распространился кругъ просвѣщенія; почтеніе къ умственнымъ качествамъ заслужило мѣсто уваженія, дополъ воздаваемого способностямъ шѣлеснымъ; аплепы поше-

ряли уже прежнюю важность свою у людей благомыслящихъ и ученыхъ; но народъ не переставалъ имѣть къ нимъ почтеніе. Въ Греческихъ республикахъ, даже во время цвѣтущаго, ихъ благосостоянія, содержали аплеповъ. Когда привычка изображать героевъ нагими сдѣлалась общою; по художники, для выгодъ своихъ сохраняя сіе обыкновеніе, представляли въ такомъ же видѣ боговъ и героевъ обоготворенныхъ послѣ смерти.

Несправедливо было бы возражать противу сказаннаго шѣмъ, что статуи Локона, Помпея, Агриппы и другихъ обоготворенныхъ Грековъ и Римлянъ сдѣланы также нагими; ещо было сдѣлано, или лучше сказать, употребленіемъ во зло обыкновенія, отъ вышеупомянутыхъ причинъ возникшаго, и поддерживаемаго честолюбіемъ самыхъ шѣхъ людей, кои заказывали художникамъ работать свои статуи. Цицеронъ упрекаетъ Верреса, что въ Сиракузахъ воздвигъ нагійу статую въ честь своему сыну. Замѣтивъ еще должно, что люди въ теплыхъ странахъ жившіе и пріобыкшіе видѣть нагошу, не могли бытъ слишкомъ разборчивы въ сужденіи благоприспособности. Даже многіе Греческіе Философы являлись въ обществѣхъ, имѣя на себѣ одну епанчу и родъ нижняго плащя,

а молодые люди въ жаркое время занимались гимнастическими упражненіями почти совсѣмъ нагѣ. Обычай Грековъ и Римлянъ, одежда ихъ, жаркой климатъ, привычка во всякое время смотрѣть на обнаженные члены шѣла, а особливо у Грековъ, заставляли ваятелей употреблять нагошу во многихъ своихъ произведеніяхъ, и зрители не могли досадовать на смѣлость художниковъ.

Объ одеждѣ народовъ можно по же сказать, что объ ихъ жилищахъ: почти всегда плашье и дома дѣлаются, смотря по климату. Чѣмъ ближе народъ къ равноденственной линіи, тѣмъ легче его одежда и тѣмъ болѣе обнажаетъ онъ у себя члены шѣла, выключая только нѣкошорыя несходства у восточныхъ народовъ, зависящія отъ разныхъ обыкновеній и другихъ причинъ побудительныхъ. Разность званія очевидно также располагаетъ различіемъ одежды: законодатель, верховный начальникъ, священнослужитель должны быть изображаемы въ длинной одеждѣ, которая показываетъ сановитую важность; напротивъ пого война и всякаго другаго человека, въ обыкновенной работѣ упражняющагося, приличнее одѣваться въ короткое плашье.

Весьма непрощительно въ нашихъ произведеніяхъ искусствѣ слѣпо и безъ разсужденія перенимають у Грековъ и Римлянъ покрой одежды: нравы ихъ и обычаи отъ нашихъ совершенно отличны; сверхъ того древніе были не безъ предразсудковъ; они часто могли ошибаться; и не смѣшно ли подражать имъ въ самыхъ даже ошибкахъ? Снажемъ опроверженно, что едва ли можно одобрять обыкновеніе ихъ въ произведеніяхъ историческаго содержанія представлять аллегорическія или мифологическія фигуры, для того только чтобы употребить нагошу шѣла; такая смѣсь разнородныхъ частей болѣе пошлѣе, нежели объясняетъ смыслъ изображенія. Равнымъ образомъ сюда принадлежатъ и лоскушки плащя, инокшорыми древними ваятелями привѣшенныя къ плечамъ или къ другимъ членамъ спашуи, для того, какъ думаютъ, чтобы шѣмъ показатъ званіе изображенной особы, или напомнить, что ее должно почитать одѣшною. Сіи лоскушки, которыми обезображены древнія спашуи, и между прочими Помпея и Марка Аврелія, производятъ весьма худое впечатлѣніе, и ничего пріятнаго не выражаютъ.

Обративши вниманіе свое на приличіе, шощасъ увидимъ, что ни въ какомъ случаѣ не должно представлять нагими людей

высокаго сына, не упоминая даже, что сіе было бы несовмѣстно съ благоприспѣйностию. Мужичи управляющіе судьбою другихъ и въ художественныхъ произведеніяхъ и въ дѣйствіи должны внушать къ себѣ уваженіе, а особливо среди народа; гдѣ же болѣе они видимы бывающъ, какъ не въ памятникѣ общественныхъ? Не надобно смѣшивашь Государя, начальника, полководца, съ философомъ, съ ученымъ, съ художникомъ. Одни должны торжественно являться не иначе какъ со всѣми знаками своего сана, и наружностію своею возбуждаютъ благоговѣніе; другіе напротивъ того бывающъ въ средоточіи славы своей, находясь въ кабинетѣ, въ лабораторіи или въ рабочей. Искусный художникъ, оспавившій намъ образецъ Пуссеновой шапуи, живо чувствовалъ сію истину. Онъ схватилъ пу минушу, когда славный живописецъ, по обыкновенію жипелей Испаліи, ногой вскочивши съ постели и закрывшись до половины пѣла епанчею, въ восторгѣ рисуешь планъ мастерскаго произведенія, въ головѣ его родившійся. Выдумка прекрасная, уму шворческому принадлежащая! Предсшавши Пуссеня совершенно голымъ, художникъ погрѣшилъ бы противъ благоприспѣйности.

Пигаль изваялъ Вольпера нагимъ. Сей художникъ изобрѣлъ планъ по вдохновенію;

всѣ были довольны, и въ короткое время собрано подпискою много денегъ: но разсудивши, скоро каждой почувствовалъ спранный шапкаго памятникъ. Вотъ почему двадцать пять лѣтъ не находили мѣста для Вольперовой шапки; теперь она помещена въ библиотекѣ Института. Разумѣется, что наружность сухого шарика для глазъ очень непріятна. Можетъ быть скажутъ, для чего бы не представили Вольпера подъ баснословною эмблемою? Но тогда надлежало бы дать ему другую голову; ибо очень понятно, какая спранный вышла бы противоположность между сухою головою Вольпера и шуловищемъ какой-нибудь аллегорической фигуры. О непріятномъ дѣйствіи, производимомъ новыми головами на древнихъ шуловищахъ, можно судить по Геркулесу въ парикѣ, что у воровъ Св. Марыина, хотя въ прочемъ Лудовикъ XIV имѣлъ прекрасную голову и вообще былъ спроенъ. Нѣкоторые крипики думаютъ, что парикъ испортилъ всю шапку. Не худо однакожь здѣсь замѣнить, что головной уборъ сей употребленъ былъ для шѣхъ же самыхъ причинъ, для которыхъ древніе художники прикладывали лоскушки одежды къ нагимъ шапкамъ. Вѣроятно, по снятіи парика, никто болѣе уже не узналъ бы Лудовика XIV; ибо извѣстно, какъ много прибавляютъ сходства плащю, положе-

нѣе шѣла и особливо головной уборѣ. Приложише новую голову къ нагому шуловицу, копя бы во всемъ совершенному; ваща спашуя почти всегда будетъ отвращительна, очень далека стѣ совершенства. Чѣобы избѣжашь сего неудобства, должно вамъ дополнить сходствомъ лица то, чего недоспаешъ въ одеждѣ; но и тогда спашуя ваща будетъ обыкновеннымъ плодомъ воображенія. Въ одномъ мѣстѣ хранишя мраморная Белведерскаго Аполлона спашуя, къ которой послѣ приспавили голову Людовика XV; къ древней спашуѣ Діаниной также придѣлана была голова сперва Г-жи Помпадурѣ, потомъ Г-жи Дюбарри; не лзя на нихъ взглянуть безъ смѣха. Сїи головы, впрочемъ весьма пригожія, вовсе не приспали къ шуловицамъ.

При всемъ уваженіи къ древности, не лзя не признашья, что голова спашуи, несправедливо называемой Германиковою, находишя не у мѣста, будучи приложена къ шуловицу очень правильному и красивому. Вѣроятно, сїя спашуя, и шѣ о которыхъ выше упомянушо, сдѣланы были для украшенія будуара въ какомъ-нибудь небольшомъ домикѣ, а отнюдь не для того чѣобы служить общественнымъ памятникомъ. Правитель Королевства, Дюкъ Орлеанскій, приказалъ написать себя тогда

въ видѣ Адама, а Г-жу Параберъ въ видѣ Евы: всѣмъ извѣстна сѣя картина Саншерровой работы; но она также была предназначена для будуара. Дюкъ въ то же время раздавалъ порплеты свои и бюсны высшимъ мѣстамъ правительсва; не нужно сказывать, что въ изображеніяхъ сихъ была сохранена та одежда, въ какой Правитель являлся при торжественныхъ случаяхъ. Не оканчивая сей части нашего разсужденія, дозволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о Латынскихъ надписяхъ, копорыя и теперь еще ставятся на общесвенныхъ памянникахъ. Сдѣлаемъ одно только замѣчаніе: къ чему служатъ сїи надписи? Не для показанія ли проходящимъ или побудительной причины, по копорой воздвигнутъ памянникъ, или конца, для копораго онъ предназначенъ? Теперь спрашивается: разуметь ли двадцатая часть проходящихъ людей по Латынъ, и не смѣшно ли говорить къ народу на такомъ языкѣ, копораго онъ непонимаетъ? Проспительно ли Французамъ до такой степени неуважать своего собственнаго языка, прославленнаго твореніями Расиновъ и Фенелоновъ?

Въ разсужденіи исторической истины, мы думаемъ, что строгую точность наблюдать должно въ одеждѣ не менѣ какъ

и въ благоприспособности. Можно ли пер-
 пьшь, чтобы въ Государствѣ, обогащенномъ
 художественными произведеніями, равняю-
 щимися Греческимъ и Римскимъ, прекра-
 снѣйшія сшашуи были обезображиваемы не-
 сохраненіемъ правдоподобія и обыновенія
 касательно одежды? Перенималиль Греки
 у Египтянъ, предшественниковъ своихъ въ
 искусстввахъ, одежду ихъ, или смѣшныя
 предразсудки, которыми отличались ихъ
 произведенія? Говоряшь, что въ одеждѣ
 Грековъ и Римлянъ болѣе живописной прѣ-
 ятности, нежели въ нашей, и что нагота
 въ ваятельномъ искусствѣ представляеть
 болѣе красотъ для художника. Положимъ,
 что это правда; однакожь обычаи наши,
 нравы и климатъ походятъ ли на Грече-
 скіе и Римскіе? Такъ ли у насъ одѣвающя
 воины и такъ ли сражаются, какъ у древ-
 нихъ? Извѣстно, чѣмъ Испорія одолжена
 медлямъ и древнимъ памятникамъ, безъ
 которыхъ многое оспалось бы для насъ за-
 крытымъ. Къ чему же послужають художе-
 ственныя произведенія насюящаго времени,
 ежели правнуки наши не найдуть въ нихъ
 истины испорической? Судя по замѣшатель-
 ству и неудобствамъ, съ которыми борюш-
 ся нынѣшніе антикваріи, легко можемъ
 представить себѣ, въ какомъ затрудни-
 тельномъ положеніи будуще находитья
 грядущихъ временъ испытатели древности,

разбирая смѣсь наготы, одежды героической, одежды Греческой, Римской и Французской! Не безъ причины опасаться можно, что наши спашуи будущѣ походить на историческіе романы, въ которыхъ нравы и обычаи героев, превращенныхъ по волѣ сочинителей, искажены спольво же какъ и напоминаемая ими происшествія. Не странно ли наблюдашь спрогую точность въ изображеніи одежды древнихъ народовъ, коихъ дѣянїя сохраняются художниками нашими или на холстѣ, или на шелпрѣ, и незабопишь о представленіи въ надлежащемъ видѣ того, что у насъ передъ глазами?

Во Франціи нынѣ занимающа опыскиваніемъ малѣйшихъ слѣдовъ Цельпическихъ памятниковъ, для того чптобы получить сполько-нибудь свѣдѣній объ Исторіи древнихъ Цельповъ. Безобразной камень, на которомъ найдены едва примѣтныя черпы надписи, даешъ случай къ сочиненію пространнаго разсужденія. О какой-нибудь медали, на которой почти всѣ признаки шерпы временемъ, пишутъ цѣлые томы. Сїи замѣчанія должны убѣдить всякаго, споль важна для Исторіи точность одежды, представляемой художниками.

Оспяется изслѣдовать, до какой спени художники могутъ отспупать ошѣ

спрогой истины, и необходима ли нагота для успѣховъ ваятельнаго искусства. Признаемся, что мы упустили удобный случай имѣть свою національную одежду, а въ большему сожалѣнiю случай сей былъ тѣмъ для насъ благопріятнѣе, что художества и вкусъ пріобрѣли уже великіе успѣхи. Можемъ однакожь утѣшать себя, что люди съ истиннымъ дарованіемъ умѣютъ пользоваться всякою одеждою: доказательствомъ служатъ многія статуи, картины и оброчной работы изображенія, въ которыхъ нынѣшніе художники сохранили національную одежду; проницательностію ума своего и тонкостію вкуса они замѣнили все, что могло бы въ одеждѣ нашего времени казаться непріятнымъ. Какъ женщина, которая желаетъ нравиться, не уклоняясь отъ моды, иногда очень странной, умѣетъ находить способы казаться всегда прелестною; такъ искусной художникъ можетъ представить нынѣшнюю одежду въ пріятномъ видѣ, отбѣгая нѣкошорыя излишнія мѣлочи, но не уклоняясь отъ правдоподобія. Сверхъ того непостоянство моды нашихъ живописцамъ и ваятелямъ даетъ множество способовъ избѣгать непріятностей, и позволяетъ имъ выбирать приличнѣйшую одежду, не нарушая исторической точности.

Часто говорятъ, что неискусный художникъ можетъ скрывать свое невѣжество

подъ стѣбами одежды; но не рѣдко случаетъ ся также, что безъ ея помощи онъ обнаруживаетъ все свое невѣжество. Впрочемъ посредственный художникъ никого не обманетъ; взглянувши на руку или на палецъ, знающъ тотчасъ замѣтитъ его неспособность. Согласимся, что для искуснаго изображенія одежды потребно великое дарованіе, а особливо когда ею закрыты части тѣла съ намѣреніемъ показать ихъ формы и выпуклости; согласимся также, что галерея, наполненная однѣми только нагими фигурами, была бы до крайности упомишерна, и что сравненіе въ ней фигуръ новыхъ съ древними всегда оказывалось бы въ пользу первыхъ; однакожь для ваятелей все еще останется много случаевъ показать свое искусство въ изображеніи нагаго тѣла. Какое обширное поле предлежитъ имъ въ Мифологіи и въ аллегорическихъ предметахъ, а особливо когда употребляютъ ихъ въ спящи или въ надгробныхъ памятникахъ, или при другихъ обстоятельствахъ, коими вкусъ и разборчивость могутъ воспользоваться!

Ваятель неимѣетъ тѣхъ способовъ разнообразія, какіе имѣетъ живописецъ; послѣдній, почти всегда располагая большимъ количествомъ фигуръ для обогащенія своей картины, можетъ еще прибавлять разные

предметы на грунтѣ, какіе почтеть приличными. Если прибавишь къ симъ выгодамъ прелесть красокъ и очаровательное ихъ дѣйствіе; то легко можно удостовериться, что для ваятеля одна только одежда есть такое пособіе, которымъ онъ располагать можетъ въ свою пользу, и безъ котораго оспался бы онъ въ запруднительномъ положеніи, неимѣя выгодъ самыхъ необходимыхъ.

Выбирая для себя предметъ или дѣйствіе, художникъ долженъ всегда пользоваться благопріятнѣйшею минушою. Живописецъ, приготавливаясь писать сраженіе, предпочтительнѣе долженъ выбрать для себя схватку конницы, а не перестрѣлку пѣхотныхъ батальоновъ. Въ первомъ случаѣ разнообразіе положеній, ярость рашущихъ, быстрое движеніе коней подадутъ ему болѣе возможности показать свое искусство; напрошивъ того во второмъ образіе рядовъ и сходство фигуръ не общающъ сильнаго впечатлѣнія. Но ежели бы искуснаго художника заславили написать и такую картину; онъ воспользуется спорными предметами, или, буде можно, схватитъ мгновеніе, когда разорванные ряды пѣхоты представляющъ живописной безпорядокъ.

Какихъ пособій не найдетъ художникъ въ обширныхъ свѣдѣніяхъ при оплечномъ

дарованіи? Ежели бы не сохранилось никакихъ преданій объ одеждахъ народовъ, которые должны бышь представлены въ изображеніи; для него довольно знать исторію ихъ, нравы, обычаи, мѣсто жительства, и онъ почти угадаешь, какъ они одѣвались. Между тѣмъ какъ испытатель древностей ходишь ощупью въ потемкахъ, желая опираться подвѣржавчиною времени значеніе какой-нибудь сшашу или происхожденіе памятника, художникъ, при глубокихъ свѣдѣніяхъ въ Археологіи, одаренный особенно проницательностію, вдругъ объясняетъ многія трудности и сомнительныя предположенія замѣняетъ достовѣрностію.

И такъ послѣ всего, о чемъ выше предложено, мы думаемъ, что художникъ, которому поручено соорудить общественный памятникъ или сдѣлать сшашую мужа высокими достоинствомъ облеченнаго, не долженъ представлять его ни нагимъ ни въ одеждахъ, неприличной его сану. То же самое сказать можемъ и объ историческомъ содержаніи. Въ прочемъ, по нашему мнѣнію, художникъ воленъ, но только всегда съ осторожностію, пользоваться сими пособіями и при удобномъ случаѣ употреблять аллегорію и мифологію, никакъ однакожь не дерзая нарушать надлежащей приличности.

Понсъ. (Съ Франц. М.)

III. К Р И Т И К А.

*Записки историческія , политическія и военныя о Россіи съ 1727
до 1744 годъ (*).*

Манштейнскыя Записки о Россіи давно уже извѣстны любителямъ отечественной Исторіи, которые могли читать ихъ или въ Нѣмецкомъ подлинникѣ, или во Французскомъ переводѣ. Не безъ основательной причины многіе жаловались, почему для всей Русской публики остающа въ неизвѣстности записки, содержащія въ себѣ произшествія самаго любопытнѣйшаго періода времени. Теперь жалобы сіи должны уничтожиться, или по крайней мѣрѣ уменьшиться. Можемъ замѣтить, что не одна только безопасность издателей и переводчиковъ спѣсняетъ кругъ историческихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ; большею частію какое-то странное опасеніе и кри-

(*) Сочиненныя Г. Манштейномъ, бывшимъ въ Россійско - Императорской и Прусско - Королевской службахъ. Переводъ. Въ 4 Частяхъ. Изданіе М. Мапушкина. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1310.

вые толки людей до излишества щекопливых, охочихъ предвѣщать бѣды и напасти, лишаютъ цѣлое общество полезныхъ сочиненій. Не уже ли выгоднѣе чипать дѣянїя Царя Іоанна Васильевича на Французскомъ языкѣ въ напечатанной Левековой Исторїи, кошорую вездѣ можно купить за обыкновенную цѣну, нежели на Русскомъ въ неисправномъ рукописномъ сочиненїи Князя Курбскаго, сочиненїи столько же извѣстномъ какъ и Левекова Исторїя? Не уже ли всяксий чипатель непременно долженъ вѣрить всему, что находитъ въ печатной книгѣ? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самую несправедливую клевету надобно сдѣлать всѣмъ извѣстною, чтобы тѣмъ удобнѣе показать ее свѣшувъ въ настоящемъ гнусномъ ея видѣ. Просвѣщенной, крипическимъ умомъ одаренной чипатель не соблазнился ложнымъ повѣствованїемъ, ибо у него всегда гшповы пропироположныя доказательства; между тѣмъ онъ хочетъ знать заблужденїя, принадлежащїя какъ самому сочинителю, такъ и людямъ, кошорые жили съ нимъ въ одно время.

Неимѣя передъ собою подлинника, мы не можемъ сказать рѣшишельно, все ли помѣщено въ семъ переводѣ Манштейновыхъ Записокъ о Россїи; увѣряемъ однакожь, что въ

нихъ содержишься безприсѣрасное описаніе многихъ весьма важныхъ и пошому очень любопытныхъ событій. Записки сами собою не составляющъ Исторіи; онѣ только служатъ для нее матеріаломъ; слѣдственно не должно искашь въ нихъ ни особеннаго плана, ни системы, ни описаній, ни слога, исключительно достоинству самой Исторіи принадлежащихъ. Еще прибавимъ, что опъ Манштейна, какъ не опъ природнаго Россіянина, не должно требовать строгой точности памъ, гдѣ онъ хочеть блистать знаніями своими въ Русской Исторіи; довольно, ежели онъ вѣрно и хорошо рассказываетъ о тѣхъ происшествіяхъ, копорыхъ самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, или о копорыхъ могъ имѣть достоверныя свѣдѣнія. Манштейнъ съ 1736 года находился въ Россійской службѣ, и былъ въ походахъ противъ Турковъ и Ташаръ съ арміею подъ предводительствомъ Генераль-Фельдмаршала Графа Миниха. По заключеніи мира онъ опредѣленъ въ Генеральсв-Адьютанты къ Миниху, и живучи въ Петербургѣ, былъ исполнителемъ важныхъ предпріятій сего военачальника и царедворца. Между прочимъ Манштейну поручено было взять подъ караулъ Бирона, Герцога Курляндскаго, Правителя Имперіи при малолѣтнемъ Іоаннѣ. Служба его въ Россіи продолжалась до 1743 году, въ ко-

шпоромъ долженъ былъ онъ , по спешившимся обстоятельствомъ , искать другаго убійца. Онъ убитъ въ сраженіи противъ Австрийцовъ , находясь въ Прусской службѣ.

Можно себѣ представить, какія важныя происшествія сохранены въ Манштейновыхъ Запискахъ, и какой достопамятной промежутокъ времени содержится между 1727 и 1744 годами. Вспуленіе на престолъ Петра II, несчастной жребій Меншикова и Долгорукихъ, избраніе Императрицы Анны, правленіе сея Государыни, военныя происшествія, могущество безчеловѣчнаго Бирона, правленіе Принцессы Анны, воцареніе Императрицы Елисаветы, разныя перемѣны въ министерствѣ, разныя любопытныя происшествія описаны Манштейномъ такъ хорошо, что читая книгу его вы не имѣете причины сомнѣваться въ истинѣ; напрошивъ того вездѣ видите опытнаго наблюдателя, видите человека знающаго исторію своего времени, и умѣющаго пересказывать.

Пріятнѣйшимъ долгомъ себѣ спавимъ торжественно пожелать, чтобы при шпоромъ сихъ Записокъ изданіи (а въ немъ безъ сомнѣнія окажется надобность, и можете быть очень скоро) со стороны издателя взяты были мѣры къ исправленію не-

ревода, копорой не вездѣ чистѣ, и имѣетѣ мѣспа, обнаруживающія небреженіе господина переводчика. Хоршо ли, на примѣрѣ, въ полезной книгѣ, содержащей въ себѣ матеріялы для опечествленной нашей Исторіи, находишь слова: Архіепископѣ *Гнесень* (*), вмѣсто Архіепископѣ Гнѣзненскій (отѣ города *Гнѣзно*); Князья *Висновциѣ* (**), вмѣсто Вишнѣвецкіѣ; *оскудилѣ* сѣвспные принасы (***) ; *узражнялись болѣе грабилѣ и жечь* деревни (****); янычара по временамѣ перебѣжали черезѣ рѣку въ небольшихѣ судахѣ на *Шармюцельнѣ* сѣ легкими войсками на форпоспахѣ (*****); Калчанѣ Паша и Султанѣ Бѣлогородскій выслали небольшойя паршіи на *Шармюцель* сѣ козаками (*****)? Нѣмецкое слово, копорое значить легкую сшибку или переспрѣлку, изковеркано и безѣ всякой надобности упопрѣблено въ Русскомѣ слогѣ. Еще первое отдѣленіе перешло у Конспанпинова (*****), второе у *Лалишева* (ш. е. Лепичева), третіѣ у Мендцибоша (ш. е. Меджибожа), и проч. и проч. Разумѣется, чшо

(*) Ч. II. стр. 1.

(**) Тамѣ же стр. 4.

(***) Тамѣ же стр. 10.

(****) Тамѣ же стр. 25.

(*****) Ч. III. стр. 14.

(*****) Тамѣ же стр. 35.

(******) Тамѣ же стр. 28.

такіе переводы достаюцца лавкѣ гораздо дешевѣ исправныхъ; но каково же чисташъ ихъ?

Предлагается выписка, по которой удобнѣе можно судить о достоинствѣ перевода. Мы выбрали не самое лучшее мѣсто изъ Манштейнова сочиненія, но, кажется, самое забавнѣйшее, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать случай къ сравненію тогдашнихъ обычаевъ и увеселеній съ теперешними.

„Великолѣіе Петербургскаго Двора.

„Выше упомянуто, (Ч. III. стр. 69.) что Герцогъ Курляндской любилъ пышность и великолѣіе и хотѣлъ довести, чтобы Дворъ Императрицы (Анны) былъ великолѣпнѣйшій во всей Европѣ; на что прачены большія издержки. Однакожъ желаніе совершенно не исполнилось; ибо при самомъ богатомъ одѣяннѣ иногда не доставало искусно убраннаго парика, или самая дорогая парча испорчена была не искусствомъ портнаго, или же когда все то было исправно, то не доставало приличнаго экипажа; и случалось видѣшь, что богато одѣтый человекъ ѣдетъ въ худой каляскѣ и на негодныхъ лошадяхъ.

„То же самое замѣтили можно было и въ домашнихъ приборахъ и чистотѣ; ибо

съ одной стороны увидишь кучи золоты и серебра; а съ другой неопытность. Женская одежда не лучшее была, возлѣ одной порядочно одѣтой женщины, найдешь десясть не прилично наряженныхъ. Впрочемъ въ Россіи женщины спашны и много очень прекрасныхъ лицъ, но очень мало хорошаго росту.

„Сей безпорядокъ почти былъ общій, очень мало найдешь домовъ, особенно и въ первые годы, гдѣбб одно другому соопытывало. Мало по малу начали подражать шѣмъ, кшо умѣлъ жить въ хорошемъ вкусѣ. Самой Дворъ и Герцогъ Биронъ не могли первоначально привести все въ порядокъ и успытывало; такъ какъ видимъ въ другихъ мѣстахъ. На сіе шребовалось время. Но должно признашь, что наконецъ все доведено было до совершенства. Чрезвычайное великолѣпіе Двора шребовало большихъ суммъ. — Не върояшно какъ много выходило денегъ. Придворной издерживавшій въ годъ на Гардиры свой 2 или 3000 рублей, не соспавлялъ собою лучшаго великолѣпія. Можно весьма къ спашъ привести сказанное однимъ Саксонскимъ Офицеромъ Королю Польскому Августу II му: Ваше Величество, должны шире сдѣлать городскія ворспы, чшобы доспавишь придворнымъ Вашимъ свободной проходъ, они

цѣлыя деревниносящѣ на своихъ плечахъ, ибо всѣ шѣ, копорые имѣютѣ честь служить при Дворѣ, совсемѣ распроиваютѣ свое имущество, чпобѣ бытѣ хорошо одѣшу, не имѣя возможности исправитѣся получаемымѣ жалованьемѣ. Торгующей Галаншейными поварами купецѣ, довольно, естѣли 2 или 3 года пробудетѣ въ Петербургѣ, чпобѣ сосланищѣ себѣ большее соспоаніе, естѣли продаватѣ будетѣ поварѣ на наличныя деньги.

„Обыкновенное прохождение времени Императрицы.

„Императрица, обыкновенной образѣ жизни вела порядочно. Всегда вспавала въ 8 часу. Въ 9 начинала прудитѣся сѣ своимѣ Секретаремѣ и Миниспрами. Въ полдни въ комнапахъ своихъ кушала сѣ фамиліею Бирона. Публичныя обѣды были въ большія поржешвенныя дни, и когда сѣе было необходимо, по изволила сидѣтѣ на Тронѣ подѣ балдахиномѣ сѣ двумя Принцессами, Елисаветѣ Пепровною и Анною Мекленбургскою. — При шакомѣ случаѣ служилѣ ей у спола Оберѣ-Камергерѣ. Въ томѣ же залѣ бывали обыкновенно большія спола для духовенства и обоого пола знапныхъ особѣ и Иносшранныхъ Миниспровѣ.

„Въ послѣднїе годы Царствованїя Императрицы при Дворѣ публичныхъ словѣ не было. А Иностранные Министры правлены были Графомъ Осперманомъ. Лѣтомъ Императрица часно изволила ѣзжашъ прогуливашся, а зимою иногда въ послѣ обѣденное время занималась игрою въ Билїардъ; ужинала очень мало и ложилась опочивашъ обыкновенно въ половинѣ 11 часа. —

„Лѣтомъ Дворѣ находилася по большей части въ увеселительномъ домѣ построенномъ Петромъ Великимъ въ 7 Французскихъ миляхъ отъ Санктпетербурга, Пешергофѣ. Положенїе его весьма прїятно, и расположенъ на берегу моря; на лѣвую сторону виднѣнъ Кронштаптъ и весь флотъ, прямо берега Финляндїи; а на правой открываея Пешербургъ. Удивительныя фоншаны, украшающѣ прекрасныя и большїе сады. Дворецъ самъ по себѣ очень не великъ, комнаты въ немъ малы и ниски.

„Остапокъ лѣта Императрица препровождала въ лѣтнемъ Дворцѣ въ Пешербургѣ. Оной дворецъ престо выстроенъ на берегу рѣки Невы, но садъ очень великъ и содержанъ въ хорошемъ порядкѣ. Принцесса Анна начала было строитъ новый Дворецъ; ибо старой весь почти развали-

ся; но не имѣла времени его окончить, а совершила уже Императрица Елисаветъ Петровна. При Дворѣ допущены были большія игры. Многія дѣлали себѣ щастіе; а болѣе еще того разорялись. Мы часто случалось видѣть, что въ одинъ разъ проигрывали до 20,000 рублей въ квинтичь или въ форо. Императрица не ждала игры, а когда играть изволила, то съ шѣмъ, чтобъ проиграть. Обыкновенно держала банкъ; и приглашала кого ей было угодно. Кто выиграетъ, тотъ же часъ получалъ деньги; и какъ игрывала всегда на марки, то Императрица никогда не изволила брать денегъ съ шѣхъ, кто проиграетъ.

„Она жаловала спектакли и музыку, и для сего нужныя люди выписываны были изъ Италіи. Италіанскія и Нѣмецкія комедіи болѣе были представляемы. — Въ 1736 году, въ Петербургѣ была представлена первая опера, и хотя очень хорошо шла, однакожъ не столько понравилась, сколько комедіи и интермедіи Италіанскія.

„Во времена Петра Великаго и въ послѣдующія по немъ правительствва, въ обыкновеніи при Дворѣ была попойка, но при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ выведена изъ употребленія. — Она не мо-

гла шерпѣшь пьяныхъ. И единственно допущено было, что 29 Генваря по шарому шпилю въ день Вознесшвїя Императрицы на престолѣ, каждый съ колѣнопреклоненїемъ предѣ Ея Величешвомѣ долженъ былъ выпить бакалѣ Венгерскаго. —

„Сїе приводишь мнѣ на память другую удивительную церемонїю. Послѣ Всеншны на шоржешвенные дни въ Придворной церквѣ опправляемой, всѣ Придворные и Гвардїи Офицеры имѣли честь поздравляшь Императрицу съ наступающимъ праздникомъ, и допускаемы были къ рукѣ; пошомъ Императрица изволила каждому на большомъ подносѣ подносишь бакалѣ вина. . . .

„Придворные шупы.

„Придворные шупы были напередѣ се-го въ упошребленїи; и ведешся изѣ древе, что каждый человекъ съ небольшимъ дошпашкомъ, имѣешъ покрайней мѣрѣ одно-го шупа; слѣдешвенно уже при Дворѣ ихъ было болѣе. — Со временъ правленїя Принцессы Анны, начались они выводишься: а Императрица Елисаветѣ Пешровна совсѣмъ ихъ шерпѣшь не могла. При Пешрѣ Великомъ часто бывало ихъ по дюжинѣ и болѣе. Императрица Анна Иоанновна имѣла шѣшперыхъ, а имянно;

Лакоспа; Педрилло; К. Г.....; К. В.....
А.....; и Балакирева; послѣднїе были
изъ хорошихъ фамилій. Шушами забавля-
лись весьма спранно, иногда приказывали
имъ всѣмъ спояшь у спѣны въ комнаѣ;
а одному изъ нихъ бишь ихъ по ногамъ,
чтобъ сѣли на полъ, часно справливали
ихъ драпья за волосы и бишья иногда до
крови; при чемъ всѣ веселились — и смѣ-
ялись до крайности.

„Балакиревъ не любившїй такихъ за-
бавъ, нѣкогда не дался повалишь себя на
полъ, не зная того, что шушъ ни какїя
опговорки не вмѣстны, принужденъ былъ
за то вышерпѣшь бапоги.

„Шушъ Лакоспа пожалованъ Самоѣдскимъ Королемъ.

„Лакоспа, былъ Португальской Жидъ,
копорой еще при Петрѣ Великомъ нахо-
дился въ званїи шуша. Сей Государь по-
жаловалъ его Самоѣдскимъ Королемъ.

„Шушъ Педрилло будто бы женатъ на козѣ, дѣлаеш-
ся роженицею, Императрица и каждой Ея Двора,
его въ постель даряшъ.

„Педрилло Италїанецъ, былъ въ Пе-
тербургѣ при оперѣ скрипачемъ. Но при-
мѣшя въ себѣ способность къ шушкамъ,
перемѣнилъ свою спосбность, что сдѣлалъ
очень хорошо, ибо въ 9 лѣтъ нажилъ бо-

лѣе 20,000 рублей; и послѣ какъ умной, съ деньгами изъ Россіи выѣхалъ. Вотъ какъ получилъ онъ первые 10,000 рублей. Извѣстное въ Россіи обыкновеніе класъ роженицамъ на зубокъ деньги. Естли знатная Госпожа, то по меньшей мѣрѣ надобно подарить ее червонцомъ, и за шо цѣлуютъ роженицу.

„Нѣкогда Курляндской Герцогъ, шутиа сказалъ Педриллѣ, будшо онъ женашъ на козѣ, Педрилло опвѣщспвовалъ ему съ низнимъ поклономъ, правда, и чтѣ жена его скоро родитъ, и онъ пріемлетъ смѣлосп просить Ея Величество со всѣмъ Дворомъ посѣпить роженицу, и уповаешъ, что ему не мало нанесутъ подарковъ, для порядочнаго воспитанія своихъ дѣшей. Сія шутика ему пощасливила. Въ назначенной день положили его въ шеапрѣ на постелѣ и подлѣ его козу; по поднятіи завѣсы всѣ увидѣли Педрилла лежащаго съ женою своею на постелѣ. Императрица пожаловала ему свой подарокъ; почему и каждый Ея Двора дашь долженъ былъ роженицѣ.

„Свадьба Придворнаго шутиа въ ледяномъ Дворцѣ и съ ледяными мебелями; и гости для оной собраны изъ всѣхъ Губерній, обоего пола разныхъ народовъ Россію населяющихъ.

„Въ концѣ 1739 года, данъ былъ народной праздникъ. У одного придворнаго

шупа , умерла за нѣсколько лѣтъ жена , а попому онѣ опыскалѣ невѣсту и просилѣ разпорядить его свадьбой . Желали симѣ позабавиться , и между шѣмѣ сказанъ Императрицѣ разные народы Россію неселяющія ; а попому и велѣно было всѣмѣ Губернашорамѣ прислать по нѣсколькѣ обо его пола людей . По прибытіи оныхѣ въ Пешербургѣ , наряжены они были въ ихѣ обыкновенныя платья на щетѣ Двора .

„Господину Волинскому, Кабинетѣ Министру , поручено было учредить все пошребъсе прѣугошвленіе къ сему брачному шоржеству ; и выбрано было зимнее время ; а чшобѣ сдѣлать оное совершенно необыкновеннымѣ , шо приказано пошстроить ледяной дворецѣ сѣ двумя посями , въ конихѣ весь уборѣ сдѣланѣ былѣ изо льду , даже лавки и кровати , на кошорыхѣ молодымѣ спать . Причемѣ сдѣлано было чешыре пушки и двѣ морширы шакже изо льду , и изѣ пушекѣ разшрѣляли нѣсколько пороху , шакѣ чшо они не повредились ; а изѣ морширѣ бросили не большіе ледяные гранаты . Въ назначенной день для сего шоржества , всѣ гости собрались въ домѣ господина Волинскаго . Опшуда вся процесія опшправилась мимо Дворца и побольшимѣ улицамѣ . Свита сосшавляла болѣе 300 человекѣ . Ново-

брачные сидѣли на слонѣ въ большой каюшѣ. Госпи ѣхали попарно въ саняхъ запряженныхъ разными звѣрьми: Олени, собаки, волы, козлы, свиньи и проч. а нѣкоторые и на верблюдахъ. Сія процессія обѣхавъ предназначенные ей мѣста, собралась въ манежъ Герцога Курляндскаго, гдѣ изгошвленъ былъ обѣдъ на разныхъ столахъ. Предъ каждымъ поставлено было кушанье употребляемое въ его землѣ. По окончаніи обѣда, былъ балъ. Каждой народъ имѣлъ свою музыку и плясалъ по своему обыкновенію. Послѣ бала, новобрачныхъ опвели въ ледяной домъ; гдѣ положили ихъ на весьма холодную постелю, и припомѣ поставлены были часовые у дверей, дабы они до другаго дни опшуда не вышли.“

Т.

IV. С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издавателямъ.

Въ вашемъ Журналѣ помѣщаются иногда извѣстія о бѣдныхъ семѣйствахъ, и чрезъ васъ же собираешся имъ на вспоможеніе отъ добрыхъ людей сумма. Бобровъ, о копоромъ прилагаю здѣсь краткое извѣстіе, былъ человѣкъ честной и добродѣтельной. Какъ Спихошворецъ, онъ имѣетъ сугубое право испрашивать у любительей Музы его вспомошествованія для бѣднаго своего семѣйства. Не откажише въ семъ пособіи несчастнымъ. Деньги можно доставлять въ С. Пешербургъ къ Его Превосходительству Петру Федоровичу Герингу, покровителю шворца Тавриды и благодѣтелю оставленнаго имъ семѣйства. Имѣю честь бытъ и проч.

С. С.

Москва, Мая 31 дня,
1810.

Некрологія.

Извѣстный Россійскій Спихошворецъ, Надворный Сובѣтникъ Бобровъ скончался въ С. Пешербургъ 22 числа исшекшаго Марша.

Бывъ Спуденшомъ въ Московскомъ Университетѣ, 1785 года онъ опредѣленъ въ Канцелярію Сенаша къ Герольдмейстерскимъ дѣламъ. Въ 1792 году перемѣщенъ въ вѣдомство морскаго начальства, подъ коимъ находился въ разныхъ должностяхъ, и наконецъ служилъ Переводчикомъ въ Государственной Адмиралтействъ - Коллегіи. Сверхъ того въ 1804 году помѣщенъ въ Коммиссію о составленіи законовъ.

Разныя сочиненія и переводы покойнаго Боброва, въ стихахъ и въ прозѣ, весьма извѣстны публикѣ. Сочиненія его суть слѣдующія: *Разсвѣтъ полночи*, стихами въ 4 частяхъ; *Таврида*, въ стихахъ же; *Домашнія жертвы*, въ стихахъ; *Древняя ночь вселенной*, въ 4 книжкахъ стихами. *Судъ въ царствѣ тѣней*, прозою; *Историческое обозрѣніе Россійскаго законодательства*; *Древній Россійскій плаватель*; сверхъ того разныя переводы и еще небольшія сочиненія, напечатанныя въ разныхъ журналахъ.

Бобровъ былъ человекъ недоспашочной, и довольствовался единственно получаемымъ по службѣ жалованьемъ и выручаемыми за сочиненія и переводы деньгами, которыхъ при всей умѣренности едва ли достаточно было на содержаніе его съ семьействомъ. Жена и малолѣтній сынъ остались по немъ въ крайней бѣдности.

С. С.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Маршалъ Массена будетъ предводительствовать на сѣверѣ Испаніи. Подъ начальствомъ его должны находиться корпусы Нея, Жюно и Рейньера. Въ замкѣ Марракъ (за четверть часа ѣзды отъ Байонны) находится отдѣленіе Императорской гвардіи; также и лошади и экипажи Императора. Думаютъ, что Наполеонъ въ началѣ Іюня придетъ въ Байонну. Дѣйствія на югѣ и на востокѣ Испаніи, кажется, остановлены до совершеннаго покоренія Кадикса. Себастьяновъ корпусъ прикрываетъ осаждающую армію со стороны Гвадіаны и Гвадалквивира; а корпусъ Мортье имѣетъ по же назначеніе въ Эспремадурѣ. На одинъ отрядъ конницы, по ту сторону Саламанки, сдѣлано было нападеніе; но онъ защитился и наконецъ прислалъ къ главному корпусу Нея.

*

Бывшій Испанскій Король Карлъ V живетъ съ супругою своею, дочерью, Королевою Эшпурскою и сыномъ ея, и Княземъ Мира, въ Марсели весьма уединенно. Болѣзнь его миновалась; онъ скоро переѣдетъ въ прекрасный загородный домъ, находящійся неподалеку отъ Марсели, и проведетъ тамъ лѣто.

*

Съ нѣкотораго времени переходъ войскъ изъ Италіи въ Южную Францію совсѣмъ прекратился; слышно, что нѣсколько полковъ, возвратившихся изъ Австріи въ Италію, по-

шли къ Неаполю, близь котораго собирается многочисленная армія.

*

Тулонскій флотъ, состоящій изъ 17 линейныхъ кораблей, 13 фрегатовъ и принадлежащихъ къ нимъ мѣлкихъ военныхъ судовъ — готовился выдти въ море. Нѣкоторыя изъ фрегатовъ уже оплыли къ берегамъ Италіи; недавно находились они въ Генуэзской пристани. Одинъ Англійскій фрегатъ всегда плаваешь въ виду гавани, и наблюдаетъ за движеніями Французовъ, дабы немедленно дать о нихъ извѣстіе Англійской эскадрѣ, находящейся съ Поръ-Магонъ. Иногда и Англійскія бригаги приближаются къ берегамъ Франціи.

*

Отрывокъ письма изъ Портъ-о-Пренса (въ С. Доминго), отъ 14 Февраля. Нашъ островъ, открытый шеперь для всѣхъ чужестранцевъ безъ исключенія, можно назвать скорѣе вершесомъ разбойниковъ, нежели общелью просвѣщеннаго народа. Пепіонъ, Президентъ сей части острова, почитаетъ подпорою свободы и равенства, а Христофъ защитникомъ монархическаго правленія и деспотизма. И Пепіонъ конечно всѣми разсудительными людьми былъ бы предпочтенъ Христофу, когда бы онъ, или лучше сказать, его Офицеры (ибо, по причинъ своей недѣлятельности, онъ между ими ничто) не были деспоты подъ видомъ обожателей свободы. Христофъ не скрываетъ своего образа мыслей; напрошивъ Пепіонъ обольщаетъ пріяшными общаніями, которыхъ не держишь.

*

Въ Мальшѣ 26 Февраля было чрезвычайно сильное землетрясеніе. Ущесъ, составляющій

островъ, качался какъ колыбель, а корабли, находившіеся въ гавани, бросало туда и сюда волнами. Трясеніе продолжалось около 10 минутъ безъ остановки. Народъ бѣгалъ по улицамъ въ опчаяніи; монахи простирали руки къ небу и молились; женщины кричали, плакали и думали, что островъ провалился; колокола звонили сами собою; собаки выли — все это составляло сцену ужаснѣйшую. Дни черезъ два опять чувствованы были потрясенія, но не столь сильныя — въ Лавалешѣ обрушились городскія ворота и госпиталь. Сказываютъ, что въ Сициліи также было землетрясеніе, и что неподалеку отъ береговъ исчезли два острова.

✱

Въ Парижскомъ Журналѣ помѣщено слѣдующее извѣстіе изъ Вѣны: По письмамъ изъ Константинополя не лзя сомнѣваться, чтобы въ немъ не происходили кровопролитія, производимыя жестокими партизанами войны!

✱

Эрцгерцогъ Карлъ опять вступилъ въ достоинство Генералиссима, и опять управляетъ, какъ и прежде, военными дѣлами.

30 Маія.

У в ъ д о м л е н і е .

Издатели получили на имя Госпожи Горбуновой ошѣ разныхъ Особѣ - 45 руб.
И на имя Гна. Левенгофша, изѣ Рязани 5 —
Деньги сіи доставлены, куда слѣдуетъ.

*

Издатели почидаютъ за нужное подшвердить сказанное ими въ ихѣ Объявленіи о изданіи Вѣспника на 1810 (и въ особености Гну Вындомскому, укоряющему ихѣ очень часто въ недоставленіи не только Вѣспника, но даже и Московскихъ Вѣдомостей, въ копорыхъ онѣ не участвуютъ), что доставлять Гмѣ подписавшимся слѣдующія имѣ книжки совсѣмъ не ихѣ обязанность; что они занимающія однимъ только *изданіемъ*, а не пересылкою Журнала, о доставленіи котораго надлежитъ опноситься или въ Почтамтѣ, или въ Коншору Типографіи Московскаго Университета. *Изд.*

Къ № 12. Вѣст. Европы 1810.

МАРІЯ ЛУИЗА
Императрица Французская.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 12. І Ю Н Ъ 1810.

І. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Розы Мальзерба.

Ламораньонъ Мальзербъ, котораго однимъ именемъ напоминаешь вамъ о добродѣтели, человѣкъ самой добродушный, скромный философъ, честный судья, великій натуралистъ, наконецъ (чтобы все изобразить однимъ словомъ) неуспрашимый защитникъ Лудовика XVI, Ламораньонъ Мальзербъ проводилъ обыкновенно нѣкоторую часть года въ прекрасномъ замкѣ Вернелъ, неподалеку отъ Версаля — это время было для него отдохновеніемъ отъ важныхъ за-няцій государственныхъ. Мальзербъ былъ великій охотникъ до цвѣтшвъ; особенно любилъ онъ одну бесѣду изъ бѣлыхъ розъ, имъ самимъ воспѣанныхъ — эта бесѣда находилась въ лѣвнстой рошѣ

и украшала уединеніе миниспра-фило-софа.

Посмотрите на мои розы, говаривалъ онъ иногда своимъ друзьямъ, посѣщавшимъ его роцу: онъ удивительно свѣжи и пышны!

Однажды Мальзербъ вспалъ ранѣе обыкновеннаго и пошелъ въ свою бесѣдку. Солнце еще не всходило. Дни были тогда самыя долгіе. — Мудрецъ въ глубинѣ души наслаждался величіемъ пробуждающейся Природы. Вдругъ слышитъ онъ легкій шорохъ: сначала думаешь, что это олень, робко пробирающійся между деревьями; смотришь: глазамъ его представляется молодая крестьянка съ горшкомъ молока на головѣ; съ кружкою въ рукахъ; она приближается къ испочнику, снимаетъ съ головы горшокъ, спавитъ его на землю; наполняетъ кружку свою водою, идетъ къ розовой бесѣдкѣ; поливаетъ одинъ кустъ бѣлыхъ розъ; возвращается къ испочнику, поливаетъ другой кустъ — потомъ прешій — и наконецъ всѣ до одного напоены живописною влагою:

Мальзербъ между тѣмъ сидѣлъ очень спокойно на дерновой скамейкѣ, закрытый розовыми кустами; смотрѣлъ на молодую поселанку, и самъ не понималъ, отъ чего происходила такая нѣжная попечительность

о его розахъ. Дѣвушка была прекрасна собою; въ глазахъ ея изобразились добродушіе и веселость; живой румянецъ украшалъ ея щеки. Наконецъ она опорожнила послѣднюю кружку воды, начала подымать горшокъ съ молокомъ и голова была совсѣмъ удалисья. Мальзербъ выходитъ изъ своего убижища — поселянка испугалась, и закричала. Кто заставилъ тебя, другъ мой, спросилъ Мальзербъ, заботишься о моихъ розахъ?

— Ахъ, сударь — обивчала крестьянка съ великою робостію — увѣрю васъ, что я приходила съ добрымъ намѣреніемъ — я не одна это дѣлаю — насъ много — нынѣ же моя очередь!

;;Какъ швоя очередь?“

— Такъ, сударь — вчера была здѣсь Лиза, а завтра будетъ Перешпа.

;;Объяснись; мой другъ, я тебя не понимаю!“

— По нѣволѣ надобно будетъ все отхрыпъ, когда вы сами меня здѣсь увидите. И правду скажете, вамъ не за что будетъ на насъ и сердиться: . . надобно вамъ знать, сударь, что мы всѣ, сколько насъ ни естъ въ околдѣ, видя, какъ вы любите свои розы, и какъ вамъ весело за ними

смопрѣшь, собрались однажды вмѣстѣ и сказали другъ другу: нашъ господинъ Мальзербъ такой доброй, ласковой, благодарливой! надобно чѣмъ нибудь доказать ему, что мы его любимъ, и что тѣ люди, къ которымъ онъ такъ милосивъ, имѣютъ сердца благодарныя! — И было у насъ положено, чтобы наши деревенскія дѣвушки, не моложе пятнадцати лѣтъ, каждая въ свою очередь, приходили на это мѣсто съ кружкой и поливали прекрасныя бѣлыя розы водою изъ ближняго источника! Эти розы садилъ нашъ отецъ, нашъ другъ — какъ же намъ не хотѣлось, чтобы онъ цвѣли лучше другихъ. . . . Вотъ уже чепыре года, какъ это заведено у насъ въ околдѣ, и теперь каждая наша дѣвушка съ неперпнѣемъ ждетъ пятнадцати лѣтъ, чтобы имѣть честь поливать розы господина Мальзерба.

Эта повѣсть, рассказанная съ милымъ прососердѣчѣемъ, пронула добраго Мальзерба! Никогда онъ не чувствовалъ такъ живо всей своей славы. Теперь не удивляюсь, подумалъ онъ, отъ чего розы мои всегда такъ живы и свѣжи. Въ благодарность за то — сказалъ онъ молодой креспьянкѣ — что ты и подружки твои поливаете мои розы, обѣщаюсь посѣщать эту бесѣдку всякой день; она сдѣлалась для меня вдвое

любезнѣе, попому что всегда будещѣ напоминать мнѣ о вашей дружбѣ.

— Я этому очень рада, и съ нынѣшняго дня буду пасши свое спадо всегда около эщихѣ мѣснѣ, чшобѣ на васѣ насмопрѣшься, пѣшь для васѣ наши деревенскія пѣсни, а иногда и поговорить съ вами о помѣ и о другомѣ, если щольно эшо не будещѣ вамѣ прошивно.

Ахѣ, мои друзья! приходите ко мнѣ съѣло; ошкрывайте мнѣ всѣ свои нужды; шребуйте отѣ меня помощи вѣ нещаспїяхѣ — я буду ихѣ облегдашь; если случишся между вами ссора — я буду у васѣ мирошворцомѣ; ежели неравенство сосшоянїй препяшштвуешѣ йакому - нибудѣ щаспливому супружештву — берусь уничтожитъ всѣ запрудненїя; словомѣ, почиайте меня истиннымѣ вашимѣ другомѣ.

— Если шакѣ, шо вы, сударь, никогда не останешесь безѣ дѣла, и я сама черезѣ нѣсколько времени приду попросить васѣ ксе о чемѣ . . . Но я и забыла совсѣмѣ, что машушка меня дожидается — что мнѣ надобно поскорѣ продашь свое молоко и возвращишья кѣ ней съ деньгами. Прѣспшите, сударь!

„Одно слово, мой другъ! какъ тебя зовушь?“

— Сюзешша Бершранъ, къ вашимъ услугамъ!

„Послушай же, милая Сюзешша, отдай своимъ подружкамъ . . .“

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, сударь! не протѣвайшесь, ваши деньги намъ не надобны; онѣ испорчатъ все наше удовольствіе. . .

„Правда швоя, Сюзешша; я всемъ имѣніемъ своимъ не могу заплапипъ за то, что вы для меня дѣлаете. По крайней мѣрѣ ты позволишь мнѣ себя поцѣловать, и дашь мнѣ слово перецѣловать за меня всѣхъ подружекъ своихъ. Скажи имъ, что онѣ украсили послѣдніе дни слабого шарика; что ихъ милая дружба оспалась навсегда у меня въ душѣ“ — при сихъ словахъ спарець Мальзербъ поцѣловалъ крещьянку въ розовую щеку, а Сюзешша присѣла передъ нимъ и побѣжала въ городъ, не помня сама себя отъ восхищенія.

Мальзербъ любилъ рассказывать эпотѣ анекдотѣ. . . Нѣсколько дней спустя послѣ его свиданія съ Сюзешшою (эцо случилось въ Воскресенье), услышалъ онъ, что вся деревня должна собраться передъ его бесѣдою, и что на томъ самомъ мѣстѣ будетъ

пляска. Прощай, мои розы! сказалъ любезный мудрецъ. Можно ли вообразишь, чѣтобы копорому нибудь изъ молодыхъ креспьянъ не вздумалось подарить свою красавицу прекраснымъ цѣвѣнкомъ, или чѣтобы копорой нибудь изъ креспьянокъ не пришло въ голову украситъ розою свой корсешъ! Но имъ будешъ весело; онъ станушъ обо мнѣ говоришь; я увижу ихъ всѣхъ вмѣстѣ, довольныхъ, щаспливыхъ; буду забавляться ихъ играми; пошеряю десятъ или пятнадцатъ розъ — какая нужда! развѣ удовольствіе не споишъ розъ? а мое удовольствіе будешъ самое чистое!

Но опасаясь, чѣтобы его присущствіе не опняло нѣкопорой свободы у веселящихся, и не воспрепятствовало имъ въ полношѣ насладиться шѣмъ щаспїемъ, которое обѣщаль имъ ясный день, онъ не пошелъ въ шощъ вечеръ по обыкновенію своему въ бесѣдку; за шо на другой день опправился въ нее гораздо ранѣе, любопытствуя узнать, какъ велико разореніе, причиненное въ ней праздникомъ, и вооружившись на всякой случай лопашкою, чѣтобы *загладить слѣды разорителей*. . . . Но какъ же онъ удивился, когда все нашель въ прежнемъ порядкѣ! Розы были всѣ до одной цѣлы; мѣсто, на копоромъ происходила пляска, подмешено было весьма чисто; дерновая

еямя сохранила всю свою свѣжестъ; а надъ входомъ бесѣдки висѣла выплешенная изъ незабудковъ надпись: *Нашему другу!* Какъ! сказалъ онъ самому себѣ съ чувствомъ: розы мои посреди веселья шумной и многочисленной толпы сохранены были, какъ нѣчто святое! Какое щастіе быть такъ любимымъ! этой бесѣдки не промѣняю на самый великолѣпный дворецъ въ мірѣ!

Въ слѣдующее Воскресенье Мальзербъ собрался идти на сельской праздникъ, хотя нѣсколько опасался испорчить его своимъ присутствіемъ. — Въ это самое время камердинеръ докладываетъ ему, что въ замокъ пришла молодая крестьянка, которая заливаясь слезами проситъ, чтобы ее къ нему допустили — Мальзербъ приказываетъ ее ввести. Что съ тобою случилось, моя милая? спрашиваетъ онъ у печальной,

— Ахъ, сударь! надобно вамъ прежде сказать, что нынче былъ мой чередъ поливать ваши розы.

„Что же съ тобою случилось?“

— Великое несчастіе! Нынче имениница моя крестная мать, у которой я живу и которая меня воспитала, попому что я бѣдная сирота! Я подумала, что

никто не увидишь, и сорвала одну изъ вашихъ розъ, не смотря на то, что общалась ихъ не прогашь! Но мнѣ хотѣлось подарить эшою розою мою крестную мать.

„Одну розу? сказалъ Мальзербъ улыбаясь: какое важное похищеніе!“

— Ахъ, Боже мой, очень важное! теперь прости мое доброе имя! Никто не захочетъ и посмотришь на меня въ нашей деревнѣ! —

„Почемужь ты такъ думаешь?“

— Томасъ Лашрель, эшотъ негодной пьяница, которой подсаприваетъ за молодыми крестьянками, какъ волкъ за овцами, увидѣвъ, что я сорвала розу, рассказалъ объ эшомъ нашимъ молодымъ поселянамъ, и теперь на праздниѣ никто не хочетъ со мною плясать . . . они всѣ въ одинъ голосъ положили, чтооы мнѣ цѣлой годъ не ходишь ползатьъ вашихъ розъ и не плясать передъ вашею бесѣдою. Крестная мать моя за меня всшуплась, однако напрасно! Всѣ говорятъ одно, и даже самъ Баспѣанъ съ ними согласенъ . . . Баспѣанъ! . . . подумайше, сударь, что будетъ со мною, если мнѣ цѣлый годъ не плясать на праздникахъ нашихъ! Баспѣанъ меня разлюбитъ, и я на всю жизнь останусь въ двѣкахъ!

„Такое наказаніе ужь слишкомъ жестоко. Успокойся, мой другъ; я надѣюсь, что тебя простиатъ изъ любви ко мнѣ. Пойдемъ. Дай мнѣ руку: я никогда не опечажусь бышь защипникомъ обвиненнаго.“

Они идушъ вмѣстѣ. Мальзербъ съ жаромъ вступается за пресступницу. Роза (имя ея) плачетъ; наконецъ, послѣ многихъ опговорокъ, соглашающся ее простишь, Миниспръ подводитъ ее къ Басціану; проситъ, чщобы онъ поцелъ съ нею плясать и общаетъ ей хорошее приданое; и Сюзеттѣ Бершранъ, псѣй миловидной молодшицѣ, которая первая опкрыла шайну поливанія розъ, дано было также приданое: обѣ щасщливья чешы соединены были въ одинъ день, и обѣ новобрачныя, по желанію Мальзерба, украцены были въ эпопѣ день его розами. Онъ положилъ, чщобы съ шого времени между Вернельскими поселянами было обыкновеніе украцать каждую дѣвушку, выходящую замужъ *во время цвѣтовъ*, букешомъ бѣлыхъ розъ изъ Мальзербовой бесѣдки. Этѣ розы, говорилъ онъ, останущся знакомъ вашей ко мнѣ любви и моей къ вамъ благодарности; онѣ должны напоминать вамъ о вашемъ другѣ; смотря на нихъ будете думать, что я съ вами, и благодаря сему воспоминанію, я всегда буду свидѣтелемъ блаженнѣйшихъ минутъ вашей жизни.

И это обыкновеніе, или лучше сказать эротическій прѣдательный обрядъ воспоминанія существуетъ въ деревнѣ Вернель еще и понынѣ: молодые супруги почитаютъ священными букеты избѣлтыхъ розъ. Мальзерба уже нѣтъ; но бесѣдка, насажденная рукою его, въ полномъ цвѣтѣ, и поселянки Вернельскія по сію пору берегутъ, какъ нѣкошорую свяшину, *Мальзербовы розы*.

С. Франц. В.

~~~~~

Образецъ связи въ разговорахъ общества.

Очень было бы забавно — сказалъ мнѣ однажды Б* — читать разговоръ нѣсколькихъ свѣдскихъ людей, записанный върно какимъ нибудь искуснымъ шахиграфомъ (скорописцемъ). Я не говорю о разсужденіяхъ людей ученыхъ, которые не разговариваютъ, а методически сообщаютъ другъ другу мнѣнія свои о томъ или о другомъ предметѣ; я разумю здѣсь обыкновенный разговоръ въ такъ называемомъ большомъ обществѣ между умными свѣдскими людьми, гдѣ быспро и безъ всякаго приговора перешодятъ отъ одного предмета къ другому, гдѣ не къ спашу и къ спашу разсказываютъ вамъ анекдоты; гдѣ

за разсужденіемъ о славномъ сраженіи слѣдуешь непосредственно крипика оперы; гдѣ, послѣ разговора о безсмертіи души, начинаешь рассказывать о чудесныхъ подвигахъ Франконіева оленя; гдѣ находясь средство соединять религію съ вольными шушками, хорошей вкусъ съ дурнымъ шомъ, дѣлаешь забавнымъ печальное, и разсуждаешь съ легкомысленностію о важномъ.

И скоро послѣ сего разговора моего съ Б* случилось мнѣ быть въ одномъ обществѣ, гдѣ я нашелъ Н* и еще трехъ знакомцевъ моихъ, безжалостныхъ разскащиковъ, которые безъ сомнѣнія не были бы приняты въ домъ покойной Ниноны Ланкло, какъ извѣстно, большой неохотницы до такихъ людей, которые ко всему, къ спаси и не къ спаси, готовы рассказать анекдотъ. Одинъ изъ этихъ говоруновъ былъ Кавалеръ Дормонъ, другой Аббатъ Тарвиль, а третій Совѣтникъ Фламинкуръ. Вошъ ихъ разговоръ, который записалъ я шабъ почно, какъ слышалъ;

Н* * *

Очень радъ, что нашелъ васъ, государи мои, всѣхъ вмѣстѣ! Я хочу узнать ваше мнѣніе о происшествіи, которое на сихъ дняхъ со мною случилось. Нѣкто, извѣстный вамъ человекъ, и спрашенный си-

лачь, оказалъ мнѣ превеликую грубость. Я попросилъ отъ него удовольствія. Что же онъ отвѣчалъ? — Мнѣ случилось побить нѣсколькихъ неучивцевъ, но драпаться я не соглашался и никогда не соглашусь ни съ кѣмъ. И не смѣшно ли человеку съ моею силою отдавать жизнь свою на произволъ случая? — Желаю знать, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Аббатъ Тарвиль.

Я сдѣлалъ бы то же, что Герцогиня Форкальнье.

№ * *

А что сдѣлала Герцогиня Форкальнье?

Аббатъ Тарвиль.

Она была очень хороша лицомъ, и въ ребячествѣ очень остроумна — за то въ зрѣломъ возрастѣ это остроуміе нѣсколько прищупилось. На пятнадцатомъ году выдали ее замужъ за Герцога Форкальнье, который, будучи уже въ лѣтахъ, обходилась съ женою какъ съ ребенкомъ. Они находились въ Реннѣ, гдѣ Герцогъ имѣлъ обширный домъ и жилъ весьма пышно. Однажды случилось, что онъ, заспоривъ весьма горячо съ молодою женою, далъ ей пощечину. Герцогиня, ужасно разсердившись, велѣла

заложить карешу и пошчасъ побжала въ
 первому адвокату города совѣщавашся о
 разводѣ съ мужемъ. Юрисконсульшѣ осуж-
 далъ грубосиъ спараго Тишона; говорилъ
 учпивоспи любезнѣй челобитчицѣ, но въ
 заключеніи объявилъ ей, что пощечина, бу-
 дучи ей дана безъ свидѣтелей; не можешѣ
 служитѣ досташпочнымъ докуменпомъ, и
 что она не получитѣ удовлешворенія отъ
 законовъ. Герцогиня, весьма недовольная при-
 говоромъ адвоката; бдешѣ домой, одѣваеш-
 ся для принятія госпей, званыхъ ея
 мужемъ, и дождавшись того времени; когда
 уже всѣ сѣхались; идешѣ въ гостинную;
 въ кошорой находилось весьма много и му-
 щинъ и женцинъ, приближаешся къ сво-
 ему мужу сидѣвшему въ кругу госпей и
 говоритѣ: „Объявляю Вашей Свѣшлости, что
 „я все упрѣ провела у адвоката, съ ко-
 „шорымъ совѣщавалась, какимъ бы средспвомъ
 „наказатѣ васъ за оскорбленіе вами мнѣ
 „сдѣланное. Но онъ объявилъ мнѣ рѣши-
 „тельно; что ваша пощечина не можешѣ
 „послужитѣ мнѣ ни къ чему; почему я
 „разсудила возвратитѣ ее Вашей Свѣшло-
 „сти.“ За эшими словами послѣдовала же-
 сткая пощечина; попомъ Герцогиня обра-
 щилась къ своимъ госпямъ; и начала раз-
 говаривашъ съ ними; какъ будто совсѣмъ
 ничего не случилось.

Н* * *

И такъ вы думаете, что мнѣ надобно оказашъ грубость моему оскорбителю?

Совѣтникъ Фламинкуръ.

Но согласитесь, что хладнокровіе Герцогини Форнальмье чрезвычайно удивительно!

Кавалеръ Держонъ.

Вашъ анекдотъ, г. Аббатъ, *напоминатель* о господинѣ д'Аржансонѣ. Однажды въ вечеру эшотъ Министръ прѣвзжаетъ къ своей женѣ въ такую минушу, когда она совсѣмъ его не ожидала; онъ идетъ прямо въ ея спальню и находить съ нею Принца Лорренскаго. Д'Аржансонъ ни мало не смѣшался; съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ приближается онъ къ Принцу и спрашиваетъ: не угодно ли Вашему Высочеству, чтобы я кликнулъ моего камердинера; который можетъ помочь вамъ одѣться? Принцъ, не зная что ошвѣчать, наидываетъ на себя нафшанъ и идетъ въ двери; д'Аржансонъ беретъ съ важностію свѣчу и провожаетъ Его Высочество до самой кареты. На лестницѣ Принцъ останавливается, хочетъ сказашъ что-то въ свое извиненіе. — „Вашему Высочеству угодно шумить, ошвѣчаетъ д'Аржансонъ;

могу ли сердиться за то, что вамъ расудилось приласкать мою жену, когда я и самъ шочно такимъ же образомъ ласкалъ нѣкопорохъ высокихъ дамъ вашей крови? Это и правда; г. д'Аржансонъ былъ очень хорошъ собою, и очень щасливъ въ женщинахъ! На другое утро являешься онъ къ Королю. — Ваше Величество, я имѣлъ щасіе всупить въ новый орденъ! — „Въ какой?“ — Въ орденъ рогатыхъ мужей! — „Какимъ образомъ это могло случиться?“ — д'Аржансонъ описываетъ встрѣчу свою съ Принцемъ Лорренскимъ. Король очень много смѣялся, и на другой день приказалъ г-жѣ д'Аржансонъ ѣхать въ монастырь, въ кошоромъ она однако прожила не долго.

N* * *

Поступокъ д'Аржансона очень благодарный; но мой прошивникъ не Принцъ Лорренскій.

А б б а т ь.

Министръ поступилъ въ этомъ дѣлѣ какъ философъ и какъ придворный, весьма увершавой и тонкой.

Совѣтникъ Фламинкуръ.

Господа придворные никогда не теряютъ присущствія духа. Это напомнимъ о Санскомъ Архіепископѣ.

Кавалеръ Дормонъ.

Вѣрно хопите вы разсказать намъ о женишѣбѣ его брата.

Совѣтникъ Фламинкуръ.

Вы опгадали.

Аббалъ.

Очень любопышенъ слышащъ эту исторію.

Совѣтникъ.

Надобно вамъ прежде знѣшь, что нѣкто г. Перине имѣлъ искусство продавать ежегодно въ Парижѣ великое множество вина, не плаша за то ни кому ни марда. Въ короткое время сдѣлался онъ спрашный богачъ. Генеральные опшкупщики, копорыхъ онъ обманывалъ, приведенные въ ужасъ его искусствомъ и не имѣя никакого средства его поймать на дѣлѣ, рѣшились обратиться къ нему самому. Они сказали господину Перине : мы принуждены признашь себя побѣжденными ; вредъ, копорый приносите вы опшкupu, шакъ великъ, что мы гошовы купишь у васъ вашу шайну — предлагаемъ вамъ милліонъ сѣ единшвеннымъ условіемъ, чтобы вы оставили шорговаю. — „Я не доволенъ, милоспивые государи, милліономъ; шребую, чтобы вы дали мнѣ сверхъ шого и мѣшю генеральнаго опш-

купщика.“ — Господинъ Перине твердо наспоаялъ въ своемъ пребываніи, которое наконецъ было исполнено, и онъ съ милліономъ получилъ и мѣсто генеральнаго опшупщика. Санскій Архіепископъ услышалъ объ этомъ произшествіи; богатство господина Перине ослѣпило его; ему извѣстно было также, что новый Крезъ имѣлъ прекрасную дочь, которая жила въ Нормандіи. Родственники Архіепископа были недоспащны; почему онъ и вздумалъ женишь на двницѣ Перине своего брата Ломени де Брѣнна. Но Крезъ съ нимъ незнакомъ; начинать знакомство, значило бы весьма не къ спашу складывать шаксе дѣло, которое никакъ не шерпѣло оплаганельства: могли бы представиться женихи и перебиты у испашеля дорогу. Что же онъ сдѣлалъ? сажился въ карету, ѣдешъ въ Нормандію, даетъ сто ефимковъ посшмьону, чтобы онъ изломалъ колесо почшовой кареты у самыхъ верошъ Перинешова замка — шакъ и сдѣлано — карена упала — бѣгушъ въ замокъ просишь помощи, сказываюшъ: эшотъ путешешественникъ есть знатный человекъ, Архіепископъ Санскій; онъ ѣдешъ лѣчишь морскими банями. — Господинъ и госпожа Перине выходятъ на вспрѣчу къ несчастному Прелату. — „Не убилесь ли вы, милоспивый государь? — покорно просимъ пожаловать въ замокъ! — Однимъ словомъ,

нашъ рыцарь въ замкѣ; живетъ въ немъ неделю, двѣ; пльняетъ всѣхъ своимъ умомъ, своею любезностію; всѣ отъ него въ восхищеніи; и наконецъ Перине соглашается выдать свою дочь за господина де Бріенна.

Кавалеръ Дормонъ.

Аббатъ Ломени былъ всегда очень изобрѣшательнаго ума человѣкъ.

С о в ѣ т н и к ъ.

Онъ съ малолѣтства увѣренъ былъ, что судьба опредѣлила ему сдѣлаться и богатымъ и знашымъ, хотя впрочемъ его фамилія не была ни весьма древнею, ни весьма уважаемою при дворѣ.

А б б а т ъ.

То, что вы намъ рассказали объ немъ, увѣряетъ, что онъ имѣлъ бы весьма хорошій талантъ комическаго автора, когда бы вступилъ на сцену.

С о в ѣ т н и к ъ.

И въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ нашихъ стихотворцевъ въ воспользовался сценою изломаннаго колеса.

Кавалеръ Дормонъ.

Это напоминатель съ его Замкѣ. Онъ учился въ семинаріи Св: Сульпиція и

былъ еще простымъ Банкалавромъ. Въ одну ночь приснилось ему, будто онъ спроеишь Замокъ архипекшуры прекрасной и весьма обширный — это показалось ему предвѣщаніемъ пріятнымъ. Онъ посылаетъ за архитекторомъ, рассказываетъ ему сонъ свой, и проситъ, чтобы онъ сдѣлалъ планъ видѣннаго имъ Замка, котораго расположеніе описываетъ весьма подробно. Архитекторъ сначала вообразилъ, что Банкалавръ помѣшался. — Я имѣю честь быть съ вами знакомымъ, сказалъ онъ; вы не имѣете никакого способа поспроеишь такой огромный Замокъ. — Что нужды, отвѣчаетъ мечтатель; я не знаю, когда онъ поспроеишь, но это непременно должно случиться. Теперь покаместъ поспроеимъ планъ, за который прошу васъ принять отъ меня деньги. — Архитекторъ наконецъ согласился сдѣлать планъ, и Банкалавръ при всякой новой честолюбивой мысли, при всякомъ новомъ успѣхѣ разкладывалъ его передъ собою на столъ и думалъ о своемъ будущемъ величїи. Наконецъ интриги его были увѣнчаны успѣхомъ — онъ сдѣлался Архіепископомъ Санскимъ и Замокъ построенъ.

С о в ѣ т н и к ъ.

Ни что такъ не кажется удивительнымъ, какъ сіи слѣдствїя, заранѣ предвидѣныя и открывающїя намъ такъ ска-

зашь въ какомъ-шо пророческомъ вдохновенїи; — но все это очень еспешвенно и кажешя нѣсколькю чудеснымъ только опѣ того, съ какой почки зрѣнїя мы на него смотримъ.

А б б а л ь.

Съ большимъ умомъ и съ худою Логикою не мудрено и самыя важныя произшествїя выводимъ изъ причинъ самыхъ мѣлкихъ.

С о в ѣ л н и к ь.

Это наломинаетъ обѣ осла, копорого извѣстный Бомарше называлъ своимъ благодарителемъ.

Кавалеръ Дормонъ.

Конечно въ шутку?

С о в ѣ л н и к ь.

Нѣтъ! безъ всякой шутки. За нѣсколько дней передъ ужаснымъ возмущенїемъ 3 Сентября, Бомарше нашелъ передъ воротами своего дома осла, навьюченнаго огородною зеленью, копорую продавала молодая деревенская дѣвушка. Бѣдный скотъ былъ ужасно худъ, кожа да кости, едва держался на ногахъ, и часто наклонялъ голову, чшобы вырвать клочъ соломы изъ кузова креспьянки, копорая безжалостно его опшалаживала. Сочинитель *Севильскаго Цирюль-*

нико сжался надъ мученикомъ. Онъ вы-
 слалъ слугу своего купить нѣсколько зелени
 у крестьянки, а самъ вышелъ къ воротамъ
 и началъ изъ своихъ рукъ кормить голод-
 наго осла сѣномъ. Черезъ нѣсколько ми-
 нутъ приходилъ къ Бомарше одинъ изъ
 его сосѣдей съ извѣстiемъ, что его почи-
 тающiе подозрительнымъ, что въ домъ его
 скоро будетъ сделанъ обыскъ, и что онъ
 долженъ спасаться, не медля ни минуты.
 Но Бомарше промедливъ, домъ его уже по-
 лонъ вооруженными людьми; онъ едва успѣлъ
 спрятаться въ шкафъ; входящiе, ищущи
 вездѣ — одинъ изъ алгезилловъ отперлъ
 шкафъ и Бомарше почиталъ уже себя по-
 гибшимъ; но этотъ одинъ былъ лучший
 его другъ, который, надѣясь быть ему
 полезнымъ, пришелъ въ его домъ вмѣстѣ
 съ революціонными инквизиторами . . . онъ
будуль здѣсь олять нынѣшнюю но-
чью — шепнулъ онъ — постарайтесь,
чтобы васъ не застали. Бомарше поль-
 зуется добрымъ совѣтомъ — бѣжитъ че-
 — резъ садъ — но уже на дворѣ ночь; ули-
 цы наполнены папулями. Какъ онъ ихъ
 избѣжится? Всего безопаснѣе ушелъ изъ
 Парижа — и ему удалось пробраться че-
 резъ одну засѣвку, гдѣ спража была не
 такая яркая какъ на другихъ. Вотъ онъ
 на открытомъ полѣ; дождикъ льетъ лив-
 ня — гдѣ найти убѣжище? Вездѣ опка-

зываютъ ему съ жестокостію! Въ одной лачужкѣ блеснулъ огонь — Бомарше приближается къ окну — „впустише, ради Бога!“ — Какъ не впустишь! отвѣчаешь суровый голосъ: теперь глухая ночь! много бродягъ шапается по дорогамъ; всѣхъ не пригрѣешь. — Бомарше повторяешь прозрѣбу свою: на дворъ такъ ненастно! холодный вѣтеръ! проливной дождь! — Говоряишь тебѣ, ошойди, отвѣчаюишь ему, и бѣдный сираникъ хотѣлъ уже удалиться; но вдругъ слышишь онъ пріятный женскій голосъ: бабюшка, впустише его поскорѣе; это самый шопъ добрый господинъ, который накормилъ нашего осла. И дверь отворилась. Бомарше приняишь, согрѣишь; добрые обитатели смиренной хижины помогли ему укрыться отъ кровожадныхъ служителей эшафота. Бомарше не забылъ однако навѣстивши своего осла избавителя.

Н* * *

Милосивые государи! ваши исторіики очень забавны; но согласишесь, что сдѣланный мною вамъ вопросъ имѣеишь очень мало связи съ пощечиною Герцогини Форкалькье и рогами господина д'Аржансона, которые въ свою очередь совсѣмъ не входятъ ни въ карету ни въ замокъ Сенскаго Архіепископа; и прошу васъ покорно сказать, есть ли какое нибудь сходство между осломъ

Бомарице и сдѣланнымъ мнѣ оскорбленіемъ? Я не получилъ отъ васъ отвѣта на мой вопросъ; но за то, благодаря вамъ, удостоившись, что рассказывая анекдоты, немудрено сдѣлать разговоръ совершенно несвязнымъ, и что въ такомъ случаѣ, для сохраненія и нѣкоторой ложной связи, можно довольствоваться однимъ или двумя словами, на примѣръ: *это наломаная* и тому подобное.

Съ Франц. А.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

*Изъ Тассова освобожденнаго
Иерусалима.*

(Пѣснь прешія.)

Уже предвѣстникъ дня, осыпанный росой,
Повѣялъ легкій вѣспрѣ надъ упренней горою:
Аврора воспаетъ съ румяныхъ облаковъ;
Унизанъ розами превыспреннихъ садовъ,
Злашю ея вѣнецъ полнеба озаряетъ;
Уже по спану кликъ геройской пробѣгаетъ;
Въ доспѣхахъ воины; ударилъ шрубнои громъ,
И съ шумомъ разлилось веселіе кругомъ. —
Готфредъ — впереди полковъ. — Какъ Царь,
какъ другъ правдивой
Пишетъ, правишь жаръ отваги шоропливой,

О дивный прудъ Вождя! — удобнѣ спокрашѣ
Сдержатъ спремленье волнѣ въ кипящій Сцил-
лы адѣ;

Удобнѣи спашъ прошивѣ Бореевѣ усспремлен-
ныхѣ

Сѣ ушѣса Аппенинѣ на гибель флотовѣ плабн-
ныхѣ;

Готфредѣ — богѣ рашныхѣ бурѣ, — и чуждые
препонѣ,

Храняшѣ и въ быспрошѣ усспройство и законѣ.

Не спопы ихѣ несущѣ; ихѣ крыла увлекюшѣ;

Желанья пламенны полешѣ ихѣ упреждающѣ :

Казалось, не бѣжитѣ отѣ мѣдныхѣ шопѣ земля;

Но солнце мещешѣ взорѣ на блѣдныя поля :

Зарѣблась окрешность, огнемѣ его палима, —

И загорѣлися верхи Ерусалима. —

О радость! — вошѣ *Сюзь!* — *Голгофа!* — Божій
градѣ!

Се ны Ерусалимѣ! привѣшштвуемѣ спокрашѣ!

Такѣ смѣлые пловцы, игралище военей,

Для славы суешной далекихѣ опкровений,

При блескѣ чуждыхѣ звѣздѣ, воюя Океанѣ,

Блуждающѣ бѣдныя, — корысть враждебныхѣ
странѣ! —

Уже опчаянье сердца ихѣ застужаетѣ;

Но вдругѣ желанной брегѣ ихѣ взоры поражаетѣ;

Во изсшупленіи, безмолвны, издали,

Другѣ другу кажущѣ видѣ синѣющей земли;

Еще приближились: — еще шуманѣ яснѣ,

Знакомѣ мѣста, и сердце веселѣ:

Открылось! . . . . воплями пошряся горній
сводѣ, —

Какѣ будшо не было, ни бѣдѣ, ни непогодѣ. —

Но радость перваго на Божій градѣ воз-
зрѣнья

Смѣнилась шрепешомѣ святымѣ благоговѣнья;

Унынїемъ святымъ исполнились сердца :
 Всякъ мнилъ; се бренное приспанище Творца!
 Здѣсь Оно рожденъ, спрадалъ, здѣсь грозу
 покорился,
 Здѣсь, рушивъ смерти павъ, на небо возвра-
 щился!

Взоръ томной, тихій шагъ, склоненная глава,
 Рыданье, токи слезъ, прерывныя слова,
 Являли скорбїю веселье разшворенно ;
 Несется томной гулъ надъ ратью умиленной.
 Такъ бурный ропщеть вътрѣ, ударясь въ
 мрачный лѣсъ :
 Скрывъ корней, листвевъ шумъ возходитъ до
 небесъ ;

Такъ ярая волна , разбилая скалами ,
 Ревещъ — и вода ея вшорится межъ горами.

Всѣ ратники, благихъ ревнители вождей,
 Текутъ по ихъ слѣдамъ священною слезей;
 Стопы облажены, отринувъ шлемъ пернатый,
 И злато, броней блескъ, и всякъ уборъ богатый.
 Смиренїемъ Креста унижены въ конецъ,
 Ошвергли суеты и помыслы сердець ;
 Съ очами полными росы благоговѣнья
 Они въ себѣ винятъ холодность умиленья.
 Такъ здѣсь, Спаситель мой, гласитъ герой стенья,
 Такъ здѣсь излила кровь святая за меня !
 И я, безчувственный, къ слѣдамъ Твоимъ ка-
 саюсь !

И я въ источникъ слезъ еще не превращаюсь!
 И сердце лдяное не шаетъ отъ скорбей !
 Согрѣйся хладна грудь! — терзайся, рвись, болей!
 Преступная душа, шеперь ли мнѣ измѣнишь !
 Ты вѣчностію слезъ минушь сихъ не замѣ-
 нишь ! —

Такъ плакали Креста послушные сыны,
Межъ пѣмъ невѣрныхъ стражи, съ бойничной
Вышины,

Чрезъ горы и луга простря свое вниманье,
Зришь вихря мглистаго далеко волнованье;
То зарево оно, то пламеннымъ столбомъ,
То шучю грозитъ, спремищей бурной громъ;
Еще мгновение — шуманы разступились,
Горящій рядъ мечей и всадники открылись.

О Небо! возочилъ — опколъ, опколъ возсталъ
Сей праха черной вихрь — сей, пламень лю-
щій валъ? —

Опколъ сія гроза? — къ оружію! на стѣны!
Къ защитѣ граждане, спокойствомъ оболь-
щенны!

Къ защитѣ! — брань зовешъ! — несется су-
постатъ!

Ужь близокъ, — Снонетъ гулъ — основы
стѣнъ дрожатъ! —

За копья! за мечи! се онъ! — се шучи яры,
Спремищія на насъ погибельны удары! —

Восколебался градъ! и спарецъ и молодой,
Слезящая толпа, недружная съ войной,

И жены, чуждыи геройственной науки,
Подъемлюю къ олшарамъ препенущія руки;

Въ дослѣхахъ ратники, воспитанны въ бояхъ,
Въ дослѣхахъ селянны, могущій стать въ

рядахъ;
Волнуются вокругъ стѣнъ; столшъ — врагамъ
опора;

Все движешъ Аладинъ; — все плодъ его надзора;

Раздавъ велѣнія пошребныя вождямъ,
Султанъ безшрепешной въ бойницу входитъ
самъ,

Копорая, возставъ между двумя врагами,
Казалось, царспивуешъ надъ долсмъ и горами;

Опсель онъ видишь, гдѣ бушуетъ яра брань,
И гдѣ его нужна спасительная длань.
Предъ нимъ *Эрминія*, Эрминія прекрасна! —
По смерти родшаго, оставивъ домъ, — несчастна!
Оставивъ милой градъ и падшій пронъ опцовъ,
Въ Царѣ она нашла и друга и покровъ.

Клоринда между шѣмъ лешишь на поле
боевъ,
Съ ней многіе пекушь; одна впереди героевъ.
Аргантъ среди засадъ въ таинственной глуши,
Едва, едва смирялъ пылъ ярыя души;
Мгновенье каждое казалось часами;
Клоринда всѣхъ крѣпиль и взоромъ и словами:
„Теперь, шеперь, друзья, мы подвигомъ благимъ
Надежду первую Востока ушвердимъ!“
Рекла, — и зришь толпу противныхъ отдѣ-
ленну,
Богащствомъ добычи безвременно прельщенну;
Почши у самыхъ врагъ отважные тогда
Спремилась въ станъ угнашь пипающи спада.
Безшрешная къ нимъ; сѣснѣлись вокругъ
ловипвы;
Гордонъ, ихъ вождь, даетъ знакъ гибельныхъ
битвъ.
Герой великихъ силъ, но слабый передъ ней —
Ударъ — и роешь прахъ онъ шяжестью своей,
И жершва первая свершилась богу брани!
Невѣрныхъ сонмища подвемлюшь къ небу длани;
Гремишь веселій плескъ, и жреческій совѣшь
Сію побѣду чшишь предвѣстіемъ побѣдъ. —
Клоринда гордая въ среду полка влепаетъ,
Ея рука спо рукъ геройскихъ замѣняетъ;
Невѣрные во слѣдъ стезей кровавыхъ сѣчь,
Которую опверзъ ея ужасной мечъ, —
Тѣсняшь, шерзаюшь, жмушь, кружатся въ
вихряхъ праха; —

Корысть возвращена. — Сраженны, чужды
 страха,
 Въ порядкѣ Рыцари опходятъ къ высотамъ;
 Отъ сонма помощь къ нимъ несется по путямъ.
 Какъ въшрѣ порывистой, круша пяски сыпучи,
 Какъ огонь падешъ изъ нѣдръ громоносящей тучи,
 Велѣнiемъ вождя Готфреда усстремленъ
Танкредъ, спѣшишь Танкредъ, и ихъ разру-
 шенъ плѣнъ.

Его геройской видѣ, опвага, стройность,
 сила,
 Царя невѣрнаго вниманье поразила. —
 Онъ чтилъ его однимъ изъ избранныхъ вождей.
 Попомъ склоняся къ шой, копорой шрепешъ
 спростной
 Давно уже сказалъ, кто рыцарь сей опасной,
 Царевна, онъ гласишь, ты зрѣла Гальску рать,
 Ты можешь ихъ вождей и въ шлемахъ познавать!
 Повѣдай мнѣ, кто сей, споль спройной, поро-
 пливой,
 Играющій копьемъ съ улыбкой горделивой?
 Изрекъ. — Ошвѣшомъ вздохъ и слезы лишь однѣ!
 Скрываешъ слезы, вздохъ въ сердечной глубинѣ;
 Но влажный взоровъ блескъ, но блѣдныхъ устъ
 дрожанье
 Являющъ шайное души ея спраданье. —
 Красавица молчишь, вздыхаешъ, плачешъ вновь;
 Наружною враждой одѣвъ свою любовь,
 Увы! рекла она, его давно я знаю. . . .
 Злодѣйства помню всѣ . . . въ груди моей пинаю.
 Онъ кровью нашихъ силъ долины упоилъ,
 Онъ воды прупами въ рѣкахъ остановилъ;
 Всѣ травы, чары всѣ науки ухищренной
 Не могушь врачевать имъ раны нанесенны!
 Споль шягосшенъ ударъ! . . Ахъ! Витязь сей,
 Танкредъ;

Бсюсь, чшобъ не погибъ . . . чшобъ люшой
мечь . . . нѣшъ! нѣшъ!

Когда бы пѣвникомъ его я принимала!

Когдабъ живому я всю силу показала

Той месши сладостной, для коей я жива!

Вѣщала; шажкой вздохъ прервалъ ея слова . . .

Всѣ, всѣ они, рекъ Царь, найдущъ иль пѣвнъ,
иль гробы . . .

(Слѣпой! онъ спрасъ любви щипалъ востор-
гомъ злобы)!

Клоринда между шѣмъ, склоненна на лукъ,

Къ Танкреду понеслась: — копье въ ея рукъ,

Стеклись, ударили въ забрала шлемовъ мѣдныхъ:

Змѣяшся въ воздухъ изгибы молній блѣдныхъ;

Часть шлема у нее отбилая лепитъ;

Еще ударъ . . . онъ снятъ . . . неожиданной видъ!

На сталь броси волна злыхъ власовъ упала,

Въ ужасномъ ратникъ красавица предешала. —

Ланипы въ пламени . . . горитъ враждою взглядъ.

И въ самомъ гнѣвѣ милъ! — Чшоужъ будетъ

въ часъ ошрадъ,

Въ часъ нѣжныя любви? — Танкредъ ожесто-

ченный,

Гдѣ мысль швоя? — гдѣ взоръ? — ужели ослѣ-

пленный,

Еще ты не позналъ небесныхъ сихъ очей?

Вопъ радость! вопъ шоска! мечта души швоей!

Ахъ! въ сердцѣ у тебя сіе изображенъе;

Спроси его; оно разсѣтъ заблужденъе;

Се та, которую узрѣла спрасъ швоя

Въ шѣни древесъ, въ водахъ прохладнаго ручья;

Познай: броня и шлемъ сей, лаврами покрышый,

Таили опъ любви взоръ милый и ланипы!

Сей видитъ наконецъ . . . смущенъ, недви-

жимъ, нѣмъ! —

Ока, сокрывъ главу, прошивъ него съ мечемъ;

Онъ вспяшь, она за нимъ; женешъ, — бѣжитъ
несчастной.

И гряды жершвѣ лежатъ стезей его ужасной.
Но лютая къ его привязана сабдамъ:

Пешой, сразись, речешъ, и вдругъ къ его сто-
памъ

Повергнула двохъ, двѣ мщению препоны;
Разимый не разитъ, не хощетъ обороны,
Взоръ быстрой не къ мечу, къ симъ взорамъ
устремленъ,
Гдѣ страшной богъ любви гласитъ безмерной
пльнѣ.

Ахъ! что моя рука? — Герой въ себѣ вѣщаетъ,
Ударъ мой въ воздухъ безплодно погибаетъ;

Удары прелестей не тщешны, не умрутъ,

Сквозь мѣдную броню въ сердца они идутъ!

Рыцаря наконецъ искашь, — но не любви, —

Полюбви искашь, чтобъ съ жизнью, съ по-
комъ крови

Излитъ и шайнство несчастное предъ ней;

Чтобы узнала все, что онъ ей не злодѣй,

Что пльникъ, рабъ ея шрепещущій, смирен-
ный.

О ты, копорой взоръ, свирѣпшвомъ воспа-
ленный,

— Являетъ, что шебѣ здѣсь въ тысячахъ враговъ
Врагомъ лишь только я . . . . оставь ряды

полковъ,

Отдѣлимся . . . . нашъ долгъ познашь другъ
друга болѣ;

Тамъ силы мы свои извѣдаемъ по волѣ. —

Пріемлетъ договоръ. — Съ блистающимъ ме-
чемъ,

Забывши, что главы не кростъ бранный шлемъ,

Свирѣпая летитъ; за ней Таньредъ унылой,

Преступникъ, предъ своей открытою могилой.

И битва началась. — Помедли, онъ речешъ,
 До брани совершимъ мы брани сей завѣшъ.
 Остановилася. — Любовь, поско, помленье
 Въ спрадальческую грудь вливаюшъ дерзно-
 венне.

„Коль мира утвердить не хочешь ты со мной,
 Внемли завѣшъ, изрекъ рѣдающій Герой.

Вотъ сердце: рви его, вопиельница дивна!
 Оно не можешъ жить, коль жизнь тебѣ про-
 пивна!

Оно свое давно . . . . не власпенъ въ немъ,
 сражай

И собственну корысть себѣ ты возвращай! —
 Смотри: вотъ здѣсь рука. — Кидаю шлемъ,
 забрало . . .

Вотъ грудь открытая . . . что медлишь, или
 мало?

Иль помощь для тебя? или мой нуженъ плѣнъ?
 Возри: срываю я броню свою съ ramenъ. . .

Повелѣвай, рази. . . . Еще Танкредъ несчастной
 Спремился изржать поску любви ужасной,
 Какъ вдругъ невѣрныхъ сомъ свирѣпостью рѣки
 Нахлынулъ съ воплемъ къ нимъ: смѣшались
 полки,

Разятъ . . . И варвары теперь не устояли;
 Иль хитрость, или страхъ къ твердынямъ
 ихъ погнали.

Единъ изъ Христiянъ . . . конечно . . . врагъ
 красы,

Зря юной всадницы волнуемы власы,
 Свирѣпой къ ней спѣшишь, приблизился, надъ
 жершвой

Заносишь грозной мечъ; — къ нему Танкредъ
 полмерпвой;

Поспой, вскричалъ; летишь, неудержимъ ни
 чѣмъ,

И мечъ ничтожнаго отбилъ своимъ мечемъ.

Но совершенъ ударъ — дымится легка рана,
 Съ власами русыми смѣшалась кровь багряна,
 И капли рѣдкія на бѣлу грудь падушъ;
 Таковъ художника испытаннаго прудъ,
 Рубина нѣжной огнь на златѣ такъ пылаешъ.
 Танкредъ неистовый какъ левъ въ лѣсахъ ры-
 каешъ;

Къ убійцѣ нискому склоняешъ свой полешъ.
 Но рашникъ вспяшь потекъ. — Танкредъ за
 нимъ во слѣдъ,

Какъ Вышняго перунъ, гроза неизбѣжима. —
 Клоринда смущная, безмолвна, недвижима,
 Не знала, что начашъ, не вѣрила очамъ;
 Потомъ съ толпой своихъ пустилась ко стѣ-
 намъ.

Но часто на бѣгу претящею являлась:
 И опшупала вдругъ, и вдругъ останавлилась.
 Бѣжитъ, пресѣдуешъ, побѣждена, и нѣтъ;
 Не хочешъ уступить, не хочешъ и побѣдъ!
 Таковъ является на битвищахъ оспрадныхъ
 Волъ ярый среди псовъ, горячей крови жадныхъ:
 Уставишь ли рога: — разсѣялись дождемъ:
 Бѣжитъ, — и всѣ за нимъ, и всѣ впилися
 въ немъ.

Безспрашная главу щипомъ приосѣняешъ,
 Ударъ удару въ слѣдъ безплодно погибашъ;
 Такъ Мавръ, спремьясь назадъ, искусенъ на
 играхъ
 Остановишь меча враждебнаго размахъ.

Уже гонимые, гонящіе смѣшенны,
 Борясь, уткнули подъ горы града стѣны: —
 Внезапно спрашный вопль раздался по странамъ,
 Невѣрныхъ полчища, подобяся волнамъ,
 Разлились изъ засадъ, и доли наводнили:
 Мновенно Хрисціанъ Срацыны окружили,

Терзающъ, гонящъ, жмушъ, — и самъ Арганшъ
 съ полкомъ,
 Какъ смерть, опчаянныхъ предшаль передъ
 лицомъ.

Черкесъ неистовый, въ огнѣ и буряхъ хладный,
 Исходитъ изъ рядовъ, какъ волкъ изъ нырищъ
 гладный.

Ужь всадникъ пылкихъ лѣшъ, опвагою влекомъ,
 Глошаетъ влажну пыль, попраивъ своимъ нонѣмъ;
 Уже вокругъ грознаго лежали пруповъ горы;
 Ненасышимые пылающъ адомъ взоры;

Копье его лешишъ опломками на прахъ;
 Онъ поднялъ спрашной мечъ! прошивнымъ но-
 вымъ страхъ!

Клоринда съ нимъ дѣлишъ лавръ чести и ис-
 кусства;

Уже Арделионъ, лишенный жизни чувства,
 Лежишъ сѣдый Герой, въ преклонныхъ младъ
 лѣшахъ;

Подпору старости онъ зрѣлъ въ двоихъ сынахъ.
 Надежда тщешная! — закрывъ отца собою,
 Спарбйшій сынъ Алкандръ палъ смертною
 косою.

Младый меча избѣгъ; для нихъ любившій жить,
 Увы! онъ не возмогъ ихъ смерти раздѣлишь! —

Межъ шѣмъ Танкредъ, горя опмщенья
 жаждой лесной,

Напрасно мнилъ постычь врага своей любезной;
 Эфирный конь его опъ казни уносилъ.

Герой, остановясь, взоръ къ спутникамъ скло-
 нилъ,

И зришъ, что преданны слѣпой геройской
 спрасши,

Предѣлы перешли, и на краю напасти,
 Объяшые врагомъ; — даетъ кою броды,

Лешисѣ — храбрѣйшихъ сонмъ печетѣ въ егѣ
слѣды,

Дружина волнана, цвѣтѣ раши, огражденье!
Ренальдъ, смиришель битвѣ, красавицѣ вос-
хищенье,

Ренальдѣ напередѣ. — Не столь порывистѣ громѣ!
Уже Эрминія, познавѣ его шелома.

На коемѣ израженѣ ореалъ быстропарящій,
Познавѣ сей стройный шанѣ, сей видѣ, вра-
гамѣ грозящій,

Вошѣ, вошѣ, гласишѣ Царю, ошважѣйшій изѣ
всѣхѣ,

Вѣ сей мышцѣ положенѣ судьбиной битвѣ
успѣхѣ!

Нѣшѣ равнаго ему въ искусствѣ ратныхъ
преній; —

Соперникѣ нерожденѣ. Младенецѣ — богѣ сра-
женій! — —

Когдабѣ враждебна рать могла въ себѣ сочестѣ
Еще подобныхъ прехѣ: — прости Востока чести!

Во узахѣ Христіанѣ владыкиѣ возстемали

И Полдня и Зари народы бы познали

Сѣ препетомѣ его законовѣ новый свѣтѣ;

И хитрый Нилѣ, въ горахѣ сокрышій свой
хребетѣ,

Склонилсѣбѣ пройшвенной къ стомамѣ егѣ
главою. —

Вго зовущѣ Ренальдѣ : : : одной своей рукою
Скорбе махинѣ всѣхѣ онѣ стѣны попрясетѣ.

А сей, кошораго ошликой значисѣ цвѣтѣ

На сребренной бронѣ, — *Дузовѣ* его названье.

И слава прадѣдовѣ и дѣлѣ его блистанье

Со всѣми первыми сравняшѣ его могли;

Лѣша ему права начальства принесли.

Другой — окрестѣ его . . . какѣ черной дубѣ
великій,

Жернандъ, ошважный бранѣ Норвежскаго вла-
дыки ;

Въ немѣ сердце гордости самой воплощено,
Блещащихъ дѣлъ его позорное пяшно !

Сии два рыцаря . . . единство безпримѣрно !

Во' сребренныхъ броняхъ, супругѣ съ супругой
вѣрной !

Гилдиппа ! Одоардъ ! влюбленныхъ образецѣ
И храбростью въ бояхъ и нѣжностью сердецѣ !

Рекла. — Въ сей люшый часѣ свирѣпа буря
брани

Расколыхалася — стѣснились съ дланьми длань —
ни —

И льешся кровь рѣкой. — Танкредѣ съ Реналь-
домѣ шамѣ,

Гдѣ рашники густѣй, гдѣ мечь опорѣ мечамѣ ;
За ними въ слѣдѣ Дудомѣ съ дружиною гро-
мовой ;

Кружись, съешѣ смерть, на нивѣ онѣ лавро-
вой.

Арганшѣ, и самѣ Арганшѣ Ренальдовой рукой
стѣсненѣ и пораженѣ, адѣ видишѣ предѣ собой —
Едва подѣмлется . . . погибѣ бы дерзновенной !

Но вдругѣ Ренальдовѣ конѣ, въ порывахъ закру-
женной,

На землю грянулся со всадникомѣ своимѣ ;
стѣснившись рыцари, приникли въ помощь къ
нимѣ.

Тогда язычники, смятены яримѣ страхомѣ,
Помчались ко стѣнамѣ, и пылъ закрыли прахомѣ ;
Арганшѣ съ Клориндою спояли, какѣ оплошѣ,
Какѣ мѣдная скала противу бурныхъ водѣ.
Текушѣ послѣдніе и бьются въ опшугленѣ,
Усилій Хрисіянѣ преграда и помленье ! —
За ними реяся, какѣ пчелы за стѣной,

Безбѣдно варвары побѣгѣ скрываютъ свой.
 Дудонъ увѣренный, побѣдѣ предается,
 Весь въ пламени, въ пыли неистовый несется,
 Все рубишь, всѣхъ разишь, какъ лѣпкою праву.
 Единымъ махомъ снялъ Тигранову главу;
 Алзара не спасли съ колчугой мѣдны лапы;
 Разшибенъ по частямъ Корбана шлемъ перизтый:
 Ихъ чепа, руки, грудь . . . ужаснѣйшій позоръ!
 Все рана лишь одна, смущающая взоръ!
 И ты, о Амуратъ! окончилъ дни любезны! —
 Мегмедъ и Альманзоръ, сраженій столбъ же-
 лѣзный,
 Въ безплодной ярости пьютъ кровью влажной
 прахъ! —
 Аргантъ въ душѣ своей безвѣстной слышитъ
 страхъ,
 Скрежещешь великанъ . . . остановакъ къ бою,
 Кружишься . . . опсунуишь къ препещущему
 спрюю. . . .
 И вдругъ нечаянный, какъ свитый клубомъ змей,
 Напрягнулся, сверкнулъ громовою спруей,
 И мечъ въ ребро вождя открытое вонзаетъ:
 Въ кровавомъ парѣ жизнь изъ раны исшекаетъ;
 И очи томныя, обвяшы смертной пьюмой,
 Сковалъ желѣзной сонъ и шягостной покой;
 Трикрашы онъ открышь глаза свои спремится,
 Чтобъ милымъ свѣтомъ дня въ послѣдни на-
 сладиться,
 Трикрашы, опершись на локошь, встанъ хошѣлъ,
 Трикрашы упадалъ . . . вдругъ взоръ оцѣпенѣлъ,
 Упали вѣжди . . . смерть оледенила члены;
 Нѣмѣютъ влагою холодной орошенны! — —
 Неистовый Аргантъ, еще ненасытимъ,
 Чрезъ блѣдный шрупъ протекъ къ убійствіямъ
 инымъ;
 Свирѣлой радостью кипятъ кровавы взгляды,
 Хохочетъ, — и склонясь на Гальскіе опряды,

Сей мечъ, гласишь, мнѣ даръ отъ вашего Царя,
 Еще дымишься онъ, весь кровію горя;
 Позбдайте Царю, какъ я за даръ примѣрной
 Теперь ему воздалъ... онъ будетъ веселъ вѣрно!
 Скажите, въ семъ мечѣ безцѣннѣе спокрашъ
 Добраго прочная, чѣмъ блещущій нарядъ! —
 Скажите, что онъ самъ по скоро испышаетъ;
 Что медлитъ, иль меня во спанъ ожидаетъ? —
 Приду! не долго ждешь! его не долго спрахъ!
 Изрекъ, героевъ сонмъ вскипѣлъ при сихъ сло-
 вахъ.

Спѣснились, гордостью безумной оскорблены,
 Лешащъ на дикаго, какъ вихрь воспламенен-
 ный. . . .

Лешащъ . . . но гдѣ борецъ? — . . . Слѣзъ съ своей
 шолпой,

Онъ спѣсь и стыдъ сокрылъ за градскою спѣной.
 Какъ буря съ горъ валитъ, дыша зимой и хла-
 домъ,

Посыпались со спѣнъ камня грознымъ градомъ;
 Какъ шуча снѣжная въ свистящей быспрошъ,
 Сѣкупся, реюся шумы спрѣлъ на высѣтѣ;
 Убийственна мгла надъ рашью отягчилась,
 Лешся смерть дождемъ — и Храбрость изу-
 милась;

Недвижны рыцари . . . и полчища Срацинъ
 Безбѣдно входящъ въ градъ. . . Но се Берноль-
 довъ сынъ!

Течетъ, не знающій ни спраха, ни закона,
 Свершитъ достойну казнъ губишело Дудона. —
 Чего вы ждете здѣсь? — почто стоятъ? —
 пойдѣмъ . . .

(Со громомъ бурныхъ словъ, раздался брони
 громъ),

Или не слышите къ вамъ крови вопіющей? —
 Или откажешесь отъ чести васъ зовущей?

Какъ? мщенію преграда можешъ быть? —
 Вашъ гнѣвъ, вашъ правой гнѣвъ, швердыня
 преградить! —
 Нѣтъ, нѣтъ! хотя она и крѣче адаманша,
 Хотя сложена изъ горъ, не защититъ Арганша!
 Найдемъ его вездѣ, изроемъ сердце скалъ! . . .
 На приступъ, войны! — и первой побѣжалъ! —
 И храбрые за нимъ, кипящими волнами.
 Уже осыпанъ шлемъ нещесными стрѣлами,
 Вихрь камней надъ головой, громады вокругъ него,
 Вездѣ ревуца смерть — не видитъ ничего. —
 Высокое чело, какъ небо предъ грозою,
 Нахмуренно, спрашитъ рѣшительной борьбою;
 Ланиты гнѣвныя шо блѣдны, шо горятъ,
 И сердца въ глубинѣ шрепещетъ смущный градъ.
 Мужающъ рыцаря. . . Срацны цѣпенѣющъ,
 Ихъ руки на мечехъ бездѣйственны хладѣющъ. —
 Уже побѣды часъ . . . но мудрый *Siegfried*
 Владыки именовъ слова къ нему просперъ;
 Исполненъ швердости прямой и непреложной,
 Прешитъ ошвагъ онъ вождя неоспорожной: —
 „Вспяшь, вспяшь спупай Герой; не здѣсь шебъ
 чреда! —
 Отъ храбросши швоей не здѣсь мы ждемъ плода!
 Въщасешъ шакъ Гошфредъ.“ — Ренальдъ ошпановилъся,
 Безмолвный, шрепещалъ; покорный, онъ ярился!
 Какъ бурная волна, шѣсенна между скалъ,
 Окаменѣлъ, . . . но гнѣвъ въ глазахъ его блисталъ.
 Невольно вспяшь текущъ геройскія дружины, —
 И шмошрятъ съ шрепешомъ на ошшупъ ихъ
 Срацны! . . .

Тогда послѣднюю приемятъ честь Дудонъ:
 Побѣды хвальшой звукъ смѣнили плачь и шномъ;

Унылые друзья съ померкшими очами
Несущъ бездушный прупъ межъ рашными ря-
дами.

Готфредъ, на высотъ горы уединенъ,
Въ то время озиралъ искусство градскихъ
стѣнъ.

Се градъ на двухъ холмахъ основанъ укрѣ-
пленныхъ,
Неравной высоты, другъ къ другу обращенныхъ;
Межъ ними, какъ рѣка, глубокой долъ лежатъ,
Солиму пышную онъ на поля дѣлитъ.

Съ шрехъ спранъ погибельно ко граду при-
ближенъ;

Отъ сѣверной едва примѣтно возвышенъ;

Сія открытая для воинства спрана
Стѣною страшною и рвомъ ограждена. —

Земля, нѣжнѣйша мать сыновъ своихъ люби-
мыхъ,

Исполнила весь градъ ключей неиспощимыхъ;
Искусство воды ихъ размножило въ садахъ;
Внѣ града запершы изходища въ горахъ.

Лугъ черенъ, мертво все, ни рѣкъ, ниже потока,
Не кроетъ въ лѣшнихъ зной деревьевъ тѣнь
глубока,

Не тѣшатъ спранника лазуревы цвѣты,
Все пусто. — Тамъ вдали съ нагорной высоты

Возносятся лѣса, духовъ геенскихъ сѣни,
Жилище мрачное коварствъ и обольщеній! —

Блаженный Іорданъ отъ упренней зари
Капитъ, величествомъ исполнены спруи;

Отъ Запада валы Средземна моря воютъ,
Кипя, въ пескахъ береговъ бесплодну ярость
кроютъ;

На Сѣверѣ *Бетель*, склоненный предъ шельцомъ,
И съ блѣднымъ *Самаритъ* невѣрія челомъ;

Межь ними *Вифлиезъ*, туманомъ покровенной,
Смиренна колыбель Зиждипеля вселенной!

Такъ мудрый вождь племенъ лепкающимъ
умомъ
Измѣривалъ сей градъ и окрестность кругомъ,
И выгоды страны и мѣстоположенія,
И перстомъ указалъ, гдѣ полю бышь сраженья,
Гдѣ слабая страна, гдѣ присшупа вѣнецъ. . . .
Зрминія его узрѣла наконецъ.
Се онъ! гласишь Царю, сей мужъ подѣ ба-
границей,
Съ величіемъ въ очахъ, съ простертою десницей,
Которой, кажется, уставы подаетъ,
Осанисшь, знаменишь. . . . сей дивный мужъ
Готфредъ,
Судьбами Вышняго рожденный для короны,
Онъ знаетъ и Вождя и ратника законы;
Начальникъ и судья, въ совѣтахъ и въ бояхъ,
Вездѣ Герой великъ, вездѣ противнымъ страхъ;
Единый лишь Раймондъ съ нимъ мудростию
равенъ;
Одинъ Танкредъ, Ренальдъ шолокожь въ бин-
вахъ славенъ. —
Я знаю Випязя, (отвѣтствовалъ тиранъ).
Носящій нѣкогда посла священный санъ,
Я зрѣлъ, какъ предводилъ онъ праздничные лики
При блестящемъ дворѣ Галлійскаго Владыки. —
Я зрѣлъ, какъ онъ ломалъ на играхъ копій рядъ. —
Еще онъ опрокъ былъ, но силами богатырь;
Тогда уже въ рѣчахъ, во взорахъ и въ сраженьѣ
Являлъ высокое свое предназначенье;
Тогда я предвѣщалъ, что будетъ онъ Герой. . . .
Нерадостный пророкъ! — Покрытые слезой,
Здѣсь взоры Аладинъ безмолвно пошупляетъ;
Но вскорѣ укрѣнясь, — вѣщай мнѣ, продол-
жаетъ,

Кто сей, столь близкій съ нимъ, грядущій о
спранъ?

Одинъ въ нихъ взоръ, должны бышь чувства
въ нихъ однъ:

Подобье дивное... онъ ниже только спаномъ;

Сей *Балдуинъ*, рекла Царевна предъ тираномъ,
Не образомъ однимъ, дѣлами брашъ и другъ! —

А сей, кошорому внимаешъ рашный кругъ,
Который, кажешся, Вождю даешъ совѣты? —

Сей рыцарь ешь *Раймондъ*. — Враги, друзья,
клеврешы,

Всѣ строгаго ума дивяшся быспрошъ;

Сей спарецъ посѣдѣлъ въ военной пѣсношъ;

Искусный соплешашъ врагу сокрышы ковы,

Творишъ онъ изъ засадъ лѣса себѣ лавровы! —

А сей, вдали одинъ, злашой носящъ шеломъ?

Царя Бришанска сынъ, безпрепешный *Гильйомъ*,

Съ нимъ *Гвелфъ*, гроза враговъ, соперникъ хра-
брымъ равный,

Породой, знаншностью и саномъ доспославный;

Высока, крѣпка грудь, широки рамена:

Вошъ признаки его. — Онъ воиншва стѣна!

Но злѣйшаго не зрю межъ ними супосшаша,

Въ комъ шрона моего и племени ушраша! —

Ужели шы, *Божонтъ*, коваршва полный врагъ,

Ужель позналъ шы шшдѣ, и кроешся въ
шашрахъ!

Вѣщала... между шѣмъ Гошфреда умъ ис-
пышный

Мѣста всѣ обзорѣлъ, и явныя, и скрышны.

Богашый въ средшвахъ Царь нисходитъ въ
сонмъ друзей.

Онъ вѣдалъ: шруденъ лшшь нагорную шезей;

Тамъ должно бранъ вести съ Природою угрюмой,

И къ Сѣвернымъ врашамъ склонилс я рашной
думой.

Въ долину проливъ ихъ строй спавитѣ
 онъ большой,
 Просперши рати цѣпь до башни *Узловой*.
 Какъ выспренній орелъ единымъ быстрымъ
 взмахомъ
 Упавшій на корысть, уже убишу страхомъ,
 Онъ крыла воинства стѣснялъ и расширялъ,
 И прешью града часть во препетѣ держалъ.
 Искусство, съ хитросью сражаяся Природы,
 Пресѣкло съ прочихъ спранъ пуши и пере-
 ходы: —
 Извержешъ ли враговъ въ засады злобной градъ? —
 Внезапно встрѣшишь ихъ въ окопахъ скры-
 шой адъ;
 Союзникиль придуть къ Солимъ въ защи-
 щенье? —
 Широки рвы, валы неистовымъ прещенье! —
 Исполнивъ тако долгъ священѣйшій вождямъ,
 Онъ сердце преклонилъ къ печали и слезамъ. —
 Дудона славнаго останки дорогія
 Приемлютъ почести послѣднія, святыя;
 Спящій, горестный друзей его соборъ
 Споишь, склоня на шрупъ отъ слезъ померк-
 шій взоръ;
 Увядшій другъ лежитъ въ виду передъ полками
 На ложѣ, рашными украшенномъ вѣнцами;
 Трофеи вокругъ него поставлены чредой,
 Знамена пѣлныя служили пеленой. — —
 Пришествіемъ Вождя и вопль и плачь удвсенъ;
 Явился къ нимъ Гошфредъ, ни мраченъ, ни
 спокоенъ;
 Всю горечь подавилъ въ геройской сибъ душѣ;
 Волнуемый шоккой, сражаемый вопще,
 На шѣло устремивъ недвижными очи,
 Споишь въ безмолвицъ, какъ призракъ въ мракѣ
 ночи!

Не слезы и не плачь, вѣщаешь наконецъ —
 Ты долженъ воспріять отъ преданныхъ сер-
 децъ,
 Почившій для земли, для неба пробужденный,
 Отъ праха смершнаго къ безсмершью воскрешенный!

Ты славой озарилъ побѣдный путь Креста,
 Ты жилъ и умеръ ты, какъ избранный Христа! —
 Окончаны пруды и мужества и Вѣры!
 Оставлены друзьямъ великіе примѣры!
 Блаженная душа! спокой швой грозный взглядъ!
 Нѣтъ брани, нѣтъ враговъ въ обители оправдъ!
 Блаженшвей и ликуй . . . . намъ слезы! намъ
 рыданья!

Не швой, но жребій нашъ достоинъ состраданья!
 Въ тебѣ ушрачена часъ важна насъ самихъ!
 Въ тебѣ лишились мы силъ собственныхъ сво-
 ихъ!

Но если шо, что міръ здѣсь смершью называешь,
 Земныя помощи друзей швоихъ лишаешь;
 Въ замѣну, предстоя предъ Господомъ благимъ,
 Небесну помощь швы испросишь въ горѣ имъ!
 Ты смершный — слѣдуя и долгу и закону,
 Оружье смершное намъ ставилъ въ оборону. . .
 Безсмершный . . . . ахъ! позволь надеждой
 льститься сей,

Предъ нами пощечешь незримой ты спезей;
 Архиспрашигъ небесъ, ты вѣрныхъ предъ пол-
 ками,

Всерушащими днешь одѣнешся громами. . . .
 О горній Духъ! внуши молишвенный обѣщъ,
 Скажи, устрой нашъ путь, будь вѣстникъ
 намъ побѣдъ!

Когда судьба велишь, коль славою вѣнчаны,
 Мы подвигъ совершимъ и клятвами нами данны:
 Тогда тебѣ, Герой, мы жертвы принесемъ!
 Тогда швои хвалы во храмахъ воспоемъ!

Вѣщаль; и се, спустясь Царица темно-крыла,
 Послѣдній гаситъ лучъ небеснаго свѣтила.
 Сонъ сладкій усыпалъ мученія въ сердцахъ,
 И не шепчетъ слеза спрадальца на очахъ! —
 Одинъ Готфредъ, одинъ, покоя опшчужденный,
 Вниманіемъ къ стѣнамъ Солимы увлеченный,
 Вращалъ въ своемъ умѣ махины грозныхъ силъ,
 И приступъ учредя, немного опочилъ.
 Но съ Фебомъ возстаетъ для должностей пе-
 чальныхъ,
 Самъ шествуешь во слѣдъ обрядовъ погребаль-
 ныхъ. —

Въ лугу, надъ коимъ холмъ утесистый нависъ,
 Останки Вишязя вмѣщаетъ кипарисъ,
 И пальма гордая вкругъ вѣтви разширяетъ;
 Въ тѣни ея Герой по буряхъ поживаетъ;
 Спустилась гробна дска, омыта покомъ слезъ;
 Синклитъ на небеса мольбы свои вознесъ;
 На вѣтвяхъ пальмовыхъ побѣщены богаты
 Оружья плѣнные, мечи, досѣхи, лапы,
 Которыя Дудонъ, Сиріянъ, Персовъ страхъ,
 Доселъ прибрѣлъ въ щастливѣйшихъ бояхъ.
 Близъ древа щитъ его съ геройскимъ одѣянемъ;
 И дска о немъ гласитъ печальнымъ надпи-
 саньемъ:

*Здѣсь въ мирѣ спитъ Дудонъ . . . приш-
 лець, остановись,
 Предъ врагомъ славнаго смиренно пре-
 клонись!*

Исполнивъ тако долгъ, печали посвященный,
 Другъ Вѣры и Любви спалъ паки Вождь воен-
 ный.

Подъ кровомъ избранной дружины изъ полковъ,
 Онъ дровосѣковъ шлетъ въ глубокой мракъ
 лѣсовъ;

Къ дубравѣ спрашной сей, сокрышой за горами,
 Сиріянинѣ привелѣ ихѣ шайными спезями.
 Тамѣ грозны зиждушя машины прошивѣ стѣнѣ,
 Тамѣ жишрый умѣ шворишѣ Солимѣ спрахѣ и
 плѣнѣ. —

Кипящіе въ прудахѣ другѣ друга упреждающѣ,
 Дубравы мрачныя отѣ ихѣ сбкирѣ спенающѣ;
 Тамѣ эхо дикое отѣ первыхѣ міра дней
 Впервые слышишѣ спукѣ, впервые зришѣ
 людей.

Подѣ грознымѣ остриемѣ багрянаго булаша
 Падешѣ высокій кленѣ и сосна кудревата,
 И пальма спройная и шомной кипарисѣ;
 Съ гедерой соплепясь, скончался нѣжной писѣ:
 Пустыни дикія старѣйшины почшенны,
 Огромный древній дубѣ и кедрѣ превознесенный,
 Необоримые для бурей и вѣковѣ;
 Лежашѣ въ сырой правѣ безѣ вѣшвей и ли-
 сповѣ.

Тамѣ рапники спѣснясь, деревья шянушѣ роемѣ,
 Желѣзна гнется ось, скрыпашѣ колеса сѣ воемѣ;
 Рабочихѣ крикѣ и спонѣ, спукѣ маашовѣ,
 звонѣ мечей
 Женушѣ изѣ дебрей пшицѣ и изѣ пещерѣ звѣ-
 рей. —

Мрзлкъ.

II. К Р И Т И К А.

Сокращенный переводъ замѣчаній на книгу: Опытъ Нравственности и Полиптики, Малевя Моле, изданный по смерти сочинителя.

Творецъ Опыта Нравственности и Полиптики не опыскиваетъ челоѡка въ лѣсахъ, но находитъ его въ общежительномъ состоянїи, для котораго онъ созданъ. Утверждали, говорили онъ, что было состоянїе природное, въ которомъ челоѡкъ жилъ уединеннымъ и дикимъ, и что онъ могъ такимъ образомъ продолжаясь все бытїе, сохранить достоинство своея натуры, достигнуть цѣли своего назначенїя и вкушать удовольствїе, коимъ онъ долженъ наслаждаться. Изъ всѣхъ погрѣшностей испекшаго вѣка сїя по истинѣ есть самая важнѣйшая, опаснѣйшая, унижающая достоинство челоѡка. Подлинно, ежели челоѡкъ имѣетъ преимущество предъ прочими животными; по единственно по своимъ общежительнымъ качествамъ: ежели же сдѣлаете его дикимъ, то онъ будетъ только бѣдная шварь, порабощенная вожде-

леніямъ своего инстинкта и спраспей своихъ. Большая часть добродѣтелей человѣческихъ принадлежитъ къ общезипельному соспоянію и несомѣспна съ такъ называемымъ соспояніемъ природнымъ. Ежели чловѣкъ долженъ обипать въ лѣсахъ; то для чего Творецъ далъ ему сердце способное къ дружеспву, любви, признательности, ко всѣмъ нѣжнымъ и возвышеннымъ чувспвованіямъ? Для чего создалъ его склоннымъ къ благородспву и самопожертвованію, къ чловѣколюбію и справедливости? Для чего содѣлалъ душу его вмѣсплищемъ всѣхъ добродѣтелей, коихъ главная цѣль состоиптъ въ соединеніи людей между собою? А въ дикомъ соспояніи немогутъ они понимать добродѣтели; она была бы тамъ совершенно бесполезна. Дѣже нѣтъ надобности доказывать, что соспояніе, природнымъ называемое, есть соспояніе прошивное Природѣ. И какъ могли нешуща сему прошиворѣчить? Къ чему привела насъ спраспа разспуждать обо всѣмъ и ошдѣлять Полиспку отъ Нравспвенности! Это ли есть плодъ просвѣщеннаго вѣка? Щаспливы, говориптъ нашъ писатель, щаспливы тѣ времена, въ копорыя люди менѣе разспуждали о своей природѣ, и болѣе слѣдовали ея побужденію.

Общезипіе сродно чловѣку; одно оно можеть обуздашь гибельныя наклонности,

укропншь порывъ страстей, дать имъ спасительное направленіе и сдѣлать ихъ полезными какъ для себя, такъ и для другихъ. Теперь спрашивается: какое правленіе болѣе сродно человѣку, и какое предназначено ему Виновникомъ его бытія? Безъ сомнѣнія то, въ которомъ страсти управляются благоразуміемъ; въ которомъ умѣренность, главнѣйшая изъ добродѣтелей, вездѣ соблюдаетъ тишину и согласіе; въ которомъ человѣкъ оказывается болѣе мудрымъ, величественнымъ и дѣлаетъ полезное употребленіе изъ благородныхъ своихъ способностей. Такое правленіе предустановлено самою природою. Она показала намъ образецъ его въ семействахъ. Сіе правленіе было предназначено для человѣка; и въ семъ по смыслъ можно сказать, что всякая власть происходитъ отъ Бога: Онъ былъ первый правитель людей; Ему они вѣрили все щастіе и къ Нему прибѣгали въ несчастіяхъ. Борясь со страстями, они призвали на помощь умѣренность; угрожаемые анархіею узнали, что нѣтъ порядка безъ единства; власть и повиновеніе были утверждены общими ихъ выгодами; чтобы составить единое шло, общество вѣрило власть надъ собою избранному человеку и сей человекъ долженъ быть мудрецъ необыкновенный.

Здѣсь послушаемъ самаго сочинителя, ошвѣщсшвующаго шѣмъ, кои думаютъ, будто монархія въ своемъ существѣ есть самопроизвольная власть; послушаемъ, какимъ описываетъ онъ Монарха, коему народъ ввѣрилъ судьбу свою: „Необходимыя удовольствія свои находилъ онъ въ порядкѣ, могуществѣ и славѣ; ему нужны были благоразуміе, сила и благошворительность; онъ показалъ всѣ свои дарованія, коими снабдила его природа. Ни одна сдѣланная имъ погрѣшность неоспавалась безъ наказанія, и соспояніе его было шѣмъ замѣчательнѣе, что зло другому причиняемое опмщевалось на немъ самомъ. Въ семъ случаѣ блескъ славы его пошемнялся, уменьшалось его могущество и онъ видѣлъ себя окруженнымъ неуспройствами. Всякой вредъ, шерпимый обществомъ, дѣйствовалъ въ полной мѣрѣ и на самаго правителя; и шакъ правитель и общество соспавляли одно шѣло,“ и проч.

Теперь дошли мы до вопроса, рѣшеніе коего произвело важныя возраженія прошивъ сочинителя. Онъ опдаешъ первенство самодержавному правленію: прошивники осыпали его укоризнами, и обвиняютъ его въ защитѣ деспотизма. Сочинителя не поняли; между шѣмъ какъ удобнѣе было бы понять

его, нежели опровергать. Самодержавная и законная власть, говоритъ онъ, въ благоустроенномъ государствѣ никогда не можетъ обратиться въ самопроизвольную или деспотическую. Сіи два правленія несовмѣстны. Въ первомъ всѣ управляютъ однимъ; а во второмъ одинъ всѣми. Когда сочинитель далъ преимущество самодержавному правленію; то онъ разумѣлъ правленіе свободное въ своихъ дѣйствіяхъ, неприступное въ своемъ могуществѣ и огражденное всѣми силами общества, какія только соединены въ особѣ правителя. Потребно, чтобы власть занимала какое-нибудь опредѣленное мѣсто. Если находится она не въ средоточіи, а въ окружности; то ея дѣйствіе весьма опасно. Недавній опытъ показалъ намъ, что правленіе, тѣснимое въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ причинить гораздо болѣе вреда народу, нежели то, которое совершенно свободно въ своей власти. Я незнаю, по какому предразсудку думаютъ, будто свобода существуетъ только въ республикахъ и при республиканскихъ правленіяхъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что всякая республика есть обыкновенное поприще спраспей; а гдѣ господствуютъ опраспи, тамъ возникаетъ деспотизмъ, тамъ умы въ непрерывномъ броженіи, тамъ насиліе часто предписываетъ законы, тамъ нравы всегда го-

повы къ развращенію. Республиканцы сдѣлали добродѣтель *пружиною* республикѣ. Очень неудивительно, что люди находясь въ плѣну водимаго спрашными правленія, призывали на помощь добродѣтель, которая однакоже не есть *пружина* республиканскаго общества; она есть болѣе предохранительница отъ бѣдствій, въ которыхъ сіе правленіе можетъ вовлечь людей. Я думаю съ сочинителемъ *Ольга Нравственности и Политики*, что свобода гораздо надежнѣе бываетъ въ правленіи болѣе средномъ естеству человека. Народъ бываетъ всегда свободенъ, доколѣ управляется соответственно съ его нравами, и я не нахожу въ цѣломъ свѣшъ такой власти, которая могла бы перемѣнить нравы народа, если онъ самъ ихъ неперемѣняетъ. Нравы суть какъ бы постановленіе, напечатлѣнное во глубинѣ сердецъ; сіе постановленіе, находясь подъ покровительствомъ отцовъ, матерей, супруговъ и дѣтей, переходитъ изъ рода въ родъ; оно есть сила всегда бодрствующая, сила, коей ничто не можетъ преодолѣть и низвергнуть, и которая сопротивляется нападенію деспотизма. Когда спраши толпятся вокругъ ея, чтобы измѣнить видъ общества; она бываетъ непоколебима какъ изычская Судьба, коей опредѣленія превышали волю боговъ, и которая предписывала законы самому Громовержцу.

Въ новѣйшихъ монархiяхъ и особливо Европейскихъ есть другая защита противъ деспотизма, т. е. честь. Честь, въ истинномъ смыслѣ, есть нечто иное, какъ благородное чувствованiе справедливости, честности и достоинства человека; она родилась во времена варварства. Когда законоположенiе было несовершенно и служило сѣтью для невинности; честь приняла сторону угнетаемаго безсилiя. Не столько внимашь стали законамъ, сколько ея могущественному гласу. Равнымъ образомъ и въ настоящiя времена желательнымъ было бы, чтобы, въ случаѣ когда перестаютъ говорить законы, честь болѣе всего призываема была и повелѣвала сердцами.

Доколѣ честь сохраняетъ свою силу, весьма трудно ввести деспотизмъ; съ другой стороны, доколѣ нравы народа непрестанно пѣли никакого измѣненiя, невозможно лишить его вольности. Деспотизмъ вводится по забывшiи нравственныхъ постановленiй, когда народъ впалъ въ распушество. Рабство въ своемъ существѣ есть развращенiе, и когда народъ престаешь быть свободнымъ, сiе есть знакъ, что онъ болѣе уже таковымъ быть не можетъ. Мы сказали уже, что въ благоустроенныхъ государствахъ всякая власть происходитъ отъ Бога; можно сказать еще, что въ испорченныхъ и развращенныхъ го-

сударствахъ всякой деспотизмъ происходитъ отъ народа, котораго онъ желаетъ и ему предается. . . .

Съ Фр. Переверзевъ.

Харьковъ.

III. С М Ъ С Ъ.

О нынѣшнемъ состояніи негровъ, находящихся въ колоніяхъ Амери- канскихъ.

Неблагодарность есть порокъ, болѣе свойственный вообще всѣмъ людямъ, нежели вообще каждому человѣку. Живущее поколѣніе почти никогда не помнитъ благодарній, кои оно одолжено минувшему; наслаждаясь гопольскими выгодами, оно думаетъ, что спяжало ихъ своими собственными трудами. По счастью, усиліи просвѣщенія не зависятъ отъ благодарности тѣхъ, кои пользуются ими. Приспращныя мыбнія не могутъ сдѣлать ни малѣйшей перемѣны въ слѣдствіяхъ событій, и укоризны, произносимыя на счетъ осмнадцатаго столѣтія, никого неувѣряютъ, будто въ семъ столѣтіи нераспространились между людьми возвышенныя, челоѣколюбивыя мы-

сли, коихъ спасительныя дѣйствія напоследокъ рано и поздно должны совершиться. Нынѣ вопіютьъ противъ филантропическихъ жалобъ на торговлю неграми: сіи жалобы происекли отъ добраго начала, но слѣдствія ихъ были весьма неблагопріятны; нынѣшніе же вопли происходятъ отъ непохвальной причины, и слѣдствія ихъ, по моему мнѣнію, ни мало не опасны. Какъ бы то ни было, доброе начало, отъ котораго произошли прежнія жалобы, имѣло еще и другія, весьма хорошія слѣдствія: жребій черныхъ невольниковъ, работающихъ въ Американскихъ колоніяхъ, нынѣ гораздо сноснѣе, нежели какъ въ началѣ осмнадцатаго вѣка. Тамъ уже болѣе непочитаютьъ негровъ живошными средняго рода между человекѣмъ и обезьяною. Гарри Болингброкъ въ недавно изданномъ *Путешествіи по берегамъ рѣки Демерари, въ Голландской Гвіанѣ*, помѣспилъ нѣкоторыя весьма любопытныя извѣстія о содержаніи негровъ. Для удовольствія читашелей переводимъ главнѣйшія изъ оныхъ.

„Хозяинъ завода, пишетъ Болингброкъ, купивши новопривезенныхъ негровъ, прежде всего пріучаетъ ихъ къ новому климату, долженствующему замѣнить имъ жаркой поясъ ихъ отечества. Съ ними обходящся какъ съ дѣтьми. Еще непосылая на работу, снабжаютъ ихъ панталонами, рубашкой, камзолѣмъ и шапкой. Очень забавно смотрѣть на нихъ, наряженныхъ по европейски. Иногда нескоро соглашающся они надѣвать свое плащье, не потому будшо привыкли къ лучшему, или будшо уже и прежде носили такое же, но для того что почишаютъ себя людьми выс-

знаго класса и хопяшѣ имѣшѣ одежду одинакой цѣны съ шюю, какую носяшѣ чиновники въ колоніяхѣ. Самою важною вещью почишаешѣ у нихѣ одѣяло, которое служашѣ имѣ вмѣсто постели, до шѣхѣ порѣ пока выдадутѣ имѣ оную.

„На заводѣ сперва отдаютѣ негровѣ подѣ надзираніе ключавицы, которая снабжаешѣ ихѣ пищею, напиткими, куришельными шрубками, шабакомѣ и всѣмѣ, что можешѣ сдѣлать пріятнымѣ новое ихѣ соспояніе. Спаряютѣ расположитѣ ихѣ къ веселости; учатѣ ихѣ всему нужному. Сперва возлагаютѣ на нихѣ легкія работы въ окрестности дома; пріучаютѣ ихѣ къ устройству и порядку завода; послѣ того поручаютѣ ихѣ подѣ надзорѣ старыхѣ негровѣ, которые употребляютѣ для своихѣ услугѣ новыхѣ пришельцовѣ и заставляютьѣ ихѣ готовить себѣ кушанье; на послѣдокѣ уже посылаютьѣ ихѣ работашѣ вмѣстѣ съ другими невольниками, и работа ихѣ гораздо сноснѣе, нежели какѣ вообще думаютѣ, пошому что негры, бывшіе и въ своемѣ отечествѣ по большей части рабами же, имѣли шамѣ болѣе нуждѣ и менѣе выгодѣ.

„Вѣ девять часовѣ звоняшѣ къ завтраку, которой продолжается цѣлой часѣ. Вѣ часѣ по полудни зовутѣ негровѣ обѣдать, и дозволяютѣ имѣ сидѣть за столомѣ часѣ съ четвершью. При захожденіи солнца негры переспаютьѣ работашѣ, курятѣ шабакѣ и ужинаютьѣ. Ешо время ихѣ пиршества. Кромѣ обыкновенной пищи имѣ даютьѣ на недѣлю по кружкѣ рому и по два фунта куришельнаго

пабаку. То и другое оппускается, какъ лакомство, для ихъ удовольствія.

„Привыкнувши къ новому климату, негры заводятъ у себя дворовую птицу, свиней, козъ и разводятъ огородные овощи, для которыхъ назначаютъ имъ мѣсто. Умѣющій какому-нибудь ремеслу занимается своею работою въ свободное время и выручаетъ деньги за свои издѣлія. Въ старости, или при ослабѣвшихъ силахъ, негры содержатъ маленькія лавочки. Въ колоніяхъ Гвіаны не рѣдко случается видѣть негровъ, которые хозяйствомъ своимъ наживаютъ сумму, достаточную для выкупа себя изъ неволи. Я зналъ и такихъ негровъ, которые отдавши господину своему одну часть положенной цѣны, обдывались доспальную заслужить по полученіи свободы. Многие тратятъ деньги на платья и уборы; нѣкоторые копятъ ихъ, не думая о своемъ выкупѣ. Въ Ессеквебо я зналъ одну старуху, оставившую послѣ смерти своей 300 фунтовъ стерлинговъ, которые и были раздѣлены дѣтьми ея. Деньги сіи накопила она отъ продажи домашней птицы.

„Врачъ посѣщаетъ заводъ обыкновенно по три раза въ недѣлю. Господинъ даетъ ему за каждаго негра по два доллара, и за сію плату врачъ обязанъ пользоваться невольниковъ своими лѣкарствами.

„Всякой негръ, купленный для завода и назначаемый къ работѣ, имѣетъ право заводить своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Всякой негръ, здоровой и больной, молодой и старой, имѣетъ пищу, лѣкарства, одеж-

ду и кварширу. Я всегда радовался, смотря на одного спараго съ сѣдою бородою негра, и на жену его, сидящихъ у дверей своей хижины; подлѣ нихъ подѣ кокосовымъ деревомъ играли внуки ихъ и внучки, между шѣмъ какъ отецъ и мать сихъ дѣтей работали въ полѣ. На всѣхъ старыхъ заводахъ есть негры уже шрешьяго и чешзершаго поколѣній.

„На новыхъ заводахъ спараются достать возрастныхъ негровъ, способныхъ ко всякой работѣ. Туть ихъ женящъ. Человѣкъ прудится съ большею ревностію и бываетъ рачительнѣе въ своемъ хозяйствѣ, когда чувствуетъ надобность приобрести что нибудь для украшенія своей подруги. Негры обыкновенно бываютъ счастливы въ своемъ семействѣ; они наблюдаютъ законы благоприспособности и добронравія. Узнавши о невѣрности жены своей (что весьма рѣдко случается), негръ жалуется надзирашелю или самому господину завода, которой дозволяетъ имъ развеспись, и заключить новой союзъ. . . .

„Прежде въ Американскихъ колоніяхъ съ Неграми поступаемо было жестоко, потому что надзоръ надъ ними по большей части ввѣряли другимъ неграмъ же; но общошательства совершенно переѣнились, когда сію должность начали возлагать на бѣлыхъ. Во все время пребыванія своего въ Демерари и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни случалось бытъ мнѣ, я всегда спрашивалъ негровъ, болѣе ли они любятъ Африку или Америку; увѣриштельно объявляю, что ни въ одномъ изъ сотни неприѣтно было сожалѣнія о прежнемъ состояніи; думаю, что если бы спросить о томъ и всѣхъ

негровъ , находящихся въ Гвіанѣ, то навѣрное и между ними не нашлось бы во снѣ одного, кошорой ошвѣчалъ бы противное. . . .

„Всегда ушверждали, что число негровъ въ колоніяхъ безпрестанно уменьшается, по причинѣ жестокаго сѣ ними обхожденія и отъ нездороваго климата; что до прежняго времени, не спорю; но теперь совсѣмъ иначе. До сихъ поръ не было необходимой надобности въ новомъ привозѣ негровъ изъ Африки, для умноженія наличнаго числа невольниковъ или для дополненія недоспапка; напротивъ того число ихъ умножается, хотя и мало примѣшнымъ образомъ, пошому что во многихъ мѣстахъ безпрестанно учреждаются новыя заведенія. Впрочемъ природный цвѣтъ насшоящихъ негровъ исчезаетъ и долженъ исчезать отъ смѣшенія ихъ съ бѣлыми, мулашами, креолами и метисами; однакожь отъ того число людей не уменьшается.

„Въ 1787 году въ Англійскихъ Американскихъ колоніяхъ было 50,000 бѣлыхъ, 10,000 оливковыхъ, 465,000 невольниковъ; въ 1805 : 55,000 бѣлыхъ, 18,000 оливковыхъ, 510,000 невольниковъ. Въ одной только Ямаикѣ число сихъ послѣднихъ прибавилось 24,000; правда что шущъ же полагаются и прикупленные 4000.

„Въ странахъ лежащихъ между тропиками, климатъ не столько вреденъ для негровъ какъ для Европейцовъ; на одного негра умираетъ по чешыре бѣлыхъ.“

Сіи подробности конечно будутъ приятны для истинныхъ друзей человечества. Не

льзя безъ удовольствія видѣшь сихъ благодѣ-
тельныхъ слѣдствій, происшедшихъ отъ успѣ-
ховъ просвѣщенія, отъ распространенія чело-
вѣколюбивыхъ правилъ, отъ благородныхъ
мнѣній и отъ истинной философіи.

Изъ L'Esprit de Journaux. М.

О Т а р а н ш у л ь.

Странно, что такое достопамятное на-
сѣкомое, каковъ тараншуль, столь мало извѣ-
стно. Путешественники, врачи и натура-
листы несогласны между собою въ разсужде-
ніи исторіи его, слѣдствій уязвленія и спо-
собовъ врачеванія. Передъ симъ за чептыре го-
да напечатана была въ *Европейскомъ Архи-
вѣ* (Archives littéraires de l'Europe) переведен-
ная съ Нѣмецкаго языка статья, сочиненная
однимъ путешественникомъ; въ ней оспори-
ваются дѣйствія *тараншулизма*, и отвер-
гается сила музыки надъ спрраждущимъ. Сей
путешественникъ выдаетъ себя за очевиднаго
свидѣтеля; несмотря на то, черезъ нѣсколь-
ко мѣсяцовъ въ упомянутомъ Журналѣ помѣ-
щено письмо г-на Валкенаера, сочинителя Исто-
ріи о наукахъ, которой, судя по описанію
Нѣмецкаго путешественника о тараншуль,
догадывается, что онъ отъ роду невидывалъ
сего насѣкомаго. Въ прочемъ г. Валкенаеръ не
вмѣшивается въ споръ; а только съ похвалою
упоминаетъ о сочиненіи Валешшы, которой
врачеваніе тараншулизма приписываетъ дѣй-
ствію музыки и пляски, и объ рисунокѣ Ал-
бина, которой держится того же мнѣнія.

При столь странномъ разномыслии о семъ любопытномъ предметѣ, думаемъ, читателямъ нашимъ не неприяно будетъ знать, что говоритъ одинъ ученый и безпристрастный мужъ о такомъ дѣлѣ, которое извѣстно ему по собственнымъ опытамъ и наблюдениямъ. Г. Докторъ Питаро, врачъ Неапольскій, въ Медицинскомъ обществѣ соревнованія, въ которомъ онъ членъ, читалъ разсужденіе свое о шараншулѣ. Предлагаемъ извлеченіе.

Г. Питаро съ самаго начала объявляетъ о себѣ, что вѣришь какъ шараншулизму, то есть опаснымъ слѣдствіямъ отъ уязвленія шараншула, такъ и врачебной силѣ музыки. Разныя небылицы, выдуманныя обманщиками и легковѣрными людьми, послужили поводомъ, что вообще все разсказываемое о шараншулахъ приписываютъ къ числу басень. Неаполитанецъ Іовіанъ Понпанъ, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, повѣствуетъ, что въ Апуліи всѣ проказники и проказницы въ его время извиняли дурачества свои уязвленіемъ шараншула; ибо тамъ вообще думали, что всякой мужчина, укушенный шараншуломъ, подвергался власпи Момуса, а женщина владычеству общенородной Венеры. И такъ неудивительно, что истина, отъ которой родилось заблужденіе столь странное и опасное, была опровергаема.

Въ прочемъ Понпанъ, разсказывая, басню, по видимому, самъ ей не очень вѣришь. Другой, того же вѣка и той же страны писатель, Александръ (Alexander ab Alexandro), говоритъ уже совсѣмъ иное о шараншулизмѣ. Его показаніе совершенно сходно со мнѣніемъ, по-

всюду господствовавшимъ до полѣ, пока не вздумали отровергать оное. По словамъ Александра, человекѣ, уязвленный параншуломъ, впадаетъ въ безчувственность и потомъ умираетъ, ежели не употребляются средства къ излеченію сего опаснаго недуга. Больной, услыша звуки гитары или флейты, пошчасѣ пробуждается какъ будто онъ крѣпкаго сна, открываетъ глаза, становится на ноги, и начинаетъ ходить въ тактѣ. При усиливаетъ звукахъ больной становится бодрѣе, прыгаетъ, пляшетъ, дѣлаетъ разныя весьма пріятныя шлодвиженія, и все въ тактѣ и подѣ музыку. Перестаютъ играть, и больной повергается въ прежнее состояніе безчувствія; начинаютъ играть, больной опять запляшетъ; и сіе дѣйствіе музыки продолжается до совершеннаго выздоровленія.

Докторъ Пишаро, сославшись на свидѣтельство Александра, потомъ Бальиви, Меада, Жофроя, Альбина, Валешты и другихъ, весьма подробно рассказываетъ объ одномъ произшествіи, случившемся въ Южной Калабріи 1793 года, и при которомъ самъ онъ дѣлалъ свои наблюденія. Одинъ жнецъ былъ уязвленъ параншуломъ и вылѣченъ своими поварицами; все сіе происходило при г-нѣ Пишаро. Тутъ музыка имѣла участіе; однакожъ не была единственнѣмъ, исключительнѣмъ способомъ излеченія. Надобно замѣнить, что жнецы не пошчасѣ принялись за нее, опасаясь, чтобы не испугать больнаго, который могъ бы догадаться, что онъ уязвленъ параншуломъ. Спустя нѣсколько часовъ, а не прежде, одинъ изъ товарищей заигралъ на мандолинѣ пѣсню, известную подѣ названіемъ *тирантеллы*, будучи

бы для своей забавы. Сперва больной недоволенъ былъ сею музыкою: но мало по малу привыкъ къ ней, сдѣлался бодръе, всталъ на ноги, ходилъ въ шактѣ; пошомъ легши опить, двигалъ ногами по звукамъ пѣсни. Такимъ образомъ больной пользуется быль сряду нѣсколь-ко дней; въ седмой день онъ выздоровѣлъ.

И такъ дѣйствіе музыки, кажется, не подлежаще сомнѣнію; можешъ быть больной скорѣе выздороветь бы, когда бы ранѣ призвали на помощь музыку, и когда бы нескрывали отъ уязвленнаго, въ какомъ онъ находится состояніи; можешъ быть слишкомъ опасная сила сего способа врачеванія заставила жнецовъ удержаться и неупотреблять его въ первыя минуты, а между тѣмъ испытать другія средства, что ими и сдѣлано. Какъ бы то ни было, г. Питаро на одно изъ сихъ средствъ не безъ причины старается обратить вниманіе испытателей природы. Жнецы пошчасъ раздавили шарангула надъ раночкою, на которую положили двѣ монеты разныхъ металловъ, обмочивъ ихъ сперва своею слюною. Спустя немного, они привязали къ подошвамъ больного двѣ жестиныя дощечки; пошомъ сняли съ раночки монеты, и снова къ ней же ихъ приложили, съ пою только разницею, что раздавленный шарангулъ, бывший прежде на самой раночкѣ, теперь очутился между монетами. Разсуждая о семъ врачеваніи, г. Питаро невидитъ больной важности въ раздавленномъ шарангулѣ, приписывая сіе дѣйствіе къ числу тѣхъ народныхъ предразсудковъ, коихъ начала описать невозможно. Чшожь касается до жестиныхъ дощечекъ а особливо до монетъ разныхъ металловъ, то онъ не безъ удивленія

шутъ находить сѣды извѣстнаго *гальванизма*, въ наше время ошкрытаго, или можетъ быть только возобновленнаго. Въ самомъ дѣлѣ только законами гальванизма изъяснить и оправдать можно сіе дѣйствіе, съ давнихъ временъ употребляемое въ Калабріи для пользованія уязвимыхъ параншулами. Не уже ли случайно свѣдали объ немъ неграмотныя Калабрійцы? Почему знать, можетъ быть оно, равно какъ и другія части сего врачеванія, есть останокъ потерянной науки, останокъ тѣхъ трудовъ, коими Италійская секта ѣдкогда прославила сію прекрасную область? Послѣднему мнѣнію особенно по благопріятствуеетъ, что всѣ способы, Калабрійскими жнецами употребляемые при лѣченіи параншулизма, равномерно одобряются правилами Медицины. Доспальная часть Разсужденія, впрочемъ весьма короткая, содержитъ въ себѣ очень любопытныя извѣстія о дѣйствіи и силѣ музыки; также догадки о томъ, какое участіе можетъ имѣть гальванизмъ въ пользованіи гидрофобіи, и опыты дѣланные сочинителемъ надъ параншулами въ отношеніи къ гальванизму и электричеству.

Изъ Публициста. М.

Объ изверженіи Елны.

Слѣдующее письмо, содержащее въ себѣ любопытныя подробности объ изверженіи Елны, взято изъ Лондонскаго Журнала The Star. Оно писано однимъ Англійскимъ офицеромъ, находившимся на островѣ Сициліи.

Мессина, 24 Апрѣля, 1809.

Марша 27, въ шесть часовъ по утру, явилось надъ Елною большое облако черной золы и взяло направленіе къ нашему городу, лежащему отъ горы въ пятидесяти миляхъ. Это предвѣщало скорое изверженіе сего славнаго волкана. Зола, несомая сильнымъ вѣтромъ, падала на улицы и на кровли въ большомъ количествѣ. Она походила на огнеспрѣльный порошокъ, такъ что одинъ Ирландскій солдатъ, бывшій въ цитадели, закричалъ: „вѣтеръ выломалъ двери въ магазинахъ и развѣялъ весь порошокъ!“

При восхожденіи солнца раздавшійся со стороны горы ужасный ревъ успрашилъ всѣхъ жителей. Не зная, сколь велика опасность угрожающаго бѣдствія и откуда ждешь его надлежало, многіе убѣжали изъ домовъ своихъ. Послѣ ужаснаго шума вдругъ настало изверженіе золы, кошорая вылетала изъ главнаго отверстія, и составляя большія облака, носилась въ пространствѣ воздушномъ. Выспрѣлъ послѣдовалъ споль спремительной, что изверженныя вещества брошены были на нѣскольکو миль противъ вѣтра, кошорой дулъ очень сильно.

За изверженіемъ золы, уже въ вечеру послѣдовало изверженіе лавы, кошорая полилась

съ горы спрашною рѣкою и въ шрехѣ мильжѣ раздѣлилась на два рукава.

Волканѣ ушихѣ; но на другой день по упру снова настало изверженіе и было еще ужаснѣе прежняго. Лава стремительно лилась черезъ поле и лѣса даже до Монше-Негро. До сихѣ порѣ ни одинѣ проводникѣ неосмѣливался любопытнымѣ путешественникамѣ показати дорогу къ опверзшю волкана; зола и смолистые вещества, лежавшія кучами, на каждомѣ шагѣ оспанавливали и угрожали опасностю жизни всякому, кто ни дерзнулѣ бы къ нимѣ приблизити. Несмотря на шо, черезъ два часа послѣ перваго изверженія одинѣ изѣ проводниковѣ по безразсудной опважности осмѣлился подойти къ подножию Етны. Сіе изверженіе образовало цѣлой рядѣ опверзшій, простирающійся почти на двѣ мили и составляющій вмѣстѣ съ другими кеправильную черту, имѣющую направление къ сѣверо-западу отѣ вершины.

Среди обнаженнаго лѣса дубовыхѣ деревѣ и еловыхѣ находится обширная пропасть, содержащая въ себѣ двѣнадцать опверзшій; два изѣ нихѣ горятъ безпрестанно, а прочія временно. Отѣ нихѣ происходилѣ громѣ, равняющійся залпу нѣсколька тысячѣ пушекѣ; изѣ внутренностій ихѣ вылетали пламя и каменные глыбы, копорыя поднявшись фушовѣ на тысячу въ верхѣ, падали нагору въ разныхѣ направленіяхѣ.

Главныя два опверзшія, о копорыхѣ упомянулѣ я выше, предспавляли въ сіе время позорище великолѣпное и ужасное; два пламен-

ные столба при изверженіи казались соединившимися, имѣя въ окружности болѣе тысячи локтей. Изъ сего столба выскакивали камни и падали съ шрескомъ.

Въ ряду опверзшій одно пылало сильнѣе другихъ и произвело самыя опаснѣйшія выспрѣлы. Большія каменные глыбы упали подлѣ насъ въ двухъ шагахъ одна подлѣ другой, и мы едва было не сдѣлались жертвою своего любопытства. Я думаю, что лава вытекала изъ двухъ только главныхъ опверзшій; ибо казалось, что она отъ стороны ихъ выходила и ошдѣляла ихъ отъ прочихъ. Сіе кипящее вещество составляло рѣку въ полмили шириною. Зажегши лѣсъ, до котораго лава коснулась въ своемъ печеніи, она полилась далѣе, испребляя все, что ей на пути ни попадалось. Въ шести миляхъ отъ двойнаго опверзшія она раздѣлилась на два рукава, изъ коихъ большій взялъ направленіе свое къ дому Барона Карри. Почти въ двухъ шагахъ отъ сего дома, лава пошекла находящеюся тушъ продолговатою впадиною, и подала причину надѣяться, что здѣсь окончится ея печеніе; однакожь накопившееся вещество вышло изъ ямы. Другой рукавъ пошелъ къ сѣверу Лингва-Гроссы и подошелъ весьма близко къ дому Барона Каньона. Устрашенные жители Лингва-Гроссы опчаялись — было въ жизни своей и имуществѣ; но къ счастью изверженіе прекратилось.

Тогда огненная рѣка, не получая прилива изъ опверзшія, раздѣлилась на многіе рукава и составила маленькіе островки; но жидкая матерія пошекла медленнѣе, сгустилась и затвердѣла:

Не могу дать вамъ яснаго понятія о сей лавѣ; я не могъ сдѣлать никакихъ наблюденій надъ ея жидкостію; но думаю, что она должна быть очень жидка, ибо имѣла печеніе весьма удобное. По моему мнѣнію, она можетъ пройти въ одинъ часъ чепыре мили.

Изверженіе и пекущая лава ночью представляющъ такое зрѣлище, которое наполняетъ душу ужасомъ. Вылетающіе изъ отверзшій камни бѣлымъ цвѣтомъ своимъ придающъ болѣе яркости багряному пламени. Камни сіи сыпались по горѣ и по долинѣ; поле нѣсколько времени казалось испещреннымъ звѣздами и блесками. Пылающія деревья служили новымъ украшеніемъ великолѣпной каршины. Раздавались крики безчисленнаго множества разнородныхъ птицъ, оплешающихъ отъ своего жилища. Лава, какъ адская рѣка багрянаго цвѣта съ черными пестринами, представляла ужасную прошивность ночному мраку. Тамъ капился огромной клубокъ огня; здѣсь являлась подвижная гора съ мнимыми крѣпостями. Вся страна за Лингва-Гроссою и Пие-Монше нынѣ покрыта золою. Многія поля выжжены и опустошены лавою.

При семъ смятеніи Природы Сициліянцы не показали ни любопытства, ни страха. Самъ Баронъ Карри, котораго домъ былъ подверженъ великой опасности, съ суевѣрнымъ упорствомъ долгое время прошивился предложенію многихъ Англійскихъ офицеровъ, которые совѣтовали ему сбросить драгоцѣннѣйшія вещи свои отъ погибели, угрожавшей всему его имѣнію. „Пустое, отвѣчалъ Баронъ: что Богу угодно, то съ нами и будетъ!“ Однакожь наконецъ бѣ долженъ былъ послушаться неоп-

спупныхъ своихъ совѣтователей, и наконецъ согласился вынести изъ дому лучшіе ножишки. Между шѣмъ какъ лава приближалась къ его жилищу и была уже въ двухъ шагахъ, изверженіе прекратилось къ величайшему удовольствію и радости жителей. Сіе счастливое событіе приписывали они ходатайству своихъ угодниковъ, коихъ образа поржественно принесены были изъ Каспильоне (находящагося съ небольшимъ въ прехъ миляхъ) въ продолженіе усиливавшейся опасности, и поставлены среди толпы бѣдныхъ людей въ недалекомъ разстояніи отъ пламени. Шествіе составляли жители обоихъ половъ, совершенно нищіе, покрытые рубищами; они наполняли воздухъ крикомъ своимъ и рыданіемъ, рвали на себѣ волосы, и били себя плешью, между шѣмъ какъ сопуствующіе священники зывали ко всѣмъ святымъ и молили ихъ о избавленіи народа отъ бѣдствія. Ходъ остановился на дорогѣ подлѣ дома Барона Карри; шупъ приходской священникъ, взшедши на балконъ, прочиталъ крашкое поученіе, соединяя съ словами самыя выразительныя шѣлодвиженія. Онъ сказалъ, что огненное изверженіе воспослѣдовало для наказанія слушателей за содѣянные ими грѣхи, и что они должны загладитъ оныя искреннимъ покаяніемъ. При каждой остановкѣ въ поученіи раздавались вздохи и рыданія; слушатели удвояли на себѣ удары плешью, желая доказать шѣмъ сокрушеніе своего сердца. Я самъ никогда не былъ столько разпроганъ бѣдствіемъ народнымъ, какъ при семъ случаѣ.

И кто изъ смертныхъ дерзнетъ помыслишь, что жизнь его длится безъ помощи

свыше? Какія чувствія раждаются въ душѣ, при возрѣннн на опустощительныя дѣйствія развѣреннаго волкана! Какая жестокая скорбь объемлетъ сердце человека, когда видишь онѣ незапное разореніе полей своихъ и минутную пошерю всего имущества! Другія бѣдствія скоро проходящѣ. За неурожаемъ и голодомъ слѣдуетъ обильная жатва; несчастія войны изглаживаются временемъ: но грядущія пожелбнн всегда будутъ имѣть у себя передъ глазами черныя, бесплодныя скалы, возносящіяся на жилищахъ и нивахъ предковъ злополучныхъ! Т.

Н е к р о л о г і я.

Недавно науки лишились г-на Кавендиша, члена Королевскаго Лондонскаго общества и Французскаго Института. Онѣ скончался въ Лондонѣ въ первыхъ числахъ минувшаго Апрѣля.

Во Французскомъ Монитерѣ помѣщено весьма любопытное извѣстіе о нравственныхъ качествахъ и о сочиненіяхъ Кавендиша. Сообщаемъ здѣсь краткое извѣ онаго извлечение.

Кавендишъ былъ близкій родственникъ Герцога Девонширскаго. Въ молодости своей онѣ имѣлъ общій младшей линіи наслѣдникамъ жребій, но естѣ пользовался достаткомъ самымъ посредственнымъ; но при склонности своей къ наукамъ и при умѣренной жизни онѣ былъ доволенъ своимъ состояніемъ, и совсѣмъ не заботился о способахъ разбогатѣть или выдти въ чины, на которыя имѣлъ право по

своей породѣ. Родственникамъ Кавендиша казалось, что онъ ни къ чему негодится; и для того былъ онъ ими совершенно оставленъ.

Кавендишъ посвящалъ всего себя любимымъ наукамъ. Повинуясь влеченію склоности своей, скоро сдѣлалъ онъ многія открытія, и приобрѣлъ ими отличное себѣ уваженіе и славу, коихъ не могъ бы надѣяться, еслибъ пошелъ вопреки своему предназначенію. Кавендишъ принадлежалъ къ числу ученыхъ мужей, способствовавшихъ успѣхамъ новой Химіи. Не много сочиненій послѣ него осталось; но всѣ онъ заключаютъ въ себѣ новыя изобрѣтенія, острую пронизательность и строгую точность; всѣ онъ могутъ служить образцами въ искусствѣ дѣлать опыты. Онъ первой изслѣдовалъ породу водороднаго газа и опредѣлялъ свойства, коими отличается сей газъ отъ атмосферическаго воздуха. Ему обязана Химія славнымъ открытіемъ составныхъ частей воды, въ послѣдовавшее уже время подтвержденнымъ и усовершенствованнымъ опытами г-на Лавуазье.

Подробности частной жизни его не менѣе достойны любопытства, сколько были полезны плоды его упражненій. Одинъ дядя его, служившій Генераломъ въ Королевствѣ, возвратившись въ отечество, былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что Кавендишъ оставленъ родственниками, и въ утѣшеніе племянника при смерти своей отказалъ ему все свое имѣніе, приносящее годоваго дохода болѣе *ста тысячъ* ефимковъ. Такимъ образомъ Кавендишъ сдѣлался несравненно богаче всѣхъ ученыхъ, и вѣроятно ученѣе всѣхъ богачей. Тогда и род-

спивенники не замедлили примѣшить въ немъ достоинства и изъявили желаніе съ нимъ подружиться; но Кавендишъ разсудилъ за благо неперемѣннѣе образа своей жизни. Онъ остался шѣмъ же простымъ, незашѣйливымъ Кавендишемъ, какимъ былъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, простота жизни его и умѣренность были почти необычайны. Ничто не казалось для него сполько тягоспнымъ, какъ управленіе служителями и хлопоты по хозяйству въ домѣ; все у него опправляемо было по законамъ почнымъ и непремѣннымъ, подобно движенію шѣлъ небесныхъ; все предусмошрѣно, для всего предначерпаны ясныя правила, шакъ что Кавендишъ былъ совершенно свободенъ опо всѣхъ заботъ по части домашняго хозяйства. Служители его были нешто иное какъ самодвижушцяся машины, а домъ его уподоблялся часамъ, копорыя заводить никогда нѣшѣ необходимости. Плашье у него было всегда одинакаго покроя, одинакаго цвѣта, одинакой матеріи. Кавендишъ постпоянно любилъ сукно сѣраго цвѣта, и напередъ можно было знать по календарю всякой разѣ, когда нужно ему сдѣлать новое плашье, изъ чего и какаго цвѣта. Если же случалось, что люди забывали при наступившемъ срокѣ о перемѣнѣ плашья; то Кавендишъ напоминалъ имъ, произнося только одно слово: *портаго!* Во всемъ прочемъ наблюдаемы были шакая же простота, умѣренность и однообразіе. Человѣкъ сей, издерживая для себя шакъ мало, сыпалъ деньги со щедростію прямо царскою для наукъ и для тайныхъ благодѣяній. Онъ собралъ необвѣстную, содержащую въ себѣ самыя лучшія сочиненія библіотеку, кошорая опкрыта была для всякаго ученаго, для всѣхъ любопытныхъ людей,

ищущихъ обогатиться полезными свѣдѣніями. Для сего пригошевлены были печатныя карточки, изъ которыхъ по однимъ дозволялось занимать въ библіотекѣ, а съ другими соединялось право брать къ себѣ въ домъ книги. Чтобы избѣжать безпокойствъ отъ посѣщителей, Кавендишъ помѣстилъ библіотеку въ двухъ миляхъ отъ мѣста своего пребыванія и въ части города самой удобной для ученыхъ. Самъ онъ шуда же посылалъ за книгами, въ которыхъ имѣлъ надобность; въ полученіи книгъ давалъ расписки, и попомъ возвращалъ оныя всегда вѣрно и съ величайшею исправностію. Побуждаемый безкорыстіемъ, благороднымъ и даже удивительнымъ, онъ со всѣми на равнѣ пользовался шѣми благодѣяніями, каихъ самъ былъ виновникомъ!

Съ такою простотою, съ такимъ добродушіемъ, Кавендишъ оставался всю жизнь свою неженатымъ. Сказываютъ, что прежде случившіяся препятства въ намѣреніи сочтаться навсегда отвратили его отъ женитьбы. Кавендишъ строго наблюдалъ правила нравственности и благочестія, по примѣру Ньютона и Локка. Онъ умеръ на семидесятомъ году отъ бѣли въ мочевомъ пузырьѣ. Думаютъ, что искусство врачей могло бы еще пролить благодѣтельную жизнь Кавендиша, еслибъ оно призвано было въ пору, и что одна только излишняя скромность его причиною сей незабвенной пошери. Не нужно доказывать, что Кавендишъ, живучи такъ умеренно, при всемъ распочительствѣ на дѣла полезныя, не могъ проживать всего своего дохода: имѣніе его знатно увеличилось. Остающееся по немъ наследство простирается до

1,200,000 фунтовъ сперлинговъ, которыхъ онъ отказалъ по завѣщанію многимъ дальнимъ своимъ родственникамъ. Кавалеръ Благденъ, членъ Королевскаго Лондонскаго общества, наилучшій другъ покойнаго и по качествамъ своимъ достойный быть другомъ его, получилъ 400,000 франковъ. Нѣтъ примѣра, чтобы кто-либо изъ Ученыхъ по смерти своей оставилъ столь великое богатство. Ньютонъ и Лейбницъ были богаты, однакожь несравненно менѣе Кавендиша. И такъ великой умъ и умѣренность не всегда бывають несообразны съ богатствомъ, хотя и видимъ немало примѣровъ, дающихъ поводъ къ противоположному заключенію!

Изъ Публициста. М.

Письма къ Издателю.

1.

27 Мая, 1810. Касимовъ.

Пріянно думашъ о побудишельной причинѣ извѣщеній вашихъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ людей, пѣснимыхъ судьбою; упѣщитель-но мыслишь о слѣдствіяхъ челоѣколюбивой щедрости нашихъ соотечественниковъ. Довѣренность къ ихъ великодушію заставляешъ и меня написать къ вамъ нѣсколько спрочекъ.

Сего Мая 14го числа по полуночи въ десятомъ часу Рязанской Губерніи въ городѣ Скопинѣ учинился при сильномъ вѣтрѣ съ бурю жестокой пожаръ, кошорой въ 4 часа

обратилъ почти весь городъ въ пепелъ. Пять каменныхъ церквей, присудственные мѣста, училище и болѣе семи сотъ домовъ съ лавками и прочимъ строеніемъ сдѣлались жертвою пламени; 25 человекъ при семъ несчастномъ случаѣ лишились жизни. Имущество гражданъ хощя и вышаскано было на площади, но все погребло, и они остались только при томъ, съ чѣмъ успѣли выбѣжать въ поле. Обгорѣлыя листы церковныхъ книгъ и казенныхъ бумагъ шеперь находятъ верстъ за 40 и далѣе отъ города. Болѣе 4000 несчастныхъ жителей, лишенныхъ имущества и приспанища, со слезами воздѣваяюиъ руки къ Богу и къ своимъ соотечественникамъ, требуя ихъ пособія. Пусть предсавяшъ въ мысляхъ своихъ соспрадашельные чашатели вашего Вѣспника, пусть предсавяшъ городъ, прежде населенный и цвѣтущій, нынѣ цепломъ и развалинами покрытый; пусть вообразяшъ себѣ горестное состояніе Скопинскихъ жителей, помимыхъ зноемъ, голодомъ и жаждою! Не уже ли наши соотечественники захопяиѣ уступили въ великодушїи Англичанамъ, которые въ кофейныхъ домахъ своихъ подписываютъ тысячи фунтовъ шерлинговъ для пособія спраждущему человечеству? Я увѣренъ, и вы безъ сомнѣнїя увѣрены со мною вмѣстѣ, что Россы также щедрые и соспрадашельные неосщавяшъ сего случая безъ вниманїя. Пожертвованїя для бѣдныхъ лучше мраморныхъ монументовъ, зашѣваемыхъ иногда суешнымъ честолюбіемъ и сокрушаемыхъ косою неумолимага времени. Сїи жертвованїя служатъ истиннымъ украшенїемъ для всей наци и виновникамъ своимъ угощвляюшъ мзду въ вѣчности. Прилагаю при семъ ассигнацію на *десять руб.*

лей. Прошу васъ, Господа Издатели, отпра-
вить оную въ Скопинской Городовой Магистр-
ратъ для ошдачи разореннымъ жишелямъ.
Прошу васъ шакже, именовъ всѣхъ друзей чело-
вѣческа, и впредь ошсылашъ тудаже деньги,
ежели кто-либо изъ вашихъ чашапелей за-
благоразсудитъ дославить Скопинскимъ жи-
шелямъ пособие чрезъ посредство ваше (*).
Имѣю честь бышъ, и проч.

Яковъ Тихановъ.

2.

С. Петербургъ. 10 Мая, 1810.

Жалкое со всѣхъ споронъ соспоянїе се-
мейства, о кошоромъ хочу васъ увѣдомить, и
желанїе изыскашъ средства къ облегченїю уча-
сти онаго заславили меня обратишъся къ по-
средству вашего Журнала.

Тишулярный Совѣшникъ, природный Дво-
рянинъ А. А. С. служилъ Спряпчимъ въ Верх-
немъ Ламовѣ и по уничшоженїи уѣзда въ семъ
городѣ въ 1796 году оспался безъ должности.
Нынѣ ошъ роду ему 76 лѣшъ; при шаккой спа-
рости онѣ одержимъ еще разными болѣзнями.
Жена уже 25 лѣшъ больна головою. Изъ двухъ
дочерей одна выдана за мѣщанина, а другая
живетъ при ошцѣ своемъ въ вешхой и почти
развалившейся хижинѣ. Трехъ сыновей, кошо-
рыхъ самъ же С. обучалъ граматѣ, записалъ онѣ

(*). *Десять рублей* будущъ отправлены не-
медленно по желанїю благошворителя, ко-
шорому общаемся исполнишъ и другое его
шребованїе. *Изд.*

въ службу. Получая 75 рублей въ годъ пенсіону, онъ не только не въ состояніи содержать имъ цѣлое семейство, но почти не имѣетъ нужнаго пропитанія. Не рѣдко мнѣ случалось видѣть, что онъ, перемогая старость свою и недуги, впрягаетъ своими руками лошадь и шацился въ пелегѣ къ какому-нибудь близко живущему помѣщику — просить милоспшины! Добрые люди, всякой по возможности, помогающъ ему, иной хлѣбомъ, иной деньгами. Желая описать жалкое состояніе угнѣбшеннаго бѣдностію семейства, я старался предсавить его въ такомъ видѣ, въ какомъ оно есть, надѣясь, что и неукрашенная истина подѣйствуешь на благошворителей, и что спраждущему человѣчеству не откажутъ подать руку помощи. Въ семъ случаѣ да благоволящъ надписывать Пензенской Губерніи въ городѣ Нижній Ламовѣ на имя Его Высокопреподобія отца Израиля, Архимандрита монастыря Казанской Божіей Матери, при запискѣ для врученія Тишулярному Совѣшнику А. А. С.

С. . . .

У в ѣ д о ж л е н і е .

Деньги 25 рублей изъ Чечерска получены, и по первой почтѣ будутъ отправлены въ С. Петербургъ къ Поручицѣ Горбуновой, по желанію благошворителя.

IV. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Отъ Сенатора Фуше, Министра Полиціи, донесено Императору Наполеону, что одинъ Ирландецъ, Баронъ Колли, нашелъ способъ дойти къ Асшурійскому Принцу Фердинанду; имѣющему пребываніе свое въ замкѣ Валансе, съ грамошамя отъ Короля Англійскаго. Онъ совѣщовалъ Принцу тайно убѣжать изъ Франціи; однакожь Принцъ отвергъ предложеніе Барона Колли, и тотчасъ далъ о немъ знаніе губернатору замка, г-ну Баршелеми. Баронъ взявъ подъ спражу и немедленно отправленъ въ Парижъ со всѣми находившимися при немъ бумагами. Асшурійской Принцъ въ письмѣ къ губернатору изъяснилъ негодованіе свое противъ умысла непріязненной державы и прибавилъ къ тому, что почищаетъ единственнѣйшимъ своимъ покровителемъ Е. В. Императора Наполеона.

Ихъ В. Императоръ и Императрица 27 Апрѣля предпріяли путешесствіе къ предѣламъ Голландіи. Мая 1 го они были уже въ Антверпенъ, гдѣ вмѣстѣ съ Королемъ и Королевою Вестфальскими и Принцемъ Вице-Королемъ присушествовали при спускѣ линейнаго корабля осмидесяти - пушечнаго. Король Голландскій прибылъ въ сей городъ 5 го Мая. Въ слѣдующіе дни высокіе путешественники про-

ѣзжали другіе города; 10 числа Императоръ находился въ Флиссингенъ и обозрѣвалъ береговья укрѣпленія на островѣ Валхеренѣ. 13го Въ вечеру Ихъ В. возвратились въ Антверпенъ, а на другой день оправились въ Бриссель и остановились во дворцѣ Лекенѣ. — Г. Макензей, посланникъ Великобританскаго Короля и Вильямсъ Киспонъ секретарь посольства, находятся въ Парижѣ. Они наняли для себя домъ на время праздниковъ, имѣющихъ бытъ въ Юнѣ мѣсяцѣ. Въ первыхъ числахъ Мая г. Макензей имѣлъ аудіенцію у Министра иностранныхъ дѣлъ, Дюка Кадорскаго.

Италіянское Королевство.

По силѣ практаша, заключеннаго между Императоромъ Наполеономъ и Королемъ Баварскимъ, части Италіянскаго Тироля; прилежація къ Италіянскому Королевству и Иллирійскимъ областямъ, опшоли къ упомятому Королевству. Онѣ должны заключашъ въ себѣ отъ 280,000 до 300,000 жителей.

Рейнской союзъ.

Ихъ В. Король и Королева Саксонскіе, съ Принцессою Дщерію своею 17го Мая прибыли въ Варшаву при пушечной пальбѣ и колоколомъ звонѣ.

А в с т р і я.

Австрійское правительство, нашедши, что до сего времени выпускаемы были изъ государства значныя суммы, плашима за кофе, повелѣло товаръ сей исключить изъ торговыхъ снатеи и ввозить его не иначе какъ по особому дозволению и въ самомъ маломъ количествѣ. — Министерство финансовъ занимается распоряженіями, касающимися до продажи нѣкоторыхъ духовныхъ помѣстій,

для уменьшенія банковыхъ ассигнацій. — Ихъ В. Императоръ и Императрица съ половины Мая имѣющъ пребываніе свое въ Прагѣ.

А н г л і я.

Надъ средиземнымъ флотомъ принялъ начальство Адмиралъ Маршинъ послѣ смерти Адмирала Лорда Коллингвуда, которой умеръ въ то самое время, какъ готовился возвратиться въ Англию для поправленія своего здоровья. Тѣло Коллингвуда погребено будетъ въ Лондонской церкви Св. Павла, подлѣ Нельсона. — Крѣпость Цейпа занята Англійскимъ войскомъ; въ нее отправился изъ Гибралтара извѣстный Генералъ - Маіоръ Фразеръ съ однимъ полкомъ.

Д а н і я.

Въ концѣ Апрѣля прошло черезъ Большой Бельтъ нѣсколько военныхъ судовъ Англійскаго флота, а именно 1 линейной корабль, 2 фрегата и 1 бригъ, которые не останавливаясь, поплыли далѣе въ Балтійское море.

Ш в е ц і я.

Наслѣдный Принцъ Шведскій 28го Мая при осмотрѣ одного гусарскаго полка близъ Гельсингборга, внезапно пораженъ ударомъ апоплексіи, и въ ту же минуту скончался. Его Высочество предпринялъ было путешествіе для обозрѣнія южныхъ провинцій Шведскихъ.

15 *Іюня.*

КОНЕЦЪ ІІ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТДЕСЯТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ,

Стрэк.

П Р О З А.

Письма Е. В. Фукса о послѣдней войнѣ Французовъ съ Пруса- ками.	3
Ви шорина Ольмонъ.	28
Сравненіе Суворова съ Полковод- цами XVIII столѣтія.	38
Суворовъ и Тугунъ.	91
Анекдоты изъ жизни Іосифа Гай- дена.	169
Розы мальзерба.	251
Образецъ связи въ разговорахъ общества.	261

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Посланіе къ Его Превосходитель- ству Ивану Петровичу Турге- неву, 1774 года.	42
Богославъ, Король Польской.	45
Нещастіе.	48
Звездъ и громъ.	—
Барсъ и Бѣлка. Басня.	49
Эпиграммы.	50
Элишафія.	51
Смерть Илполиша.	120
Гомеровъ Гимнъ Діанѣ.	123
Спихи на смерть Даниловой.	124
Элишафія.	126

	Спран.
Въ день рожденія <i>N.</i> - -	126
Эпиграммы. - -	—
Молодой Эпикуръ. - -	127
Сонъ Гафалии. - -	201
Религія. - -	204
Гармонія. - -	205
Объявленіе. - -	209
Быль въ преисподней. - -	210
Къ поршрешу Меньщикова. - -	—
Къ поршрешу Бибриса. - -	—
Къ Эльвиръ. - -	211
Эпиграммы. - -	—
Элегія. * - -	212
Ложный страхъ. - -	213
Изъ Тассова освобожденнаго Іеру- салима. - -	274

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

АРХЕОЛОГІЯ,

О вѣкахъ золотомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ, упоми- наемыхъ древними стихошвор- цами. - -	51

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

О лирическомъ стихошворствѣ. - -	128

В А Я Н І Е.

О нагошѣ сташуй и объ ихъ одеждѣ. - -	214

III. КРИТИКА.

Мои Петербургскія сумерки. - -	72
Статистическое обозрѣніе Си- бири. - -	134
Записки историческія, полити- ческія и военныя о Россіи съ 1727 по 1744 годъ. - -	230
Сокращенный переводъ замѣчаній	

на книгу : Опытъ Нравствен-
ности и Политики Машвѣя
Моле, изданный по смерти со-
чинителя. - - -

297

У. С М Ъ С Ъ.

Чувствованія Киевскаго Дворян- ства о скончавшемся Киевскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ , Петрѣ Прокофьевичѣ Панкратъ- евѣ. - - -	150
Объявленіе ошѣ Фитографиче- скаго Общества, учреждаемаго въ Горенкахъ. - - -	154
Разговоръ философа Дежерандо съ Сень-Маршенемъ. - - -	153
О нравахъ Ар-бовъ. - - -	160
Некрологія. - - -	245 и 320
О нынѣшнемъ состояніи негровъ, находящихся въ колоніяхъ Аме- риканскихъ. - - -	304
О Таранулѣ. - - -	310
Объ изверженіи Епны. - - -	315
Письма къ Издашелямъ. 82, 245 и	324
Прибавленіе. - - -	88
Увѣдомленіе. - - -	250 и 327

**V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ. 85 ,
165 , 247 и 328**

